

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
им. Святителя Кирилла Туровского

Кафедра церковной истории
и церковно-практических дисциплин

Священник Гордей Щеглов

**ПУТЬ ДО КОНЦА:
история Серафимовского лазарета
на Кавказском фронте
(1915–1920)**

Минск
Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви
2014

УДК [94+271.2](476-25)«1915/1920»

ББК 63.3(4БИ)524

Щ33

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви.
Решение № 1784 от 08.04.2014.

*Рецензент – протоиерей Федор Кривонос,
кандидат богословия, доцент Минской духовной академии.*

Щеглов, Г. Э.

Щ33

Путь до конца: история Серафимовского лазарета на Кавказском фронте (1915–1920) / священник Гордей Щеглов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2014. – 223 с. : ил.

ISBN 978-985-6978-79-4.

Монография посвящена истории лазарета духовного ведомства, действовавшего в годы Первой мировой войны на Кавказском фронте. В книге воспроизведены любопытнейшие картины жизни лечебного заведения, работавшего в непростых условиях. Вместе с тем его история неразрывно связана с именем Федора Михайловича Морозова (1883–1962) – археолога, искусствоведа, собирателя, ушедшего на фронты Великой войны санитаром-добровольцем. Он начал деятельность при лазарете в качестве «агента для поручений», затем заведовал хозяйством и, наконец, стал уполномоченным, неся по существу всю ответственность за лечебное заведение. Работу в лазарете Морозов активно совмещал с археологическими изысканиями и собирательской деятельностью. Он оказался единственным, кто прошел с лазаретом весь путь: от начала до конца.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся Первой мировой войной, историей Русской Православной Церкви, военно-медицинских учреждений, археологией.

УДК [94+271.2](476-25)«1915/1920»

ББК 63.3(4БИ)524

ISBN 978-985-6978-79-4

© Щеглов Г. Э., 2014

К ЧИТАТЕЛЮ

Как известно, на протяжении всей русской истории Православная Церковь играла в жизни общества исключительную роль, особенно в трудные, критические для Отечества моменты, выступая объединяющей духовно-нравственной силой. Высокий авторитет Церкви во все времена служил надежной опорой для русского народа в дни роковых испытаний. И этот авторитет, бесспорно, признавался обществом. Однако в годы Первой мировой войны Церкви пришлось действовать уже в совершенно иных условиях. К началу XX века процесс «расцерковления», то есть безверия и отхода от традиционных нравственных ценностей, охватил уже широкие слои общества. В светской печати началась буквально неумолкающая травля всего, что относилось к Церкви и ее представителям, осуждалось и осмеивалось все, что еще не так давно было дорого народному сердцу. «Все стало мешать людям, что относится к религии, – писал современник. – С переоценкой всех ценностей люди дошли и до религии. Раздались голоса, что религия мешает наукам и всестороннему развитию общества; уроки веры и благочестия в школах – одна лишь трата времени, что часы, назначенные по программе на Закон Божий, надо перевести на другой какой-либо предмет – на ремесла или гимнастику. И началось сначала тайное, а потом открытое гонение на христианство – раньше против обрядов религии, а потом стали высмеивать самое вероучение и даже святые таинства. И стали церкви во время Богослужения пустеть – раньше в городах, а после и по деревням»¹.

Вместе с тем никто как будто не хотел замечать разрастающиеся всюду страшные плоды этого неверия. Повсеместно участились убийства, самоубийства, хулиганство, мошенничество, обман, казнокрадство, неуважение к личности и другие

¹ Булгаковский Д. Г. Живем ли мы по-христиански. Апология христианства по поводу 1600-летнего торжества христианской веры. – СПб.: Тип. М. Пивоварский и А. Типограф, 1913. – С. 19–20.

неприглядные явления. Страшной язвой распространялось в народе пьянство. «Куда ни посмотришь, везде пьют и допьяна напиваются. Ни голодовки, по случаю недородов, ни эпидемические болезни, ни разорительные войны, ни общественные неурядицы не уменьшают пьянства. Точно все сделали между собой уговор разрушить все, что есть хорошего и не думать о том, что ожидает впереди»².

Не изменила, впрочем, нравственную ситуацию и начавшаяся мировая война, хотя первый год ее и ознаменовался необычайно высоким патриотическим и религиозным подъемом. Вместе с тем уже во время войны многие светские газеты с новой силой начали без разбора кричать и шуметь, что духовенство мало жертвует, мало делает. В адрес Церкви сыпалась необоснованная критика, и авторитет ее намеренно принижался.

Вот в таких непростых условиях Русской Православной Церкви пришлось нести крест жертвенного служения Отечеству. Причем деятельность ее в это время как никогда в истории ознаменовалась исключительной широтой и разнообразием – в годы Первой мировой войны Церковь выступила не только как институт духовный, но проявила себя и в особой патриотической деятельности церковных учреждений и организаций. С первых же дней войны Святейший Синод стал выработать целую программу мер, обращенных на нужды военного времени, активно координируя и направляя деятельность церковных организаций³.

Особую окраску с началом войны приобрело общественное богослужение: установились особенные торжественные службы, крестные ходы, нарочитый пост. За богослужением возносились специальные прошения (ектении) о даровании победы, об исцелении раненых. Кроме того, после каждой литургии служились молебны о даровании российскому воинству победы над врагом. По субботам совершались сугубые поминовения павших воинов.

² Булгаковский Д. Г. Море слез. Картины из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». Изд. 4-е. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – С. 3.

³ Рункевич С. Г. Великая отечественная война и церковная жизнь: Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: Синод. тип., 1916. – С. 15–17.

С особой силой повсюду зазвучала церковная проповедь. Она ободряла людей, напутствовала уходящие на фронт войска, отбывавшие отряды сестер милосердия, отряды ополченцев. Важную роль играла проповедь в рассеивании всевозможных тревожных и провокационных слухов на фронтах и в тылу. А такие слухи, как известно целенаправленно распространялись, а в войсках особенно, чтобы подорвать дух армии, внести беспокорство, брожение и смуту.

Проповедь шла не только устная, но и печатным словом. В армию и госпитали отправлялись Евангелия, молитвословы, миллионы листов и брошюр, как общего религиозно-нравственного содержания, так и применительно к обстоятельствам войны.

В церковных кругах повсюду шли всевозможные сборы для фронта: деньгами, вещами, подарками. Сборы непосредственные, когда священники лично ходили по приходу, собирая пожертвования, и сборы посредством различных, специально учрежденных приходских организаций. Сборы проходили в церквях, а также во многих не церковных организациях, которым по предписанию Синода или епархиального начальства духовенство должно было оказывать содействие. В общей сложности церковные сборы за первые годы войны оказались весьма внушительными. Церковные организации собрали не меньше, чем собрали за тот же период Земские и Городские союзы, причем не истратив ничего из собранного на себя.

В епархиях открывались лазареты, а где не было возможности, учреждались стипендии – койки в лазаретах Красного Креста, Земских и Городских союзов и др. При лазаретах действовали «Дамские Кружки», помогавшие бельем и присмотром за больными, а также Попечительные советы, снабжавшие выпивающихся одеждой, бельем, обувью и кое-какими средствами.

В каждом приходе, за исключением лишь немногих, где по каким-либо причинам не представлялось физической возможности, с началом войны были учреждены приходские Попечительные советы для помощи семьям лиц, призванных в армию. В большинстве они действовали рядом с гражданскими организациями,

образованными для той же цели, взаимно согласуя свою деятельность и помогая друг другу, кое в чем почти сливаясь, но в большей части распределив труд. Приходские советы собирали и раздавали деньги, продукты, вещи, зерно, муку, крупу, доставляли дрова, уголь, чинили разрушившиеся постройки. Особенно ценной была организация помощи по уборке и засеву полей семьям, чьи кормильцы воевали на фронте. В епархиях у семей мобилизованных запасных не оставалось ни одного не убранного с поля и не обмолоченного на гумне снопа. Кроме того, для присмотра и ухода за детьми таких семей во время уборочной страды Попечительные советы устраивали временные детские приюты и ясли.

Посильную денежную помощь армии оказывали монастыри. Многие иеромонахи поступили в военные священники. Многие из монашествующей братии шли в санитарные отряды, много послушников взято было в войска по призыву. Монашествующие сестры, как правило, обслуживали местные лазареты. На призыв Святейшего Синода многие монастыри откликнулись устройством у себя лазаретов, отводом помещений на нужды войск, готовностью устроить у себя здравницы для выздоравливающих воинов и организовать обучение ремеслам увечных. Неоценимую помощь оказали монастыри, давая приют беженцам.

Огромный труд несло на своих плечах приходское духовенство. Оно молилось с уходящими на фронт, с оставшимися дома; напутствовало уходивших, утешало и ободряло оставшихся; заботилось о семьях запасных; писало письма солдатам, выдавало разного рода справки, составляло списки нуждающихся; председательствовало в приходских Попечительских советах и в некоторых волостных Попечительствах. Священникам помогали их жены – «матушки». В некоторых местах они даже объединялись в самостоятельные организации: писали воззвания, собирали пожертвования, отправляли подарки, досматривали раненых.

За время войны в действующей армии, исполняя пастырский долг, побывало более пяти тысяч священников⁴. Не обязанные находиться во время боев на передовых позициях, полковые

⁴ *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Нью-Йорк, 1954. – Т. 2. – С. 93.

священники часто стремились на поле сражения. Они личным примером бесстрашия старались вдохновлять воинов, своим участием согревали их души, будили совесть, предохраняли солдат «от столь возможного на войне ожесточения и озверения»⁵. Помимо непосредственных священнических обязанностей они помогали врачебному персоналу перевязывать раненых, руководили отправкой их на перевязочные пункты, напутствовали умирающих и вместе с санитарями собирали и хоронили убитых⁶.

Нередки были случаи и исключительного героизма военного духовенства, проявленного на полях сражений. Вот лишь несколько примеров самоотверженных поступков полковых священников. «9-й драгунский Казанский полк должен был двинуться в атаку на австрийцев. Раздалась команда командира полка, но полк не тронулся с места. Жуткая минута! Вдруг вылетел на своей лошадке скромный и застенчивый полковой священник о. Василий Шпичек и с криком: “За мной, ребята!” понесся вперед. За ним бросилось несколько офицеров, а за ними весь полк. Атака была чрезвычайно стремительной; противник бежал. Полк одержал победу»⁷. Старец-иеромонах Евтихий (Тулупов) в переломный момент боя с крестом в руках возглавил атаку русских солдат и сам погиб в том же бою⁸. Священник артиллерийской бригады, отец Константин, находившийся на командном пункте дивизиона, узнав о повреждении телефонной линии, под ружейным и артиллерийским огнем неприятеля направился по линии провода для исправления повреждения. Ободренный его примером телефонист последовал за священником, и благодаря им связь была восстановлена. Священник пехотного полка, отец Т., во время одного из боев, когда солдаты, не выдержав мощного огня, хотели бросить позиции, вышел к ним навстречу с крестом

⁵ Шавельский Георгий, протопресвитер. Указ. соч. Т. 2. – С. 102.

⁶ Герои из православных пастырей, запечатлевших смертью высокий долг на войне // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 9. – С. 304–308.

⁷ Шавельский Георгий, протопресвитер. Указ. соч. Т. 2. – С. 103.

⁸ Герой монах // Странник. – 1915. – № 11 (ноябрь). – С. 1404–1407.

в руках и, стоя под градом пуль, убедил бойцов вернуться на боевые места⁹. Удивительное мужество проявил престарелый иеромонах Антоний (Смирнов), оставшийся на гибнущем минном заградителе «Прут». Незабвенны подвиги священников Павла Смирнова, Владимира Праницкого, Александра Тарноуцкого, Парфения Холодного, иеромонаха Амвросия (Матвеева) и др.

На фронте вместе с простыми священниками трудились и архиереи. Так, викарий Московской епархии, Дмитровский епископ Трифон (Туркестанов), еще в самом начале войны по собственному желанию отправился на Галицийский фронт, где служил в качестве простого полкового священника, исполняя одновременно обязанности благочинного дивизии. В скромном подряснике, с простым иерейским крестом, без всяких отличий архиерейского сана нес он вместе со своим полком все тяготы фронтовой жизни. Архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), также в качестве «исполняющего обязанности священника» служил на одном из линейных кораблей Черноморского флота. Незабываемы патриотические труды Холмского епископа Анастасия (Грибановского) и Гродненского архиепископа Михаила (Ермакова)¹⁰.

Свою жертву на алтарь Отечества несли и учащиеся духовных учебных заведений, множество зданий которых было взято под лазареты и постои войск¹¹. Если для гимназий, населенных большей частью горожанами, лишение здания было жертвой, то для духовных семинарий и училищ, имеющих контингент учащихся из приезжих, помещавшихся в общежитии, оно было жертвой сугубой. Учащиеся производили между собой маленькие сборы и посылали подарки на фронт, старшие посещали лазареты для чтения и пения, семинаристы исполняли обязанности санитаров по перегрузке и доставке раненых, иногда участвовали в трудовых дружинах по уборке полей семьям запасных.

⁹ Хроника епархиальной жизни // Странник. – 1915. – № 11 (ноябрь). – С. 1346.

¹⁰ Хроника епархиальной жизни // Странник. – 1915. – № 8–9 (август-сентябрь). – С. 1029–1031.

¹¹ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916.

Воспитанницы женских училищ шили белье и готовили разного рода вещи¹². В одном епархиальном училище воспитанницы собрали все свои, у кого какие были, украшения и вырученные на них деньги потратили на подарки воинам.

Одной из светлых страниц является деятельность трех лечебных заведений имени преподобного Серафима Саровского, организованных и содержавшихся в годы войны на отчисления преподавателей духовных училищ, семинарий и академий Российской империи.

Уже в первые дни войны среди преподавателей духовно-учебных заведений появилось желание как-то сорганизоваться для оказания совместной помощи раненым воинам, не довольствуясь «случайными пожертвованиями на Красный Крест и другие подобные организации». Выразителем таких стремлений стал ректор Петроградской духовной академии Ямбургский епископ Анастасий (Александров), обратившийся с особым представлением в Святейший Синод. В результате был учрежден специальный комитет Красного Креста духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам российской армии. Возглавил его архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский). В течение 1914–1915 годов комитет организовал для действующей армии два лазарета и один передовой перевязочный отряд. Все лечебные заведения носили имя великого молитвенника Русской земли – преподобного Серафима Саровского – и находились под Августейшим покровительством членов царской семьи.

Первому Серафимовскому лазарету, действовавшему на Западном фронте, посвящена моя книга «Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918)»¹³. История передового перевязочного отряда, работавшего в боевых

¹² *Зверев И.* Об участии церковных школ Минской епархии в современной войне // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 2. – С. 59–65; № 3–4. – С. 92–98.

¹³ *Щеглов Гордей, священник.* Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918). – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2014. – 316 с.: ил.

условиях на Юго-Западном фронте, представлена также в моей книге «Боевой путь передового перевязочного отряда имени преподобного Серафима Саровского (1915–1917)»¹⁴. Настоящая же книга посвящена второму Серафимовскому лазарету, действовавшему в годы Великой войны на Кавказском фронте.

История этих лечебных заведений интересна в первую очередь людьми, в них трудившимися – их отношениями, характерами, судьбами. Так, например, в одном только первом Серафимовском лазарете судьба свела неординарных и интереснейших людей. Руководил им иеромонах Николай (Муравьев), будущий архиепископ, а в то время единственный в России дипломированный врач-монах. Вторым врачом состоял выдающийся еврейский поэт и переводчик Саул Черниховский, внесший неоценимый вклад в еврейскую национальную культуру. Хозяйственной частью заведовал капитан С. П. Васильев, родной дядя известного российского писателя-мариниста Виктора Конецкого. Среди добровольцев братьев милосердия в лазарете трудились будущий митрополит Гурий (Егоров) и известный ленинградский искусствовед Федор Морозов, о котором речь еще впереди. Передовой перевязочный отряд имени преподобного Серафима возглавлял француз граф Александр дю Шайля – человек яркой и непростой судьбы, а духовником в нем был иеромонах Антоний (Лучкин), ставший первым духовным наставником мальчика Коли Гурьянова, известного впоследствии подвижника благочестия и духоносного старца.

История же кавказского Серафимовского лазарета неразрывно связана с именем Федора Михайловича Морозова (1883–1962) – археолога, искусствоведа, коллекционера, самоотверженно занимавшегося на протяжении жизни сбережением памятников искусства и старины. На фронты Первой мировой войны он ушел санитаром-добровольцем, оставив мирную обстановку Александро-Невской лавры, где подвизался послушником. Сначала Морозов трудился в первом Серафимовском лазарете в Минске,

¹⁴ *Щеглов Гордей, священник. Боевой путь передового перевязочного отряда имени преподобного Серафима Саровского (1915–1917).* – Минск: ВРАТА, 2013. – 112 с.: ил.

затем отправился на Кавказский фронт в составе второго Серафимовского лазарета, с которым прошел весь путь. Начал он в нем свою деятельность «агентом для поручений», затем заведовал хозяйством лазарета, и, наконец, стал уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений, неся по существу всю ответственность за лечебное заведение.

История кавказского Серафимовского лазарета не ограничивается годами Первой мировой войны, но продолжилась и в период Гражданской, вплоть до 1920 года...

ПУТЬ ДО КОНЦА

Организация подвижного лазарета имени Серафима Саровского – для Кавказского фронта – началась в феврале 1915 года. Формировавший его комитет Красного Креста духовно-учебных заведений одновременно инициировал ходатайство о присвоении лазарету Августейшего имени Его Императорского Высочества и Великого Князя Цесаревича Алексея Николаевича. Об этом Святейший Синод через обер-прокурора В. К. Саблера обратился к императору, который 20 февраля в Царском Селе собственноручно начертил на прошении: «Согласен»¹⁵.

Комплектование материальной части формируемого лечебного заведения поручили студенту IV курса Петроградской духовной академии французу графу Александру дю Шайля, назначенному на должность заведующего хозяйством и уполномоченного комитета. Это был человек любопытной судьбы. Родился он в 1885 году в местечке Сен-Лежье вблизи от Веве в Швейцарии. Учился в иезуитской коллегии. В юном возрасте заинтересовался русской культурой, стал изучать русский язык и литературу, а затем и вовсе принял православие. Мать простила сыну перемену веры, но отец не простил. После разлада с родителями Александр уехал в Россию, приняв русское подданство. Здесь он учился в Электротехническом институте, вместе с тем живо интересовался религиозными вопросами, общался с разными церковными деятелями. В начале 1909 года граф по совету Петербургского митрополита Антония (Вадковского) поселился близ Оптиной Пустыни, где прожил девять месяцев, близко общаясь с оптинскими старцами. Находясь в России, дю Шайля состоял корреспондентом французской газеты «Le Matin», печатался в «Revue contemporaine» и других

¹⁵ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 67.

изданиях. Написал несколько исследований на французском языке по истории русской культуры, а также по славянским и церковным вопросам. Вместе с тем на новой родине молодой француз активно включился и в политическую жизнь. Он стал известен как переводчик полемических изданий по окраинному вопросу и пропагандист славянофильских и монархических идей. В 1910 году дю Шайля поступил вольнослушателем в Петербургскую духовную академию.

Когда началась война, граф хотел отправиться на военную службу, однако медицинская комиссия забраковала его по состоянию здоровья, и он был направлен в распоряжение Главного управления Российского общества Красного Креста. Вскоре дю Шайля поступил братом милосердия в Синодальный лазарет имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, открытый в резиденции обер-прокурора Святейшего Синода на Литейном проспекте 62. В свободное от дежурств время граф изучал вопросы, относящиеся к административной и хозяйственной части функционирования лазарета. Поэтому, когда комитет Красного Креста духовно-учебных заведений решил формировать лазарет для Кавказского фронта, дю Шайля оказался весьма подходящей фигурой на должность завхоза.

До середины марта граф занимался организационными, хозяйственными и финансовыми вопросами по формированию лазарета. Выезжал по делам в Финляндию в Гельсингфорс: заказывал палатки и другое оборудование. Однако когда комитет стал формировать передовой санитарный транспорт для Юго-Западного фронта и у дю Шайля появилась возможность возглавить его, граф отказался от должности заведующего хозяйством Серафимовского лазарета¹⁶.

Поскольку у комитета Красного Креста духовно-учебных заведений своего претендента на должность завхоза не оказалось, Главное управление Российского общества Красного

¹⁶ *Щеглов Гордей, священник. Боевой путь передового перевязочного отряда имени преподобного Серафима Саровского (1915–1917).* – Минск: ВРАТА, 2013. – С. 6–11.

Креста предложило кандидатуру чиновника Василия Васильевича Шишова, служившего в Главном управлении помощником делопроизводителя мобилизационного отдела.

К концу марта состав 2-го Серафимовского лазарета уже окончательно определился. Возглавил его доктор медицины Вениамин Александрович Белиловский, состоявший до этого врачом-инспектором города Пскова. Он же являлся и уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений при лазарете. Кроме Белиловского в отряд вошли: младший врач – доктор медицины Афинского университета Феофилакт Константинович Феофилактос, заведующий хозяйством – Василий Васильевич Шишов, агент для поручений – студент Петроградского университета Федор Михайлович Морозов, сестры милосердия петроградской Свято-Троицкой общины Доминикия Ивановна Карашевич (старшая сестра), Анна Яковлевна Браве, Анна Августовна Иодко, Елизавета Петровна Клиперсон, Ольга Борисовна Храповицкая и монахини Псковского женского монастыря Виталия (Егорова) и Евлогия (Михайлова), а также старший санитар – Сергей Николаевич Занфир¹⁷. Кроме того в состав лазарета был включен духовник – студент IV курса Петроградской духовной академии иеромонах Иннокентий (Тихонов)¹⁸.

¹⁷ **Занфир Сергей Николаевич** – сын капитана (из дворян Херсонской губернии), выпускник кадетского корпуса.

¹⁸ **Иннокентий** (в миру Борис Дмитриевич Тихонов; 22.05.1889–29.10.1937) – архиепископ. Родился в г. Иркутске. Окончил Томскую духовную семинарию, С.-Петербургскую духовную академию (1911–1915) со степенью кандидата богословия и Археологический институт. В 1913 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. В 1914 г. был духовником в подвозном автомобильном перевязочном отряде; в 1915 г. духовник при 2-м Серафимовском лазарете. В 1915–1916 гг. состоял профессорским стипендиатом Петроградской духовной академии при кафедре церковной археологии. В 1917 г. поступил в число братии Александро-Невской лавры. В 1918 г. назначен правителем дел Духовного Собора лавры. С 1919 г. занимал должности в Русском отделении Академии истории материальной культуры. В 1921 г. возведен в сан архимандрита. 28 февраля 1922 г. хиротонисан во епископа Ладожского, которым значился до декабря 1925 г., когда был осужден на 2 года ссылки в Архангельский край. В 1923 г. осужден на 2 года ссылки в Туркестан. В 1925 г. осужден на 3 года в Соловецкий лагерь, затем снова находился в ссылке. В 1930 г. назначен епископом Благовещенским. В 1931 г. осужден на 3 года лагерей. 19 сентября 1932 г. уволен на покой. После отбытия заключения 19 октября 1933

Отдельно следует сказать о студенте-добровольце Федоре Морозове, поскольку именно его судьба в военные годы будет неразрывно связана с Серафимовским лазаретом – он единственный, кто пройдет весь путь с лечебным заведением от начала до конца. Родился Федор Морозов 7 февраля 1883 года в Петербурге у незамужней крестьянки Тверской губернии, приехавшей в столицу на заработки. Учился в реальном училище, но «вследствие смерти родных» вынужден был уйти из V класса. Оставив учебу, Федор нанялся в контору Семянниковского литейно-механического завода, однако одиночество и религиозность привели его в Александро-Невскую лавру, куда он поступил в 1904 году послушником¹⁹.

Смышленного и расторопного юношу заметил Петербургский митрополит Антоний (Вадковский), сделав своим иподиаконом²⁰. «Жизнь моя довольно странная, – писал позднее Морозов одному из знакомых, – вечный от юности я скиталец, рано я потерял своих родных и промыслом Божиим, как-то случайно, попал к добрейшему Владыке Митрополиту, принявшему во мне близкое отеческое участие. Его строгая жизнь воспитала и во мне строгое отношение к жизни и понятие ее. Я начал работать над собой, силясь выбраться “в люди”, всюду насмешки и только никому незаметная ласка Владыки постоянно ободряла меня в работе»²¹.

С того времени Морозова все чаще можно было видеть рядом с митрополитом. Он сопровождал его при богослужениях, выполнял поручения келейного характера, бывал и на

г. назначен епископом Старорусским, викарием Новгородской епархии. С января 1937 г. – архиепископ Харьковский. С 23 марта 1937 г. – архиепископ Винницкий. В октябре 1937 г. арестован и в ноябре расстрелян.

¹⁹ Рункевич С. Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: «Лига Плюс», 1997. – С. 666.

²⁰ **Иподиакон** – церковнослужитель в Православной Церкви, главным образом, прислуживающий при архиерее во время его священнодействий.

²¹ Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 40 об.

церковных мероприятиях в присутствии Высочайших особ, куда допускался не всякий, да и то по особому разрешению.

Неся иподиаконское и другие монастырские послушания, Морозов, между тем, проявлял склонность к книгам и науке, интересовался предметами старины. С первых же лет пребывания в лавре он присматривался к различным вышедшим из употребления церковным предметам, начав собирать их как памятники старины «в одно помещение». Через некоторое время по инициативе Морозова, поддержанной митрополитом, в лавре был устроен замечательный церковно-археологический музей, названный Древлехранилищем, а сам послушник Федор назначен его хранителем. На лаврского собирателя обратил внимание ректор петербургского Археологического института профессор Н. В. Покровский. Морозову предложили учиться в институте, куда он и был принят, несмотря даже на недостаточный образовательный ценз²². Во время учебы в институте (1910–1912) послушник Федор способствовал приведению в порядок и научной организации лаврского архива: при участии профессоров и учащихся института были составлены систематическая опись и каталог дел. Сам же Морозов был назначен помощником архивариуса лавры. В 1912 году он вместе с профессорами Н. В. Покровским и И. А. Шляпкиным ездил в Рим на III Международный конгресс классической археологии. За границей Морозов провел более трех месяцев, побывав в Помпеях, Венеции, Равенне, Флоренции, Милане, Сиене, Пизе, Монако, Ницце, Берлине, Мюнхене, Дрездене, Госларе, Гильдесгейме, Гальберштадте, Вене и других местах. Изучая под руководством профессоров древние памятники и византийское искусство, он знакомился также с постановкой музейного и архивного дела в крупнейших галереях и музеях Европы.

²² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70.

Вернувшись в Россию, Морозов поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Петербургского университета. Одновременно стал членом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

В начале 1910-х годов Морозов пытался сначала при поддержке митрополита Антония (Вадковского), а затем великой княгини Марии Павловны, возглавлявшей Академию художеств, организовать на территории Александро-Невской лавры церковный музей Санкт-Петербургской епархии, но безуспешно.

Человек любознательный и общительный, он был лично знаком со многими видными деятелями науки и культуры: А. А. Карелиным, А. Н. Бенуа, В. Т. Георгиевским, А. В. Шусевым, Д. В. Айналовым, С. Ф. Платоновым, С. Г. Рункевичем, графом Д. И. Толстым, К. К. Буллой, А. К. Фаберже и др.

Когда началась война, послушник Федор увидел свое призвание в деятельной помощи истекающему кровью ближнему. Ради этого он решил пренебречь комфортной и мирной обстановкой лавры, любимым делом, учебой, сменив подрясник послушника на гимнастерку и халат санитаря. С первых же дней Морозов стал хлопотать об устройстве в Красный Крест братом милосердия. Ему очень хотелось попасть на фронт, на передовую, куда влекли высокие идеалы жертвенной христианской любви. «В этом вижу самый лучший путь искупления земных грехов и долг христианина в годину испытаний», – писал Морозов профессору И. А. Шляпкину²³.

Новый царский духовник протоиерей Александр Васильев, с которым Морозов был хорошо знаком, помог ему записаться в организуемый комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений лазарет имени преподобного Серафима Саровского²⁴.

²³ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 21 об.

²⁴ Там же. Л. 15 об.

В середине сентября Морозов вместе с лазаретом прибыл в Минск, однако здесь его ожидало разочарование: он не нашел той деятельности, к которой стремился. Серафимовский лазарет оказался, по сути, тыловым лечебным заведением – вдали от передовой. Раненых в него доставляли немного, в основном больных. Кроме того, старший врач привлек студентов-санитаров к канцелярской работе, которой оказалось чрезвычайно много. Впрочем, Морозов и в этой ситуации нашел для себя полезное занятие. Он настоял, чтобы его освободили от бумажной работы, избрав для себя другую деятельность – просветительскую, «дававшую ему душевное удовлетворение» – занялся небольшой библиотекой, которую еще в Петрограде подготовил для лазарета Учебный комитет при Святейшем Синоде из книг и брошюр назидательного характера. Но вся эта литература без дела лежала на лазаретном складе. Тогда Морозов составил ее каталог и стал выдавать раненым. В свободное от дежурств время он ходил по палатам и одним, кто хотел, оставлял книги, другим, по желанию, – садился и читал вслух. Регулярно он делал сообщения о положении в стране и на фронтах, черпая информацию из местных газет и периодических изданий, присылаемых Учебным комитетом. Чтения эти всегда собирали много слушателей. Особый интерес вызывали военные сводки. С началом войны многие газеты, откликаясь на читательский спрос, стали издавать «Экстренные приложения», содержавшие исключительно лишь «Сводку штаба Верховного главнокомандующего». Этим достигалось то, что новая сводка на пять-шесть часов опережала столичные газеты. Экстренные приложения издавали и некоторые минские газеты. Получив свежий номер «экстры», Морозов старался как можно скорее ознакомить с ее содержанием раненых и больных воинов.

Но еще большее душевное удовлетворение Федор Морозов получал в перевязочной, где в свободное от общих перевязок время занимался по собственной инициативе

обработкой ног больных и раненых. «Не было в теле поступающих солдат чего-либо более уродливого, чем ступни ног – по виду и по запаху, – вспоминал младший врач лазарета С. Г. Черниховский. – Потому что ноги отекают от большого хождения, и также нет возможности помыть их»²⁵. Хотя каждый поступавший в лазарет солдат проходил через ванную комнату, откуда выходил вымытым и побритым, ступни, как правило, всегда оставались в неважном состоянии. Грязь с них, конечно, смывалась, но ноги оставались распухшими, желтовато-бледными, с болезненными натоптышами и мозолями. Так вот Морозов, как брат милосердия, нашел для себя занятие в том, что обрабатывал солдатам больные ноги, которыми никто специально не хотел заниматься. Он стал «любителем» этого дела и «занимался с усердием самыми зловонными ногами» – сидел и скоблил. «Как будто скоблил картофель на кухне, – вспоминал Черниховский, – найдя для этой работы наиболее подходящий нож, – нож крепкий, предназначенный для резания гипсовых повязок»²⁶. Занимался он этим делом изо дня в день, пока не приводил больные ноги в порядок. Чтобы облегчить Морозову работу, Черниховский придумал для него специальную мазь с химическим элементом, разъедающим плоть, которая накладывалась на ночь вместе с повязкой на больные ноги для размягчения затвердевших тканей.

Во второй половине октября в Серафимовский лазарет из Петрограда пришла телеграмма о том, что лазарету предстоит переместиться ближе к театру военных действий, в связи с чем предполагается преобразовать его в подвижной и передать в непосредственное распоряжение В. М. Пуришкевича, в то время начальника санитарного поезда²⁷. Однако старший врач лазарета иеромонах Николай (Муравьев)

²⁵ טשרניחובסקי שאול [Черниховский Саул]. שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 203.

²⁶ Там же. – С. 204.

²⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 129.

выхлопотал в Петрограде, чтобы лазарет пока оставили в Минске, в связи с чем лазарет был переименован из подвижного в этапный²⁸.

Но, несмотря на это, сколько Морозов ни пытался занять себя работой, свободного времени все равно оставалось довольно много, хотя отец Николай в отчетах писал, что лазарет загружен и персонал переутомлен. Возможно, это было и так, но для энергичного Морозова дел не хватало. Не привыкший сидеть сложа руки, он употреблял свободные часы для ознакомления с местными памятниками старины: осматривал минские храмы и святыни, посетил церковный историко-археологический музей. Познакомившись с председателем Минского церковно-археологического общества А. К. Снитко, Морозов выступил перед местными любителями старины с докладом о древних Новгородских памятниках, проиллюстрировав световыми картинками (150 снимков) из своей коллекции. «Минчанам очень понравилось мое сообщение... – писал он профессору Шляпкину, – они сроду не видели такого искусства, особенно шитья, и мои снимки совершенно их поразили. <...> Если есть возможность быть полезным для раненых, я стараюсь быть духовно полезен вообще, для ближних»²⁹. Присутствовавший во время доклада Минский епископ Митрофан попросил автора повторить свое выступление для учащихся духовной семинарии и женского епархиального училища.

Несколько раз Морозов организовывал чтение «из русской истории» со световыми картинками и для раненых Серафимовского лазарета. Но все же, как ни старался, он не мог найти в Минске деятельности, соответствующей своим душевным устремлениям и энергии, и от того томился. Его все время влекло на передовую, в гущу событий, где была особенная нужда в помощи и сострадании. «Мне

²⁸ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 66.

²⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 19.

очень хочется выбраться из Минских болот, – писал он И. А. Шляпкину. – Работы за последнее время мало, а мне хочется работать. Ехать на войну, жертвовать всеми личными интересами, стремиться все время быть занятым одною лишь мыслью – помощи раненым братьям – вот дело всего. Или на войне или дома, а жить в благоустроенном лазарете, с полным комфортом, лучше чем дома, в такое тяжелое время даже предосудительно, стыдно. А в Минске жизнь именно такова, особенно за последнее время. Здесь надо искать работы, а не работа ищет работника. Я не хвалю себя. Устройством чтений для раненых, и занятый местными памятниками старины я кое-как заполнял свободное время от лазаретных занятий. Но долго так будет? Чтения надоедают, что выдумать еще? Решил лучше ехать в Петроград, заняться прежней работой, может быть, приготовлюсь к какому-нибудь экзамену в Университете (Западной литературе о Гете), да как-нибудь, с помощью друзей, устроюсь в лазарет, а если Бог пошлет, из Петрограда легче, все же, попасть на позиции, куда меня влечет желание. Там, я чувствую, пригожусь более. Моя расторопность там пригодна и я не страшусь смерти, смерти или за славу родины, или за делом милосердия к ближним истекающим кровью, – невинных страдальцев за честь родины; ради них я готов жертвовать всем и жертвую, тому Бог свидетель...»³⁰

Профессор И. А. Шляпкин, пожалуй, был единственным, с кем Морозов в это время поддерживал переписку. Не имея родственников, он мог переписываться только со знакомыми, да и то лишь с теми, кто желал этого. «Совсем меня все покинули, – писал Морозов профессору, – но вот Ваше письмо меня ободрило, порадовало». В своем сиротском положении он особенно ценил сложившиеся теплые отношения со Шляпкиным и его семьей. В письмах он всегда справлялся о самочувствии Ильи Александровича,

³⁰ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 21 об.–22.

его супруги, общих знакомых, делился своими радостями и невзгодами.

Уехать из Минска в Петроград и «начать заниматься» Морозов предполагал в феврале. Вместе с тем его волновал слух о призыве льготников. Он хотел «работать на поле битвы» братом милосердия, а не рядовым, считая, что в таком случае лучше поступить в военное училище³¹. Впрочем, пока это был всего лишь слух. Еще он в глубине души надеялся, что лазарет все же переведут ближе к фронту. Однако во второй половине февраля по ходатайству комитета духовно-учебных заведений Главное управление Российского общества Красного Креста приняло решение о переименовании Серафимовского лазарета из этапного в постоянный с предписанием находиться в Минске до конца войны³².

Оставаться в тыловом лечебном заведении Ф. М. Морозов более уже не видел для себя смысла и 3 марта 1915 года подал иеромонаху Николаю (Муравьеву) прошение об увольнении из состава лазарета по состоянию здоровья³³. Через пару дней он покинул Минск.

Вскоре отец Николай (Муравьев) направил в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений ходатайство о награждении Ф. М. Морозова серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте³⁴. Правда, награда эта нашла его почему-то спустя почти полтора года: приказ по Западному фронту датирован 19 июня 1916-го.

Узнав в Петрограде о формировании 2-го Серафимовского лазарета для Кавказского фронта, Морозов в надежде, что будет работать на передовой, попросился в его состав. Вместе с ним туда же записался и его товарищ по 1-му Серафимовскому лазарету – Сергей Занфилов. Сделать это было нетрудно, так как в состав комитета Красного Креста

³¹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 19.

³² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 158.

³³ Там же. Д. 247-с. Л. 194.

³⁴ Там же. Л. 50.

духовно-учебных заведений входил профессор Н. В. Покровский, да и председатель, архиепископ Сергей (Страгородский), прекрасно знал послушника Федора. К тому же Морозов хорошо зарекомендовал себя во время работы в Минске, о чем сообщал в комитет иеромонах Николай.

В ночь на 30 марта 2-й Серафимовский лазарет отбыл из Петрограда на Кавказ. Путь лежал через Москву, Курск, Новочеркасск в Петровск, откуда поезда, огибая вдоль каспийского побережья Кавказский хребет, через Дербент и Баку, направлялись в Тифлис – главный центр тыла Кавказской армии.

Ближе к Кавказу серафимовцы стали встречать по дороге эшелоны, идущие с Кавказского фронта. Из бесед с солдатами составляли первые впечатления. Дух у солдат был бодрый. О военной кампании на Кавказе они отзывались как о спорте и воспринимали ее не как войну, а лишь как «карательную экспедицию». Внимание всех более занимал Западный фронт³⁵.

8 апреля Серафимовский лазарет прибыл в Тифлис, где вынужден был задержаться на некоторое время. Здесь персонал лазарета представился главноуполномоченному Красного Креста на Кавказском фронте – камергеру Высочайшего двора Льву Викторовичу Голубеву³⁶, через которого решались все вопросы, связанные с деятельностью учреждений, работавших под флагом Креста. Это был средних лет

³⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 11.

³⁶ **Голубев Лев Викторович** (1875–10.08.1942, Биарриц, Франция) – действительный статский советник, камергер, благотворитель. Окончил Императорский Александровский лицей. Продолжил образование в Рейнском университете Фридриха-Вильгельма в Бонне, Королевской Прусской земледельческой академии в Поппельсдорфе, Королевском высшем земледельческом училище в Берлине. Председатель Попечительского совета приюта принца Ольденбургского. В 1904 г. (Ляолянь, Красный Крест) и июне–ноябре 1905 г. с отрядом на Дальнем Востоке. Во время мировой войны в 1914–1918 гг. помощник представителя августейшего Верховного начальника Санитарной и Эвакуационной части, главный уполномоченный Красного Креста на Кавказском фронте. Эмигрировал во Францию. В 1920 г. в Париже член-учредитель, член Совета старшин Русского клуба («Русского очага во Франции»). Поселился в Биаррице (деп. Атлантические Пиренеи). Занимался благотворительностью, жертвовал средства на нужды Покрово-Александровской церкви.

упитанный человек, с бритым румяным лицом и черными навывкате глазами, походивший, по замечанию современника, на «увенчанного гроздьями Силена». С ним персоналу Серафимовского лазарета, а больше всего Ф. М. Морозову в будущем предстояло еще не раз общаться по самым разным вопросам. Сейчас же нужно было укомплектовать лазарет санитарями, обеспечить повозками, лошадьми, палатками и другими предметами, которые не успели приобрести в Петрограде вследствие спешной отправки³⁷. Так получилось, что основные хлопоты в этом легли на плечи Ф. М. Морозова, не только потому, что он состоял агентом для поручений, но и потому, что заведующий хозяйством В. В. Шишов с первых же дней показал себя человеком бездеятельным. Меж тем вскоре выяснилось, что в Тифлисе очень трудно достать все необходимое для доукомплектования лазарета. Приходилось чуть ли не каждый день ходить в Санитарное управление и буквально выпрашивать каждую вещь. Здесь практически невозможно было достать ни хороших лошадей, ни обоза, ни белья, ни многого другого. А время шло...

В Тифлисе серафимовцы коротали досуг по-разному. Морозов, например, осматривал достопримечательности и древности города. Причем не просто осматривал, а делал фотоснимки и даже гипсовые слепки небольших фрагментов декора древних памятников. Дело в том, что, отправляясь на Кавказский фронт, он получил от Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины поручение вести регистрацию памятников церковной старины «путем фотографирования, зарисовывания и определения состояния их сохранности»³⁸. Буквально с первого же дня пребывания на Кавказе он и стал использовать для этого всякую

³⁷ Обзор деятельности учреждений, состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Российского Общества Красного Креста на Кавказском фронте за май, июнь и июль месяц 1915 года. – Тифлис: Электротпечатня Тифлисской № 2 тюрьмы, 1915. – С. 52.

³⁸ Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – С. 10.

возможность. К сожалению, древний Тифлис к тому времени мало сохранил старины. Все храмы, начиная с Сионского собора, были перестроены, древнего от них остался лишь один план. Внутри Сионский собор также не имел древностей, все было новое: фрески, иконы, иконостас. Одним только грузины гордились – митрой Экзарха, но и та была ценна лишь камнями. Вот хранившийся в Сионском соборе крест святой Нины – просветительницы Грузии – действительно являлся большой реликвией. «Здесь армяне и грузины стараются придать большую древность даже поздним храмам, а истинные древности хранить не умеют, – писал Морозов профессору И. А. Шляпкину. – Жаль, что музеи закрыты, предметы древности из них вывезены в Москву»³⁹. И было о чем сожалеть, в тифлисских музеях действительно имелись замечательные собрания. Наибольший интерес, конечно, представлял Кавказский музей, однако его закрыли еще до войны в связи с постройкой нового здания. Интересен был и Церковный музей Грузинской епархии, устроенный при Сионском соборе. Но, увы...

Зато тифлисские антикварные магазины армян и персов изобиловали «предметами старины» – подделками! Наверное, нигде нельзя было встретить такого количества подделок, как здесь.

Побывал Ф. Морозов и в Мцхете, где на него огромное впечатление произвел монастырь. Общаясь с местными священниками, он узнал, что практически у каждого из них имеются древние пергаментные рукописи на грузинском языке, старинные Евангелия и другие церковные книги. Ему показывали эти реликвии, но снимать не давали.

Как-то раз серафимовцы с удивлением наблюдали, как по улице вели партию пленных турок, похожих больше на оборванцев, чем на солдат. Картину эту Морозов не преминул заснять на фотоаппарат.

³⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 42 об.

Во второй половине апреля старший врач Белиловский вместе с Морозовым выезжал в Дербент, чтобы купить лошадей. Но белье для лазарета и некоторые предметы инвентаря так и не сумели нигде достать. 21 апреля Белиловский отправил в Петроград телеграмму уполномоченному комитету Красного Креста духовно-учебных заведений С. А. Родосскому, которого просил привезти все необходимое. А до его приезда Серафимовский лазарет не мог отправиться в район назначения.

В Тифлисе персонал лазарета пополнили еще пять сестер милосердия – Любовь Иванова, Ольга Жданко, П. Храброва, М. Наумова и Кутейникова, а также студенты-добровольцы Н. Ф. Жилин⁴⁰ (студент IV курса Московского университета) и В. Н. Певцов⁴¹.

«Через 4-е дня отправляемся на позицию, – писал Морозов в начале мая И. А. Шляпкину. – Работать предстоит под огнем. Я верю в Бога. Что же, если суждено мне умереть славной смертью героя, в деле милосердия, то это будет лучшая для меня награда и утешение за все земные горести. Должен же я быть полезным св. Церкви и родине. Надо стряхнуть с себя застой монастыря, где я чувствовал умирание жизни. Я один там был, не было людей, с которых я мог брать пример и ободрение к труду. Здесь все работают на благо ближних, все относятся к делу с любовью, а где любовь к делу там истинная жизнь. Дорогой Илья Александрович, утешьте хоть Вы несколькими строками письма. Никто не пишет. Скука»⁴².

Впрочем, предположения Морозова на скорый отъезд снова не оправдались. Родосский приехал в Тифлис только 9 мая, привезя для лазарета белье и кое-какие предметы

⁴⁰ Жилин Николай Федорович 5 октября 1915 г. оставил службу по собственному желанию.

⁴¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12651. Оп. 3. Д. 429. Л. 26 об.–27.

⁴² ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 43.

хозяйства. Но и после его приезда пришлось задержаться еще на неделю.

Когда лазарет, наконец, был укомплектован и готов к отправке, 14 мая Экзарх Грузии архиепископ Питирим (Окнов) совершил для его персонала в Тифлисском военном соборе напутственный молебен. Присутствовала целая группа высоких гостей во главе с супругой наместника российского императора на Кавказе статс-дамой графиней Е. А. Воронцовой-Дашковой⁴³. После молебна на имя Августейшего покровителя лазарета Цесаревича Алексея была послана телеграмма о том, что Серафимовский лазарет «выбывает на театр военных действий». «Весь персонал лазарета, – говорилось в телеграмме, – одушевлен горячим желанием отдать все свои силы, все умение на благо дорогой Родины, на помощь героям воинам Славной Кавказской Армии и во славу нашего обожаемого Царя-Батюшки»⁴⁴.

Еще почти сутки понадобились на погрузку имущества лазарета в специальный товарный поезд с одним пассажирским вагоном третьего класса для персонала. Грузились на станции Навтлуг.

Тем временем пришла ответная телеграмма от императрицы Александры Федоровны: «От имени Наследника Цесаревича шлю персоналу Серафимовского подвижного лазарета сердечные пожелания полного успеха в предстоящей ему работе, да поможет ему Господь в святом деле помощи страждущим воинам нашей доблестной Кавказской Армии»⁴⁵.

16 мая Серафимовский лазарет отбыл в Карсскую область в распоряжение 2-го Туркестанского армейского корпуса. Из Тифлиса он направился в город Боржом, откуда по шоссейной дороге двинулся через Ахалкалаки на Ардаган. Там старший врач В. А. Белиловский должен был лично встретиться с командиром корпуса генерал-лейтенантом

⁴³ Обзор деятельности учреждений... – С. 53.

⁴⁴ Там же. – С. 54.

⁴⁵ Там же. – С. 54.

М. А. Пржевальским для получения дальнейших распоряжений. Переход оказался чрезвычайно трудным. Дороги были запружены войсками, к тому же оказались очень плохи, а местами совершенно отсутствовали. Кроме того, пришлось пробираться через высокие перевалы, горы, ущелья, переходить горные потоки и оползни, образовавшиеся из-за сильных ежедневных дождей. На склонах гор валялись трупы убитых турок. До них никому не было дела, тела никто не убирал, и они разлагались, наполняя воздух тошнотворно-сладковатым запахом. Война дорогой чувствовалась все больше и больше...

Прибыв через десять дней в полуразрушенный Ардаган, отряд лазарета временно разместился в доме Бакаджарова. Лазаретный обоз, двигавшийся на 30-ти фургонах, из-за плохих дорог и «отсутствия перевозочных средств на этапных пунктах» сильно отстал. И хотя он еще как-то продвигался благодаря исключительно содействию полковника Жеребцова, его скорого прибытия ожидать было нельзя. Пока дожидались обоза, Белиловский побывал у генерала Пржевальского. Как выяснилось, окончательного решения о месте размещения Серафимовского лазарета принято еще не было. Первоначально командир корпуса хотел отправить его в селение Соляные Ломки, однако командующий армией предложил направить его в Пеняк, так как в Соляных Ломках не имелось для лазарета свободных помещений. Между тем их не оказалось и в Пеняке. Тогда решили разместить лазарет в Ольтах. Но, когда он уже готовился к отбытию, Белиловский в последний момент получил распоряжение отправиться в селение Коссоры Карсской области, где освобождалось место, занимаемое перед этим этапным лазаретом Всероссийского Земского союза. Селение это находилось на полпути между Мерденеком и Ольтами, рядом с большой шоссейной дорогой, по которой шла эвакуация больных и раненых из Ольгинского района.

Сопровождавший отряд Серафимовского лазарета С. А. Родосский в Ардагане распрощался с персоналом и отправился обратно в Петроград. С ним Ф. М. Морозов передал для известного столичного фотографа К. К. Буллы пачку фотопленок, отснятых на Кавказе. Через некоторое время Морозов писал ему: «Карл Карлович, я с библиотекарем Петроградской Духовной Академии С. А. Родосским послал Вам пачку пленок для того, чтобы Вы выбрали то, что подходит для журнала. Если получили, сообщите, пожалуйста, доставил ли он их Вам. Если нет, то напомните ему по телефону или пошлите к нему в Духовную Академию. Пожалуйста, мои негативы никому не отдавайте, особенно те, которые у Виктора Карловича. <...> Храни Вас Господь. Всем привет»⁴⁶.

В общей сложности три недели понадобились Серафимовскому лазарету, чтобы добраться из Тифлиса к месту назначения. Во время этого путешествия серафимовцы наблюдали, как богатый растительностью, красочный кавказский пейзаж постепенно сменялся однообразными видами Армении. Ее обширные холмистые поля навевали монотонную скуку. Можно было проехать десятки верст, а перед взором простирался все один и тот же зеленовато-серый ковер – ни деревца, ни кустика. Редко-редко встречались селения, такого же цвета, как поверхность этого необъятного поля, неприметные, теряющиеся на общем ландшафте. Похожие на глиняные бугры жилища часто совершенно не имели вокруг никакой растительности, и лишь кое-где высились груды свеженарезанного кизяка. Среди селений вплотную к саклям ютились кладбища, издали казавшиеся стадами тесно лежащих рыжих и черных коров. Крестов на могилах не было, их заменяли большие камни, обтесанные в виде гробниц. Единственным украшением Армении были горы с

⁴⁶ Из личного архива Михаила Анатольевича Парталы (Санкт-Петербург).

их крутыми обрывами, бездонными пропастями, ущельями, сосновыми лесами, горными реками и ручьями⁴⁷.

Прибыв 3 июня на место, Серафимовский лазарет буквально за пару дней развернулся на 100 кроватей, начав прием больных и раненых. Одновременно был открыт пункт питания для проходящих частей. «Лазарет развернулся в Коссорах вчера, – телеграфировал Белиловский главноуполномоченному Красного Креста на Кавказском фронте, – на питательном пункте накормлено 850 человек проходящего войска, прошу распоряжения о срочной высылке 3 палаток 9 на 15 и 6 на 9»⁴⁸.

Селение Коссоры, где расположился лазарет, находилось на левом берегу небольшой реки Агундирки, высоко в горах, спускавшихся к ее долине множеством искусственных террас. Однако место это, несмотря на прекрасный горный воздух, оказалось не очень удачным для размещения лазарета. Из-за отдаленности от шоссеиной дороги сюда сложно было доставлять больных и раненых. Хотя комендант Коссор устроил к селению хороший подъездной путь, подъем все же был очень крутой, и в дождливую погоду ни повозки, ни автомобили не могли по нему проехать, так что больных и раненых приходилось выгружать внизу и нести к палаткам на носилках. Кроме того, работа в лазарете затруднялась тем, что его помещения располагались на нескольких террасах, лежащих на различной высоте.

Расположился Серафимовский лазарет первоначально в восьми палатках, две из которых служили перевязочной и аптекой, а остальные предназначались для больных и раненых. Помимо палаток из досок были построены часовня для совершения богослужений, столовая для персонала, барак для команды санитаров, вещевой цейхгауз и навес для прачечной. Персонал разместился в восьми палатках

⁴⁷ Шавельский Г. И., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. Указ. соч. – Т. 2. – С. 187.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 36.

разной величины и двух юртах⁴⁹. Иеромонах Иннокентий и Федор Морозов устроили для себя «палаткообразные шалаши из брезентов».

Хорошо оборудовали операционную лазарета. В ней имелись два металлических операционных стола, полный инструментарий для всех видов операций, не исключая и полостных, автоклав и пр. Немаловажным было и то, что в расположении лазарета имелась хорошая вода, которой он пользовался для своих нужд из родников и реки. Конечно, сырую воду никто не пил, она кипятилась в специальном походном кипятильнике и постоянно выдавалась в горячем и охлажденном виде. Для ее запаса использовали два железных сорокаведерных бака. Белье стирали в машине системы «Ниагара». А вот бани на первых порах не было. Походная банная печь и оцинкованная ванна стояли без дела, поскольку не имелось котла для нагрева воды.

Первые раненые, 34 человека, поступили в лазарет 11 июня. Доставка и эвакуация их происходила на автомобилях Земского союза или на двуколках 86-го военно-санитарного транспорта.

За первые месяцы лазарет принял больных и раненых: в июне – 47, в июле – 179 человек. Как видно из приведенных цифр, их приток заметно увеличился в июле. Связано это было с активизацией боевых действий русской армии в Ольгинском районе, где генерал Пржевальский провел ряд успешных операций против турецких войск. Между тем, корпусный врач сразу предупредил Белиловского, что в Коссоры лазарет направляется временно и скоро будет передвинут ближе к позициям, в горный район. А пока порекомендовал укомплектовать его вьючными носилками, о приобретении которых и завязалась переписка с комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений.

⁴⁹ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 67.

Эвакуация раненых с полей сражений происходила следующим образом. Так как бои проходили в основном в гористой местности, быстрый вынос раненых с горных высот был затруднен. На эти высоты ни пароконные, ни одноконные носилки пробраться не могли по причине крутизны склонов и отсутствия каких бы то ни было дорог или троп. Солдатам приходилось выносить раненых товарищей на шинелях. Причем шесть-семь человек несли раненого бойца по несколько часов. На середине горной высоты, как правило, уже имелись вьючные носилки, которые доставляли раненых на ближайший пункт Красного Креста или Земского союза. Затем они отправлялись на автомобилях или двухколесных транспортах в село Мерденек. Значительно облегчила эвакуацию построенная в мае конно-железная дорога – «дековилька»⁵⁰ – от Мерденека до Карса. Перед этим весенняя распутица совершенно разбила шоссе между указанными населенными пунктами и без конно-железной дороги, по которой санитарный поезд в течение 12 часов доставлял в Карс до 300 раненых, эвакуация была бы крайне затруднена. Оттуда раненые уже отправлялись через Александрополь в Тифлис.

В конце июля в тыловых районах Кавказского фронта появилась холера, поэтому Серафимовскому лазарету было предложено отрыть холерное отделение. Однако старший врач В. А. Белиловский не нашел возможным организовать такое отделение из-за отсутствия специальных средств – не имелось дезинфекционной камеры и «теплого приспособления для ванны»⁵¹.

К этому времени вокруг Серафимовского лазарета начал назревать серьезный скандал, связанный с зазорным поведением старшего врача и некоторых сестер. Их предосудительное поведение получило огласку и дошло до начальства.

⁵⁰ **Дековилька** – так называли легкую конно-железную дорогу (по имени изобретателя французского инженера Decauville).

⁵¹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 49–52.

Массу нареканий в свой адрес вызывал и заведующий хозяйством В. В. Шишов. Вместе с тем слабая загруженность работой негативно отражалась на персонале: дисциплина упала, начались флирт, интриги и другие непристойные вещи. Все это выглядело особенно неблагоприятно, так как лазарет был сформирован духовным ведомством, носил имя преподобного Серафима Саровского, а также Августейшее имя цесаревича Алексея Николаевича.

Еще в Петрограде при формировании Серафимовского лазарета Белиловский употреблял усилия, чтобы зачислить в лазарет сестер Иванову и Жданко. Однако начальница Псковской общины сестер милосердия баронесса М. И. Меддем дала о них комитету Красного Креста духовно-учебных заведений неодобрительный отзыв, сообщив, в частности, о «странных отношениях Белиловского к Ивановой». В связи с этим названных сестер не приняли в состав лазарета, однако уже в Тифлисе старший врач зачислил их тайно от комитета. Причем ходатайствуя за своих протеже перед главноуполномоченным на Кавказском фронте Л. В. Голубевым, Белиловский показал телеграмму, присланную якобы ректором Петроградской духовной академии епископом Анастасием, в которой говорилось: «Имею честь засвидетельствовать Вашему Превосходительству, что сестры милосердия Любовь Иванова и Ольга Жданко мне известны с лучшей стороны»⁵². Телеграмма, как выяснилось позже, оказалась подложной, а владыка Анастасий понятия не имел, кто такие Иванова и Жданко, и соответственно никаких рекомендаций о них дать не мог. Об изменениях в составе лазарета должен был сообщить в комитет Шишов, но он не обмолвился об этом ни словом, поскольку «и сам оказался тех же принципов, что и Белиловский»⁵³.

Одной из первых, не выдержав пошлой жизни Белиловского и опасаясь за репутацию лазарета, забила тревогу

⁵² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 411.

⁵³ Там же. Л. 36–36 об.

сестра милосердия Ольга Храповицкая – племянница архиепископа Антония (Храповицкого) – иерарха, широко известного в церковных и светских кругах. Она написала дядюшке письмо, в котором сообщала о происходящих безобразиях и просила повлиять на ситуацию.

Когда в комитете узнали о нестроениях в Серафимовском лазарете, в Коссоры для выяснения обстановки немедленно выехал уполномоченный С. А. Родосский. Положение дел там действительно оказалось весьма печальным, сообщения о внутренних беспорядках подтвердились. Уполномоченный пришел к неутешительному выводу, что пребывание лазарета на Кавказе бесперспективно. По его мнению, часть персонала необходимо было уволить, а лазарет перевести на Западный фронт, прикомандировав к передовому санитарному транспорту.

Получив сообщение С. А. Родосского, комитет принял решительные меры. Белиловский «за несоответствующее его званию поведение» был отстранен от управления лазаретом⁵⁴. Вместе с ним увольнялся и Шишов, правда, оставленный пока при лазарете до прибытия нового завхоза. Уволили также сестер милосердия О. Жданко, Л. Иванову и Кутейникову, а также двух вольнонаемных санитаров – С. Н. Занфирова и В. Н. Певцова. Руководство лазаретом временно поручили младшему врачу Ф. К. Феофилактосу, которого уполномоченный аттестовал как человека «высокой честности и нравственности»⁵⁵.

В свою очередь Белиловский, возмущенный отстранением от должности, стал обвинять в безнравственной жизни С. А. Родосского. Об этом сообщила в комитет архиепископу Сергию (Страгородскому) сестра Браве⁵⁶.

Несмотря на принятые меры, дисциплина в лазарете оставалась расшатанной. 17 августа старшая сестра направила

⁵⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 390.

⁵⁵ Там же. Л. 372.

⁵⁶ Там же. Д. 247-р. Л. 377.

преосвященному Сергию телеграмму с просьбой убрать из лазарета некоторых сестер. «Не имею права допускать безобразия, которые делают они мне по ночам, гуляют с офицерами, ночью хохот, топот и крики мне делают неприятность. Мои замечания пренебрегают», – писала она⁵⁷. В результате в Петроград вызвали «для личных объяснений» сестер Браве, Храповицкую, Клиперсон, Храброву и Наумову, предоставив им 25-дневный отпуск⁵⁸. Кроме того, уволили из лазарета еще нескольких вольнонаемных санитаров.

С отъездом в начале августа части персонала жизнь в лазарете практически замерла – из-за малого количества больных и раненых он почти пустовал. Будущее его оставалось неопределенным. Такое положение дел угнетающе действовало на Морозова, жаждавшего работы, причем работы кипучей. В числе немногих он был непричастен к внутренним скандалам и ссорам и очень сильно переживал из-за развала лазаретной жизни. Предполагая, что лазарет в скором времени будет реорганизован и переведен на Западный фронт, Морозов написал письмо архиепископу Сергию (Страгородскому) с просьбой прикомандировать его в качестве брата милосердия в передовой санитарный транспорт. Он, в частности, отмечал, что год работает в лазаретах и имеет хорошие отзывы врачей. «Наконец я мог бы оказывать услугу своей фотографией, – писал он, – запечатлевая беспристрастно жизнь и тем самым деятельность Комитета Духовных Учебных Заведений в нынешнюю отечественную войну, что могло бы быть лучшей ее иллюстрацией. Владыка, Вы меня знаете. Я, как объявлена война, покинул мирную обстановку Лавры, оставил свой архив, а главные занятия в университете, где они последние годы шли успешно. Все это я сделал исключительно для того, чтобы не быть безучастным к жизни родины в настоящее время. Воспитанный Церковью в любви к ближнему я добровольно избрал путь

⁵⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 379.

⁵⁸ Там же. Д. 247-р. Л. 375.

милосердия, не гнушаясь его тяжестью и вот теперь очутившись в бездеятельном лазарете, печально покончившим дни на Кавказе, я остаюсь непричастен ни к какой стороне его, исключительно желая работы и работы, а таковой вовсе нельзя ждать на Кавказе, где бои бывают раз в 2–3 месяца, умоляю Ваше Высокопреосвященство перевести в передовой санитарный транспорт, где я надеюсь принести делу пользу и оправдать Ваше доверие»⁵⁹.

Предполагая, что вскоре придется покинуть Кавказ, Морозов сожалел вместе с тем, что не сможет теперь осуществить еще одну заветную мечту – попасть в Константинополь, где он надеялся оказаться вместе с русским десантом, который, по слухам, планировало командование. Не зная, впрочем, как именно он сможет попасть в десант, Морозов, тем не менее, жил этой мечтой. Он обращался за содействием к секретарю Русского археологического общества Б. В. Фармаковскому, который обещал помочь с устройством в санитарный транспорт при предполагаемом десантном отряде. Однако никаких новостей об этом не было⁶⁰.

В бывшую столицу Византийской империи Морозов стремился попасть как археолог-фотограф. Город этот, изобилующий древними христианскими памятниками, завораживал его воображение. И вот теперь мечта, казалось, ускользала безвозвратно...

К этому времени у Морозова собралось уже около 500 снимков разных древностей, много церковных памятников Сванетии. Что-то он снимал сам, что-то приобретал у фотографов-профессионалов и любителей. Собственные фотографии развалин храмов и крепостей Морозов сделал, в основном, в окрестностях Ольт, куда выезжал с лазаретными двуколками за ранеными. Снимал он и в Карсе, где также бывал по делам лазарета. Это был чрезвычайно унылый и мрачный на вид город. Низкие каменные домишки, почти

⁵⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 373 об.–374.

⁶⁰ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

сакли, разбитые ухабистые мостовые, полуразвалившиеся длинные стены-заборы, десятка два убогих лавчонок вместо магазинов – вот и все, что именовалось областным городом Карсом, уже почти сорок лет находившимся во владении России. Мрачную картину дополняли отсутствие какой-либо зелени и темные голые скалы хребта, возвышающегося над городом. Согласно местной легенде, именно здесь Каин убил своего брата Авеля. Единственное, что могло привлечь в Карсе внимание Морозова, это армянский собор X века и старинная турецкая цитадель, имеющая вид обширного замка с несколькими полукруглыми выступами стен.

Сообщая в это время о своем собрании фотографий профессору С. Ф. Платонову, Морозов писал, что среди «работы делу милосердия» всячески старается быть полезным делу археологии – «помочь настоящим ее труженикам»⁶¹. Сожалея о том, что его надежды попасть в десант на Константинополь или пройти Армению, фотографируя «богатые развалины храмов», рушатся, он высказывал одно робкое предположение. Морозов спрашивал у профессора, нет ли возможности устроить его при штабе 2-го Туркестанского корпуса – для работы исключительно по регистрации памятников. В случае же неосуществимости этого просил помочь с устройством в передовой перевязочный пункт или санитарный транспорт. «Там я могу лишь быть полезен, – писал он. – В тыловых учреждениях много сестер и жизнь там нашему брату очень и очень тяжела, тяжела не в смысле работы, а личная, как мужчины; там на нас смотрят как на лишний элемент. Работать я готов на западе или на Кавказе не щадя жизни лишь бы была работа, а не сиденье и ожидание особых больных, как это было у нас в Коссорах, где старший врач приехал не работать, а

⁶¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 1–1 об.

наслаждаться воздухом, за что правосудие его жестоко хоть и чрез полгода наказало»⁶².

Своими переживаниями Морозов делился в это время и с профессором И. А. Шляпкиным. Он писал, что по-прежнему надеется попасть на передовую, что «плохо работать, где много сестер», что сестры «неопрятны и самолюбивы» и большинство врачей свидетельствуют об их непригодности в передовых и этапных лазаретах. Морозов сообщал, что подумывает поступить в школу прапорщиков, но не знает, что для этого нужно и куда обратиться. «Лучше испытать боя за родину, – заключал он, – чем интриг лазарета... Слава Богу, что Бог хранил меня от всех историй..!»⁶³

20 августа в должность старшего врача Серафимовского лазарета вступил доктор Гергард Фридрихович Холлман – человек серьезный и энергичный⁶⁴. Прибыли новые сестры милосердия. В это же время к лазарету был прикомандирован в качестве зауряд-врача⁶⁵ студент Юрьевского университета Александр Михайлович Ткаченко. А вот иеромонах Иннокентий (Тихонов) оставил лазарет. Он отпросился в шестинедельный отпуск, так как с наступлением учебного года ему необходимо было выехать в Петроград для выяснения своего положения «как студента духовной академии». Кроме того, какие-то семейные обстоятельства звали его в Пензу и Томск, где проживали мать-вдова и брат. Вместе с собой он просил временно отпустить санитаря Алексея Толудакова, исполняющего обязанности церковника при лазаретной походной церкви. Алексей должен был отправиться с вещами отца Иннокентия в город Верхний Ломов

⁶² ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 2–2 об.

⁶³ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

⁶⁴ Г. Ф. Холлман являлся доктором медицины Юрьевского университета.

⁶⁵ **Зауряд-врач** (правильно: «зауряд-военный врач») – аналог воинского звания для наименования зауряд-военно-медицинских чиновников в Российской империи. Звание зауряд-врача присваивалось студентам 4 и 5 курсов мединститутгов, медицинских факультетов университетов и Императорской военно-медицинской академии с 1894 г. при назначении к исполнению должности младшего врача при мобилизации войск и в военное время.

Пензенской губернии и ждать его там едущего по дороге в Томск. Из Верхнего Ломова Толудаков должен был вернуться на Кавказ с предметами, приобретенными в Петрограде для лазаретной церкви.

Перед отъездом отец Иннокентий договорился, чтобы вместо него все требы исполнял священник стоявшего по соседству лазарета 5-й Туркестанской стрелковой бригады – иеромонах Иоасаф со своим церковником. Но богослужебные предметы, принадлежавшие походной церкви Серафимовского лазарета: антиминос, дарохранительницу и икону «со святыми мощами», отец Иннокентий отвез в Тифлис, передав на временное хранение Горийскому епископу Антонию (Георгадзе), викарию Экзарха Грузии⁶⁶. Выезжая на время, на Кавказ иеромонах Иннокентий уже не вернулся. Спустя год за понесенные труды в Серафимовском лазарете он был поощрен благословением Святейшего Синода «с грамотой»⁶⁷.

Оставил лазарет и доктор Ф. К. Феофилактос, не пожелавший снова переходить на должность младшего врача⁶⁸.

С назначением доктора Г. Ф. Холлмана лазарет быстро наполнился больными, и работа в нем оживилась. Старший врач вскоре сообщил в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений, что не видит смысла в переводе Серафимовского лазарета на Западный фронт. По его мнению, это было бы сопряжено с большими трудностями организационного характера, серьезными материальными затратами и громадной потерей времени. Он указывал, что работы хватает и здесь. Если нет раненых, то очень много больных, «которые не менее тех вправе рассчитывать на медицинскую помощь»⁶⁹. И действительно, располагавшиеся по соседству в Коссорах лазареты 5-й Туркестанской бригады и Всероссийского Земского союза буквально не знали

⁶⁶ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 107.

⁶⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 135.

⁶⁸ Там же. Л. 372.

⁶⁹ Там же. Л. 385–385 об.

отдыха. Больных у них было так много, что даже не хватало помещений. И когда доктор Холлман стал принимать больных в Серафимовский лазарет, врачи-соседи за это очень благодарили. Его предшественник, Белиловский, принимал преимущественно раненых, а больных только по крайней необходимости и то лишь хирургических. Именно поэтому при Белиловском лазарет большую часть времени пустовал. Но теперь все изменилось – он был полон⁷⁰.

Позицию Холлмана поддержал в Петрограде и отец Иннокентий (Тихонов), описав положение дел. В результате лазарет оставили на Кавказе.

Поскольку доктор Холлман по своей специальности был окулистом, корпусный врач обратился к нему с просьбой принимать пациентов с глазными болезнями со всего района, каковых среди солдат имелось довольно много. Лечить их по причине недостатка специалистов можно было только в Александрополе, что, естественно, было связано с большими затруднениями. Холлман охотно взял на себя лечение глазных болезней, из-за чего в лазарете подобных больных оказалось большинство, а с октября деятельность лазарета в этом направлении достигла высшего напряжения. Основная масса пациентов страдала трахомой. Они лежали в лазарете от двух до пяти дней и выписывались в строй уже вполне здоровыми.

Еще в начале сентября Холлман получил телеграмму главноуполномоченного, в которой тот, указывая на распоряжение военного начальства, просил спешно расширить лазарет на 200 кроватей для принятия тифозных больных. Уже через два дня все необходимое было получено: из Карсской крепости два больших намета, типа военных больничных палаток с двойной крышей и утепленными толстым войлоком боками, на 26 мест каждый; из Тифлисского полевого склада Красного Креста три двойные палатки по

⁷⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 385 об.

14 мест, дополнительное оборудование и пр. Кроме того, военное ведомство прислало 36 нижних чинов – санитаров, а управление Красного Креста обещало командировать женщину-врача⁷¹. Вскоре в штате появился и фельдшер – Георг Степанович Погосов (Погосянц).

Ввиду расширения лазарета доктор Холлман решил перенести его на новое место, несколько ниже, туда, где незадолго до этого располагался ветеринарный лазарет. Его по настоянию Холлмана переместили еще в августе, так как вокруг животных разводились «неимоверные рои мух, грозившие разнесению заразы по всем окрестностям». Новое место оказалось более удобным, так как вся его площадь лежала на одном уровне без значительных уступов, а, кроме того, находилось гораздо ниже, что облегчало подвоз больных.

В разгар работ по перенесению и расширению лазарета обязанности заведующего хозяйством пришлось временно принять на себя Ф. М. Морозову. Занимавший эту должность В. В. Шишов, как говорилось выше, уже в Тифлисе показал себя совершенно бездеятельным человеком. Еще тогда старший врач В. А. Белиловский обратил на это внимание приехавшего из Петрограда С. А. Родосского и просил заменить Шишова другим лицом. Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений обещал прислать нового человека и даже называл кандидатуру, но пока так никто и не появился. По прибытии в Коссоры, во время разворачивания и обустройства лазарета, завхоз тоже практически ничего не делал. И теперь, когда снова начиналась напряженная работа, подобная бездеятельность становилась совершенно недопустимой. Не желая терпеть этого, доктор Холлман обратился к главноуполномоченному Л. В. Голубеву с просьбой принять какие-либо меры. «С Шишовым работать невозможно, буквально ничего не делает», – констатировал старший врач. 10 сентября Голубев отправил в Петроград телеграмму,

⁷¹ С 10 сентября по 19 ноября 1915 г. в Серафимовском лазарете работала врач С. Л. Стояновская.

в которой, свидетельствуя о бездеятельности Шишова, требовал его удаления. Он просил комитет духовно-учебных заведений незамедлительно сообщить, будет ли командирован новый заведующий хозяйством. «В интересах дела необходимо, чтобы таковой срочно выехал, – говорилось в конце телеграммы, – в противном случае буду вынужден заменить Шишова из имеющихся у меня кандидатов»⁷². Из комитета ответили, что новым заведующим назначен выпускник Петроградской духовной академии кандидат богословия Борис Тимофеевич Винник⁷³, который через несколько дней выезжает на Кавказ.

Пока ожидали нового завхоза, всеми хозяйственными делами занимался Ф. М. Морозов, который уже успел зарекомендовать себя человеком ответственным, энергичным и дельным, на которого действительно можно было положиться. Это назначение, хотя и временное, обрадовало Морозова, так как давало поле для деятельности, чем он и поспешил воспользоваться. Занимаясь вопросами переустройства лазарета, Морозов одновременно привел в порядок и лазаретный обоз, пришедший в крайне плачевное состояние. Отсутствие своего кузнеца и плотника, а главным образом бездеятельность Шишова стали причиной того, что большая часть обоза вышла из строя – из трех санитарных двуколок пригодна была только одна, а из 12 хозяйственных фургонов – половина. Колеса разошлись и требовали перетягивания, некоторые деревянные части поломались, почти треть лошадей была не подкована и стояла без дела. Благодаря нанятым Морозовым в соседних воинских частях кузнецам и плотникам обоз быстро привели в более-менее пригодное состояние. А с появлением собственных кузнеца,

⁷² РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 64–65.

⁷³ Перед отправкой на фронт Б. Т. Винник служил преподавателем Мариупольского епархиального женского училища.

плотника и шорника он без проблем начал снабжать лазарет продуктами и топливом⁷⁴.

Исключительную энергию и распорядительность Морозов проявил во время переноса и расширения лазарета. Уже 17 сентября лазарет расположился на новом месте, развернувшись на 200 кроватей, что позволяло выполнять функции терапевтического госпиталя. Однако начать работать в полном объеме он пока не мог, так как из-за спешности больничные палатки были поставлены на землю, без фундамента, и требовали дальнейшего обустройства. Впрочем, пока лазарет переносили, больных в нем находилось немного, а новых почти не поступало.

«У нас полнейшее затишье, – писал Морозов в это время профессору Шляпкину. – Скука страшная. Больные лишь тифом; были холерные, теперь прекратились. О Западном фронте нет ни слуха. Ради Бога, если не затруднит, вышлите для лазарета какие-нибудь старые газеты и побольше журналов. Скоро совсем разучимся читать. Хоть мне здесь уже и хорошо (ныне занимаю должность, кроме брата милосердия, заведующего хозяйством), все же с удовольствием перевелся бы опять на Западный фронт, ближе к огню, в передовой отряд»⁷⁵.

В конце сентября в лазарет прибыл новый заведующий хозяйством Б. Т. Винник, и Морозову пришлось отойти от хозяйственных дел. Несколько недель он томился от скуки, пока снова не нашлось дело, захватившее его. Еще в начале сентября управление Красного Креста предложило Серафимовскому лазарету открыть пункт питания для проходящих между Коссорами и Мерденеком войск. Для размещения пункта было выбрано селение Агундир, находившееся в 19 верстах от лазарета на Мерденек–Ольгинском шоссе. Место это предпочли не случайно – селение располагалось у начала огромного подъема, около восьми верст длиной,

⁷⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256.

⁷⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 37.

и проходящие транспорты обычно делали здесь привал, чтобы дать передохнуть лошадям. Кроме того, здание, не требующее больших затрат для оборудования пункта, имелось только в Агундире. Это был каменный дом с каменной же оградой вокруг двора, занимаемый отрядом летучей казачьей почты и несколькими стражниками, которых по договоренности с военным начальством перевели в другие помещения. После освобождения здания руководство Серафимовского лазарета немедленно приступило к его обустройству. Помещение, довольно грязное и запущенное, быстро отремонтировали и побелили. Выбитые оконные стекла, за неимением целых, заменили промасленным холстом, часть коридора отделили деревянной перегородкой, устроив помещение для заведующего.

Снабженный необходимым хозяйственным инвентарем и продуктами питательный пункт в конце сентября начал обслуживать проходящие отряды. В нем работали сестра милосердия и три санитары. Уже через несколько недель стало ясно, что пункт находится в нужном месте и его срочно необходимо расширить. Тогда старший врач назначил туда заведующим Ф. М. Морозова, которому и поручил переоборудование пункта. С удивительной ревностью принялся он за это дело, даже взяв на себя часть финансовых расходов. К строительным работам Морозов привлек кроме санитаров солдат одного из артиллерийских дивизионов, прикомандированных штабс-капитаном В. И. Мороховцом, «принявшим живейший интерес в деле сооружения пункта». Не прерывая деятельности пункта ни на один день, Морозов сумел в сравнительно короткий срок завершить строительные работы. Теперь пункт стал местом не только для питания, но и для отдыха приболевших в пути воинов. В нем имелись амбулатория с пятью кроватями-нарами для больных нижних чинов и спальня со столовой для офицеров. На дворе были выстроены деревянный навес для кухни, походного кипятильника и вещевого склада, а

также кладовая-погреб для продуктов. Позади дома, между ним и откосом горы, поставили деревянное помещение для ночлега проходящих нижних чинов, в котором могли разместиться до 10–12 человек.

Питательный пункт стал настоящей отрадой для воинов. Здесь проходящие на позиции солдаты помимо питания снабжались бельем, брошюрами религиозного содержания, табаком. Больные дополнительно получали галеты и белые сухари. Чтобы представить объем оказываемой помощи, достаточно взглянуть на цифры: со дня открытия 25 сентября до 21 декабря пункт раздал 25 206 порций чая и хлеба. Кроме русских солдат на пункте кормились и пленные курды.

Поскольку лазарет практически выполнял функции терапевтического госпиталя, ему требовалось и увеличение медицинского инвентаря. Так для правильного диагностирования больных, особенно инфекционных, необходим был микроскоп иммерсионной системы, со всеми принадлежностями для проведения анализов. Из трех лазаретов, размещавшихся в Коссорах, ни один не имел микроскопа. По просьбе Холлмана комитет Красного Креста духовно-учебных заведений приобрел микроскоп и в октябре передал в Серафимовский лазарет.

В это время в лазарет планировали вернуться сестры Храповицкая, Храброва, Клиперсон и Браве. В комитете они заявили, что хотят продолжить работу непременно в Серафимовском лазарете, и просили ходатайствовать за них перед Главным управлением Красного Креста. Там были не против, но окончательное решение все же оставалось за главноуполномоченным Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубевым. Заручившись письменными рекомендациями помощника председателя Главного управления барона Ф. Е. Мейендорфа и архиепископа Сергия (Страгородского), сестры «в бодром и радостном настроении» в начале октября выехали на Кавказ. Однако в Тифлисе им пришлось пережить, по собственному свидетельству, тяжелые минуты.

Несмотря на рекомендательные письма в Управлении главноуполномоченного им заявили, что по распоряжению Голубева в Серафимовский лазарет их не допустят, а дадут другие назначения. Сестер Клиперсон и Храброву отправили на Ванское направление в лазарет Креста недалеко от Эчмиадзина, а Храповицкую и Браве в лазарет на Сарыкамышском направлении. Для сестер это оказалось большой неожиданностью. «Все мы поехали сюда исключительно из-за того, что едем в Серафимовский лазарет, родной для нас и близкий, – писали они архиепископу Сергию. – Если бы мы в Петрограде узнали, что нас здесь задержат, то никто из нас не поехал бы сюда. Обидно, что, пережив столько тяжелого и нехорошего в лазарете, борясь за честь лазарета и, по мере сил своих, содействуя установлению в нем порядка и поднятию его репутации, мы принуждены его оставить тогда, когда все наладилось и работа в полном ходу. Где же после этого справедливость? Сейчас мы уезжаем в назначенные для нас лазареты, глубоко огорченные, но с надеждой и верой, что комитет и Вы, Ваше Преосвященство, вступитесь за нас и, устранив возникшие недоразумения, вернете нас в Серафимовский лазарет»⁷⁶.

За сестер перед архиепископом Сергием походатайствовал и Мейендорф. Тогда владыка запросил о них мнение доктора Холлмана, на что тот ответил: «Считаю Клиперсон, Храповицкую и Браве прекрасными сестрами и жалею, что вынужден признать их возвращение неудобным ввиду некрасивых толков, связанных с прежним составом сестер»⁷⁷. Получив этот ответ, комитет Красного Креста духовно-учебных заведений решил не возбуждать нового ходатайства⁷⁸. Позже лишь сестре Клиперсон удалось вернуться в состав кавказского Серафимовского лазарета. Холлман лично был не против ее возвращения, дав положительный отзыв.

⁷⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 401–402.

⁷⁷ Там же. Л. 407.

⁷⁸ Там же. Л. 410 об.

Следует заметить, что за это время в лазарете поменялось уже около десятка сестер.

В ноябре количество инфекционных больных стало заметно уменьшаться. Пока продолжались бои на Ольтинском направлении, тяжелораненые в большинстве случаев отправлялись в Серафимовский лазарет. Несмотря на «исключительно неблагоприятную обстановку», как докладывал главноуполномоченный Красного Креста при Кавказской армии, работа лазарета шла «своим чередом». Неблагоприятной же обстановкой были непривычно тяжелые для персонала климатические условия. Ввиду этого доктор Холлман даже ходатайствовал перед комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений о прибавке к жалованью сестрам милосердия. Что и было сделано во внимание к их «самотверженной деятельности» – ассигновано дополнительно ежемесячное пособие в 10 рублей.

К середине ноября в лазарете были устроены собственная хлебопекарня и новая прачечная. До этого больничное белье приходилось стирать «в мороз и дождь, под открытым с трех сторон навесом и полоскать его, не один час, в такую же погоду, – в реке». Это было крайне тяжелой работой для санитаров, которая с устройством прачечной в закрытом помещении намного облегчилась. Не менее важным стало устройство собственной пекарни, так как неоднократно случались затруднения в получении хлеба для больных из полевых военных хлебопекарен. Нередко также больные оставались без галет и сухарей, получаемых из Карсского склада Красного Креста. Когда такое случалось, приходилось закупать хлеб и сухари по завышенной цене в Ольтах⁷⁹.

Лазаретные палатки в это время делились на три отделения: хирургическое, терапевтическое и инфекционное. Первые два отделения обслуживали старший врач Г. Ф. Холлман и зауряд-врач А. М. Ткаченко, а инфекционное

⁷⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 84.

отделение работало под руководством женщины-врача Ханы Шмерковны Шехтер-Ревуцкой⁸⁰.

Помимо нижних чинов из стоявших по соседству частей Серафимовский лазарет оказывал также амбулаторный прием и местным жителям – курдам и грекам. Кроме того, в разное время лазарет оказал гостеприимство около 180 офицерам проходящих эшелонов. А однажды в знак благодарности за услуги общество офицеров одного из казачьих полков пожертвовало лазарету 100 рублей.

Вместе с тем как-то сразу не заладились отношения у старшего врача с новым завхозом Винником. Трения начались, в основном, из-за несогласованности действий. Винник пытался проявить самостоятельность, а в результате возникал конфликт. Он то без спроса брал себе в помощь санитаров, то самовольно, не уведомив Холлмана, начинал какие-нибудь работы или неверно выполнял его указания. В общем, с первых же дней вызвал в свой адрес нарекания. Назревавший конфликт достиг кульминации в середине ноября. Причиной стало происшествие, возмутившее практически весь персонал лазарета.

Как-то в отсутствие доктора Холлмана Винник дал старшему санитару распоряжение застрелить двух собак, обитавших в расположении лазарета. По мнению завхоза, они «будучи сами по себе совершенно бесценны, приносили лазарету вред» – «раздражали по утрам и ночью своим лаем, часто наполняли сворою столовую персонала и неутомительно натаскивали в лазарет тряпки и кости падали». Чтобы положить этому конец, Винник приказал вывести собак далеко за территорию лазарета и там пристрелить. Но все случилось иначе. Старший санитар пристрелил одну собаку «на границе лазарета», а другую стал убивать

⁸⁰ 7 ноября 1915 г. командирована во 2-й Серафимовский лазарет младшим врачом; 29 февраля 1916 г. переведена в 9-й Кавказский передовой отряд; 29 июля 1916 г. командирована в 4-й Кавказский подвижной лазарет; 9 ноября 1916 г. оставила службу по собственному желанию.

прямо в его расположении, что «произвело весьма неприятное и тяжелое впечатление на некоторых из персонала». Впрочем, вторую собаку ему не удалось убить сразу, и раненое животное со страшным воем убежало с территории. Утром следующего дня собака прибрела в лазарет, видимо по привычке, в надежде, что ей больше не причинят зла. Обнаружив ее, старший санитар вынес собаку далеко за лазарет и четырьмя выстрелами добил. Эти сцены расправы над безобидными дворнягами, к которым все уже давно привыкли, вызвали возмущение и слезы сестер, оставив тяжелый осадок.

Когда старший врач вернулся в лазарет и узнал о происшедшем, он был вне себя. Мало того, что Винник ни с кем не посоветовался, учинив расправу над несчастными животными, оказалось, что одна из собак, та которую добивали на второй день, являлась собственностью Холлмана. В негодовании он заявил Виннику, что служить с ним больше не может и что «вследствие огорчений», полученных им от заведующего хозяйством, сам вынужден оставить лазарет. Кроме того, доктор потребовал, чтобы завхоз написал рапорт на имя главноуполномоченного Л. В. Голубева с объяснением всех своих проступков, вызывавших нареkania.

В рапорте Винник, хотя и писал откровенно, все же старался несколько оправдать себя и в частности в связи с последними событиями. Указывая на «бесценность» и «вредность» убитых собак, завхоз также старался подчеркнуть и излишнюю привязанность к ним персонала. Он лукаво замечал, что солдаты, видя слезы сестер милосердия, громко говорили: «А когда в лазарете солдаты умирали, то никто не плакал». Если даже кто-то из солдат и говорил так, то это вовсе не свидетельствовало о жестокосердии сестер. Просто женщины более чувствительны и эмоциональны, а животных всегда жалко за их незащитность и беспомощность. В трудных условиях полевой жизни, в которых работал персонал, в соприкосновении с человеческими страданиями и

смертью, естественным было искать хоть какую-то отраду в окружающей обстановке. И наверняка добродушные, доверчивые собаки, крутившиеся рядом, доставляли немало приятных эмоций. И когда их взяли и убили, да еще у всех на глазах, естественно это вызвало огорчение и слезы.

Винник, видимо, все-таки чувствовал в душе вину, да и всеобщее отчуждение способствовало этому. В конце рапорта он просил главноуполномоченного уволить его из Серафимовского лазарета и предоставить место «в одном из передовых отрядов, находящихся в самых худших жизненных условиях»⁸¹.

Холлман тоже написал Голубеву, что собирается оставить лазарет, и просил перевести в другое место. Но его просьбу, вызванную эмоциями, главноуполномоченный отклонил.

В начале декабря Винник покинул лазарет, и его обязанности снова принял на себя Ф. М. Морозов, оставив в связи с этим заведование пунктом питания⁸². В это время все еще продолжались обустройство лазарета и подготовка его к зимовке. С приближением холодов число коечных мест уже в начале октября пришлось сократить до 140, так как не хватало печек и материалов для утепления всех палаток и жилых помещений. Меж тем пока не приобрели железные походные печки и войлок, персоналу пришлось некоторое время померзнуть. Хотя дни стояли теплые, ночной холод становился все более чувствительным, и уже в конце октября по ночам стала замерзать в палатках питьевая вода. Чтобы поддержать тепло, печки приходилось топить непрерывно, но стоило дровам выгореть, как сразу же становилось холодно. Положение немного улучшилось после утепления палаток войлоком: температура стала размереннее, и топлива расходовалось меньше. Тем не менее, на нужды лазарета в сутки в общей сложности уходило около 30 пудов дров. До конца октября военные власти разрешали разбирать на топливо

⁸¹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 84–84 об.

⁸² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 269.

разрушенные дома в курдских селениях, но затем пришлось покупать дрова и каменный уголь, добываемый в каменноугольных коях верстах в 15 от Коссор по направлению к Ольтам. Вопрос отопления лазарета все время оставался крайне насущной проблемой. Холлман уже с осени говорил об этом с военным командованием, а в частных разговорах в сердцах высказывался, что если лазарет «не получит средства отопления, то он принужден будет закрыть его»⁸³.

Кроме того, все имеющиеся палатки финляндского типа пришлось перешивать, поскольку они были очень высокие и неустойчивые. Сильные порывы ветра легко опрокидывали их⁸⁴.

Чтобы довести число коечных мест до требуемых 200, решено было построить дощатый барак. Именно этим и занялся Морозов. Все работы производились исключительно своими силами, при помощи санитаров. Завхозу самому приходилось добывать необходимые материалы и лично руководить стройкой. Из-за покато́й местности барак пришлось сооружать тремя уступами. Сперва был устроен фундамент, таким же образом, как и у остальных палаток: высотой в пол-аршина, окопанный вокруг неглубоким рвом, чем достигалась относительная теплота и безусловная сухость земляного пола. Фундамент складывался из камней, промежутки между которыми засыпались щебнем и землей, выкопанной изо рва. Затем, после трамбовки и поливки водой, фундамент обсыпали слоем сухой глины и плотно утрамбовывали. Чтобы барак был теплым, Морозов устроил в нем двойные стены, заполнив полость древесными опилками, а брезентовую крышу утеплил изнутри войлоком. Работы, однако, продвигались довольно медленно из-за недостатка рабочих рук, так как лазарет был загружен больными. Лишь к концу декабря постройку завершили.

⁸³ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 84.

⁸⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 258.

Между тем, занятый хозяйственными делами, Морозов теперь огорчался, что «отдалился от служения раненому солдату, далек стал от работы по перевязочной» и вообще от всего, к чему стремился. Дело в том, что в это время началось наступление на турецкий город-крепость Эрзерум и в Серафимовский лазарет хлынул поток раненых и хирургических больных. Работа в нем носила в основном этапный характер: приходилось перевязывать, кормить и поить, давать уход и ночлег, а затем эвакуировать дальше – в Мерденек. Тяжелораненых и больных, которые не могли перенести дорогу, оставляли в лазарете, некоторым делали операции. Причем благодаря прекрасному оборудованию операционной и перевязочной, а также присутствию хорошего врача тяжелораненых иногда оставляли в лазарете на длительное время – вплоть до выздоровления.

Состав персонала в лазарете на январь 1916 года был следующий: старший врач Г. Ф. Холлман, младшие – зауряд-врач А. М. Ткаченко и Х. Ш. Шехтер-Ревуцкая, фельдшер Г. Погосов и сестры: М. Красникова (старшая), М. Окунева, М. Иглина, С. Сушке, Т. Пичикина, Э. Козловская, Э. Лейтланд, Е. Соболева, А. Бойко, А. Стулина, О. Осипова, монахини Виталия и Евлогия. Должности между персоналом распределялись следующим образом: старший врач помимо своих прямых обязанностей заведовал еще глазным отделением; Ткаченко заведовал незаразным отделением с амбулаторией, операционной и аптекой; Шехтер-Ревуцкая – заразным отделением; старшая сестра помогала в глазном отделении; Пичикина работала в аптеке, сестра Иглина – в амбулатории и операционной; монахиня Виталия была сестрой-хозяйкой; Евлогия заведовала прачечной и бельевой; остальные сестры работали в палатах.

Санитаров в это время в лазарете числилось 83 человека: старший команды 1, церковник 1 (он же и старший писарь), младший писарь 1, каптенармус 1 и его помощник 1, артельщик 1, старший палатный 1, старший обозный 1, кашевар 1

и его помощник 1, на кухне для персонала и слабых 4, у кипятильщика 2, плотников 3, кузнец 1 и его помощник 1, слесарь 1, шорник 1, сапожник 1, портной 1, в прачечной 6, хлебопеков 2, дворник 1, ламповщик 1, прислуживающих персоналу 3, палатных санитаров 25, при аптеке 1, в амбулатории 1, обозных 17, на питательном пункте 3.

До середины февраля приток раненых в лазарет был чрезвычайно интенсивным (особенно много поступало обмороженных). Военно-санитарный транспорт доставлял их буквально день и ночь. Привезенных первым делом направляли в перевязочную для осмотра. Некоторые шли сами, других поддерживали санитары, третьих несли на носилках. У каждого нужно было спросить и записать на листок бумаги: имя и фамилию, возраст, название воинской части, куда и когда ранен. Этим занимались сестры милосердия. Они же осматривали прибывших и с помощью санитаров переодевали в чистое лазаретное белье. Поражало, насколько солдаты были завшивлены. Санитар снимал рубаху, а она казалась «живой», столько по ней ползало паразитов. Грязную одежду сворачивали в узел, прикалывали записку с фамилией, названием полка, роты или сотни и выносили в особую кладовую. Затем кому-то делали перевязку, кому-то накладывали гипс, лубок или компресс, кого-то готовили к операции...

Едва успевали разобраться с одними, как уже поступали новые раненые, которых также надлежало опросить, переодеть, осмотреть и обработать раны, проводить к койкам или в операционную. И так, сменяя один другого, проходили вереницей искалеченные, изуродованные страдальцы. У одного ужасная рана – вырван из тела громадный кусок мяса, у другого – перебита кость, третий едва дышит – посинел, весь забинтован, так что сестры не знают, как к нему и подступить, четвертый обморожен – развязывают ногу, а там синее мертвое мясо. Казак сменяет солдата, солдат – казака... На полу всюду кровавые бинты, вата, разрезанная

и разорванная одежда: штаны, гимнастерки, рукава шинелей, распоротые во всю длину сапоги. А в воздухе запах загнившей крови, йода, лекарств, грязного белья и пота.

В палатках, где размещались больные и раненые, шло круглосуточное дежурство. Ночью беспокойно: раненые часто зовут и просят пить, кому-то нужно подложить судно, кто-то, исстрадавшись, просит подсунуть вату под больную ногу или перевернуть его на другой бок, у кого-то начался жар, и он мечется на постели, бредит. Проходит беспокойная ночь, начинается утренний обход, измеряется температура. Плохо спавшие раненые спят теперь. Сестры тихо ставят термометры, а они даже не пошевеливаются, измученные бессонной ночью. Но сон их недолог и мало приносит облегчения. Все бледные, глаза загноились, губы сухие, потрескались. Трижды в день необходимо всех накормить. Причем у каждого свой рацион: у тяжелых – один, у легких – другой. Некоторые не могут самостоятельно есть, и их нужно кормить с ложки или со специального поильника. А раненых сотни...

Через день-два их отправляют дальше. В палатки приносят обмундирование: сапоги, гимнастерки, романовские полушубки, папахи, башлыки. Санитары вновь переодевают раненых, суетятся, кто-то разыскивает запропавший сапог, шаровары или папаху. Затем спешно меняют постели: все грязное и окровавленное снимают и постилают чистое, чтобы уложить на них до очередной отправки вновь прибывших.

Согласно приказу по корпусу, в первую очередь как можно скорее старались эвакуировать обмороженных. После выздоровления в свои подразделения они уже не возвращались, а направлялись в части, стоявшие в более теплых местах, преимущественно в Приморский район или Персию⁸⁵.

С осени эвакуация из Серафимовского лазарета производилась двуколками 121-го и частично 120-го военно-санитарных

⁸⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 303 об.

транспортов. Легкораненные эвакуировались на мажарах – четырехколесных молоканских фургонах. Однако с наступлением зимы заснеженная и обледеневшая дорога стала опасной, особенно от Агундира до Мерденека, где был тяжелый подъем с крутыми поворотами. Зимой этот подъем при скользкой дороге стал почти непреодолимым для колесного транспорта, да и небезопасен: нагруженные фургоны могли сорваться с кручи, и при этом могли погибнуть или покалечиться люди и лошади. Тогда, в конце декабря, начальник 121-го транспорта доктор Лубо обратился через Г. Ф. Холлмана к главноуполномоченному Креста Голубеву с просьбой о предоставлении в распоряжение транспорта 50 саней, по числу двуколок. Ходатайство удовлетворили, но дали лишь 25 саней, из-за чего транспорту пришлось работать почти без передышки. Шесть саней получил и Серафимовский лазарет. Их оставили на питательном пункте и также использовали для эвакуации. Лазаретные двуколки и фургоны довозили раненых до Агундира, где происходила перепряжка и перегрузка в сани. Когда было необходимо, Морозов по хозяйственным делам ехал с ранеными до Мерденека. Там, в интендантском магазине, закупал продукты и фураж, грузил все на освободившиеся сани и возвращался в Коссоны⁸⁶.

Порой раненых прибывало так много, что персонал лазарета не спал по двое-трое суток, буквально выбиваясь из сил. Уже нет мест не только на кроватях, но и на полу, а раненых все везут и везут. Только и слышно со всех сторон: «Сестра! Сестра! Санитар!» А у всех усталость, едва ноги передвигают. Но нельзя ни сесть, ни отдохнуть, а нужно идти и помогать несчастным. Вот почему Морозов так переживал, что не мог быть рядом с ними. Впрочем, работы хватало и у него. Нужно было заниматься закупкой и распределением продуктов, фуража, топлива, приобретением

⁸⁶ РГИА. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 270.

медицинских материалов и многим, многим другим. Когда раненых прибывало слишком много, он приспособивал для ночевки запасные палатки. Еще в конце января Морозов оборудовал под операционное помещение палатку с деревянным полом. Работал он всегда энергично и оперативно, стараясь, чтобы лазарет ни в чем не имел недостатка. А между тем на фронте нередко случалось так, что в госпиталях и лазаретах из-за бездеятельности, равнодушия или воровства завхозов гибли от недоедания и холода раненые, не говоря уже о расстройстве хозяйства вообще⁸⁷.

Следует также сказать, что в январе–феврале 1916 года Тифлис переживал серьезный продовольственный кризис. Особенно остро стоял вопрос с мясом. Чтобы обеспечить мясными продуктами больных и раненых в городских госпиталях и лазаретах, военным властям пришлось прибегнуть к реквизициям: полиция устраивала обыски у торговцев, изымала припрятанное мясо и другие продукты. Вместе с тем возникли перебои с доставкой керосина, несмотря на то что относительно недалеко находился Баку. Это было связано главным образом с неразберихой на железных дорогах⁸⁸. Естественно, что из Тифлиса продовольствие с перебоями и не в полном объеме поступало и на полевые склады. Между тем Серафимовский лазарет благодаря Морозову обеспечивался продуктами прекрасно. Он сумел наладить хорошие отношения с заведующим Карским полевым складом Н. Н. Тарновским и его помощниками, которые высылали лазарету необходимые предметы и продукты хорошего качества без задержек. Более-менее сносно обстояло дело и с фуражом. Сено и ячмень для лошадей брали по чекам из Мерденекского интендантского магазина. Правда, интендантское сено было невысокого качества. А поскольку еще в августе все припасы у местных жителей были закуплены

⁸⁷ Семина Х. Д. Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – С. 128.

⁸⁸ Продовольственное совещание // Кавказ. – 1916. – № 33. – С. 4.

или реквизированы, то удалось приобрести лишь незначительное количество хорошего сена. Но зато ячмень в интендантстве был хорош⁸⁹.

За время эрзерумских боев через Серафимовский лазарет прошло более трех тысяч раненых, не считая терапевтических больных, было произведено более тридцати сложных операций, количество перевязок в среднем доходило до 100 в день⁹⁰. Работа оказалась настолько тяжелой и напряженной, что доктор Холлман «ввиду переутомления» 19 января 1916 года оставил заведование лазаретом. Его место занял врач Николай Константинович Чикаревский – опытный хирург с многолетним стажем, исполнявший до этого обязанности старшего врача 4-го подвижного Кавказского лазарета имени Забайкальской области. Назначался он с мыслью преобразовать Серафимовский лазарет в чисто хирургическое лечебное заведение. И действительно, при Н. К. Чикаревском специфика работы лазарета изменилась. Из 200 коек 100 всегда были заняты хирургическими больными, остальные 100 делились между терапевтическими и инфекционными, причем инфекционное отделение было изолировано.

Вот что писал в Петроград 23 января доктор Чикаревский, приняв лазарет: «В настоящее время лазарет имеет 200 коек, из которых сегодня заполнены 117; каждый день подвозят по 40 или 50 человек больных, среди них около 1/3 раненых». Вместе с тем уже в это время стала чувствоваться удаленность Серафимовского лазарета от фронта, и Чикаревский сообщал, что намеревается просить корпусное начальство передвинуть лазарет на 30–40 верст за Ольты.

Мысль эта ему, скорее всего, была подсказана Морозовым, искавшим кипучей работы. «Кое в чем и многом лазарет нуждается, – завершал письмо старший врач, – но нужды удовлетворяются Управлением Красного Креста далеко не всегда; я позволю себе написать Вашему Высокопреосвященству

⁸⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256.

⁹⁰ Количество больничных дней за месяц в этот период доходило до 4–5 тысяч.

в недалеком будущем обо всем, что, по моему мнению, будет играть и играет большую роль в жизни и деятельности лазарета. Приступая к работе здесь прошу у Бога силы и у Вашего Высокопреосвященства благословения на работу на новом для меня месте»⁹¹.

Вместе с Чикаревским к лазарету на должность агента для поручений был прикомандирован его родственник Михаил Максимович Миронов. Прибыл и новый заведующий хозяйством – Алексей Михайлович Айгустов, который, впрочем, как и его предшественники, недолго задержался в лазарете. Во время приема у Морозова материальной части Айгустов обратил внимание на то, что до этого не велись инвентарные и материальные книги. Тогда с ведома Чикаревского начали составлять описи имущества и материалов, имевшихся в наличии на ответственности персонала и санитаров. К 1 февраля описи были закончены, хотя большинство не имело подписей лиц, у которых имущество находилось на руках. Совместно с Ф. М. Морозовым новый завхоз составил акт, в котором отметил, что на имеющееся имущество составлена опись, а до этого книг вовсе не велось. Но с такой формулировкой подписывать акт Морозов отказался, не желая брать на себя ответственность за порядок, или беспорядок, заведенный до него прежними завхозами. Об этом он сообщил Чикаревскому. Тогда старший врач немедленно явился в канцелярию и заявил Айгустову, что приостанавливает сдачу дел и бумаг, находя, что последний «держит себя не как заведующий хозяйством, а как контролер».

В ответ Айгустов попросил Чикаревского письменно уведомить его, отстранен ли он от исполнения своих обязанностей. На это старший врач в официальном отношении ответил: «От таковых Вы не устранены уже потому, что в исполнение таковых еще не вступили, отстранение Вас от должности заведующего хозяйством Серафимовского лазарета

⁹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 303 об.–304 об.

может последовать по распоряжению Главноуполномоченного; мною лишь приостановлена сдача Вам лазаретного хозяйства и дел по причинам, о которых мною донесено Главноуполномоченному впредь до распоряжения Главноуполномоченного по сему предмету»⁹².

Айгустов так и не вступил в управление хозяйством лазарета, уволившись оттуда вскоре по собственному желанию. Обязанности завхоза продолжил исполнять Ф. М. Морозов. Но ему, как уже говорилось, в это время хотелось работать по санитарной части, среди больных и раненых. Морозов даже написал в управление Красного Креста, чтобы его освободили от хозяйственных дел, зная, что есть много желающих занять подобную должность «даже из местных князьков кавказских».

В то же время он, как и прежде, все еще хотел попасть в передовой отряд на Западный фронт, в частности в лазарет Высших учебных заведений. «Самое лучшее работать в передовых отрядах, тех районах, где идут бои, – писал он И. А. Шляпкину. – В тыловых подвижных лазаретах однообразие, скука, ссоры персонала, недовольство – все отравляет всякую трудоспособность, а главное, когда нет работы, начинается флирт. В жизни своего лазарета я много видел перемен и разных неприятных картин, повлекших 3 раза полную смену всего состава лазарета с врачами и лишь я один как камень залег, и ничто не сдвинет. Единственно, что меня еще держит здесь – развалины храмов и крепостей. На Ольгинском направлении осталось снять 7 церквей-развалин, из них особенно интересен храм в Ишханахе – это в пределах Турции; занятой нами. Думаю через месяца 1 ½ побывать в России, а потом переехать на Эчьмиадзин, там переснять предметы музея и библиотеки Патриарха (каталикоса). Я собрал 700 фотографических снимков с древностей Кавказа, особенно церковных древностей Сванетии»⁹³.

⁹² РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 98–98 об.

⁹³ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 17–18.

Бывая в разных местах по делам лазарета, Морозов неизменно расспрашивал местное население о древних архитектурных памятниках, главным образом христианских. Получив информацию о том или ином памятнике, он при случае ехал туда, делал фотоснимки и записи, отмечая предположительное время постройки, особенности архитектуры и пр. Снимки некоторых храмов он пересылал С. Ф. Платонову, И. А. Шляпкину и другим знакомым, интересующимся древностями. Так, в одном из писем профессору Шляпкину Морозов писал: «Вот снимок развалин древнего храма – общий вид и внутренний. Есть дата, хоть и поздняя 420 г. по магометанскому летоисчислению. План храма – круглый; состоит из 2-х вписанных один в другой кругов; промежуток между которыми образует галерею. Красивые римские колонны украшают апсиду и другие части храма. Есть еще несколько храмов; из них очень интересен Ишханах. Еду туда, сниму, если по пути не попадутся турки, так как они находятся близко. Ишханы богатое турецко-греческое селение. Есть мечеть и развалины храма. Пробовал спрашивать у курдов и греков какие-нибудь древности – ничего не оказалось»⁹⁴. Храм Ишханах в одноименном селении, о котором упоминал Морозов, являлся действительно замечательным памятником древнего зодчества, привлекавшим некогда своей красотой множество паломников. Возведен он был в VII веке местным князем Нерсесом, ставшим впоследствии главой Армянской церкви и прозванным потомками за любовь к храмовому зодчеству – Строителем.

В начале февраля Морозов побывал и в Эрзеруме, только что занятом русскими войсками. Это был важнейший город Азиатской Турции, считавшийся «ключом» к восточным областям Оттоманской империи. Своего значения и цветущего состояния он достиг благодаря тому, что находился на главном сухопутном торговом пути между Востоком и Западом,

⁹⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 2.

служа основным местом для склада товаров и привала караванов. Расположенный в ложине между гор, покрытых большую часть года снегом, окруженный двойной стеной и глубокими рвами, город считался почти неприступным. В южной его части находилась древняя цитадель, в которой до прихода русских жил паша. Турки возлагали на Эрзерум большие надежды в стратегическом отношении, поэтому его падение стало для них настоящим потрясением.

Едва город был занят русскими войсками, как Морозов поспешил туда с каким-то делом, чтобы осмотреть его древности. Путь в Эрзерум оказался нелегким и занял немало времени. По нему в обоих направлениях двигался нескончаемый поток обозов. Хваленые эрзерумские дороги, между тем, оказались чрезвычайно плохи. В особенности трудно было пробираться через перевалы, где лежал глубокий снег и было очень холодно. Вообще, эрзерумский климат отличался большой суровостью, особенно в зимние месяцы, так что его даже называли малоазийской Сибирью.

Дороги, по которым шли обозы, представляли собой сплошное кладбище животных. По обочинам валялись трупы верблюдов, лошадей, ослов, рогатого скота и овец, погибших частью от пуль, частью от истощения и холода, а еще чаще от страшного напряжения сил. И чем ближе к Эрзеруму, тем трупов становилось больше, причем не только животных. «Склоны гор покрыты трупами замерзших турок, – делился впечатлениями Морозов. – Раненых нет, а все мерзлые. Что с ними? Правда, они совершенные оборванцы; теплого нет ничего на них. Раздевают наших убитых или раненых и одеваются сами»⁹⁵.

Немало в горах лежало засыпанных снегом и русских солдат, погибших от холода и ран во время эрзерумских боев. Но сейчас было не до них. Лишь весной, когда стает снег, выкопают огромные ямы и свалят туда всех, известных

⁹⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 18 об.

и неизвестных. А в деревнях тем временем будут ждать весточки от сына или мужа в надежде, что он лежит где-то в госпитале или, быть может, едет теперь домой...

Сопровождаемые этими молчаливыми жертвами войны обозы въезжали в мрачные тоннели Карских ворот в высокой стене Эрзерума. Сам город выглядел угрюмо и неприветливо. Угрюмость ему отчасти придавала своеобразная архитектура: приземистые дома с маленькими окнами и плоскими, покрытыми дерном крышами, а отчасти цвет камня, из которого строились здания. Первое, что бросалось в глаза и поражало приезжих, то насколько город был загажен – он буквально утопал в навозе и мусоре. Морозов чрезвычайно дивился, как турки могли жить в такой невероятной грязи. Складывалось впечатление, что дворы, улицы, площади не очищались десятилетиями, а то и веками.

Такое ужасное санитарное состояние города вызывало серьезные опасения у военных властей. Скопление войск и транспортных отрядов, расквартированных в грязных домах Эрзерума, угрожало развитием эпидемий. Пока стояли морозы, заболеваний не наблюдалось, но с наступлением весны можно было ожидать их широкого распространения. Тем более, что в минувшем году в Эрзеруме переболела сыпным тифом чуть ли не большая часть населения. Ввиду этого военно-санитарная служба незамедлительно начала принимать энергичные меры по очистке города и дезинфекции помещений. И вот, вместо отдыха после изнурительных боев, нашим солдатам приходилось целыми днями заниматься уборкой дворов и улиц.

Морозов бродил по Эрзеруму, осматривая, в первую очередь, мечети, так как турки устраивали их, как правило, переделывая христианские храмы. В городе насчитывалось более сорока мечетей, самая большая – Улайяма-Джами с тонкими и стройными минаретами. До VI века город принадлежал грекам, поэтому Морозов рассчитывал найти в нем остатки древних христианских памятников.

В поисках приходилось полагаться исключительно на профессиональное чутье, так как расспросить о древностях особо было некого. На улицах, кроме русских солдат, почти не встречалось местных жителей. Эрзерум казался обезлюдившим. Из почти 100-тысячного населения к приходу русских в нем осталось всего 20–25 тысяч. Да и оставшиеся сидели, большей частью, за массивными дверями своих угрюмых жилищ, под охраной наклеенных у входа записок, за подписью русских военных властей: «Мирный житель такой-то». Остальное население либо бежало, либо было выселено еще в середине минувшего года. Выселили, естественно, армян. Их собралось и отправилось в путь почти 20 тысяч – мужчин, женщин, стариков, детей, взявших с собой лишь самое необходимое имущество и драгоценности. Однако до места назначения дошли немногие, большинство погибло в дороге, в основном от рук турок и курдов⁹⁶. В армянской части города все лавки были разрушены, а на главной улице дома представляли собой сплошные почерневшие от пожаров развалины. Не уцелели от разгрома и турецкие магазины, в чем постарались уже русские солдаты. От этого торговая жизнь в городе совершенно замерла, а вместе с ней и всякое оживление.

Поиски Морозова все же не остались бесплодными. Он обнаружил две любопытные мечети, бывшие ранее христианскими храмами, причем один из них относился ко времени императора Феодосия Великого (IV в.). В мечети, которая располагалась во дворе артиллерийских казарм, Морозов нашел очень красивый рельефный декор. Однако вся постройка была в ужасной грязи, стояла в запустении и близ нее выливали помой⁹⁷. Когда-то на этом месте размещался древний христианский монастырь, обращенный турками в арсенал, а его церковь – в мечеть.

⁹⁶ Эрзерум. (Из бесед с князем А. М. Аргутинским) // Кавказское слово. – 1916. – № 45. – С. 2.

⁹⁷ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 39.

По пути из Эрзерума, имея, видимо, больше свободного времени, Морозов заходил в попадавшиеся селения, где также разыскивал древности. В одной из армянских церквей он обнаружил старое греческое Евангелие, предположительно конца XVI века, писанное на бумаге в два ряда и имевшее заставки в виде плетеного орнамента. Особенно любопытной находкой в развалинах одного храма оказалась «колонна святых», с восьмью фигурами, среди которых имелось редкое изображение святого Христофора с собачьей головой. Немалый интерес представляли и надмогильные фигуры на курдских кладбищах.

Все виденные памятники Морозов запечатлевал на фотоаппарат. К этому времени его коллекция уже насчитывала 800 снимков: 200 собственных и 600 приобретенных или специально заказанных – целый фотографический музей, по его собственному выражению. Он мечтал по приезде в Петроград устроить из собранных фотоматериалов выставку в Археологическом институте.

По дороге из Эрзерума Морозов писал профессору Шляпкину: «Здесь нельзя приобрести ничего из вещевых памятников, так как их нет. Турки не придают значения памятникам старины, а если попадетсЯ какой-нибудь памятник в руки армян, в особенности, если он грузинский и имеются надписи – сейчас армяне собьют надпись и впишут свою. Страшное желание армян все памятники старины присваивать себе, хоть и не имеют на то никаких исторических оснований. Хорошо бы еще так, но зачем разрушать»⁹⁸.

Эти строки Морозов писал, находясь в большом турецком селении Ида, где вынужденно провел несколько дней. Обильные снегопады сделали непроходимым перевал через Гей-даг, поэтому нужно было ждать, пока дорогу расчистят.

⁹⁸ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 39 об.

Вскоре после возвращения Морозова из Эрзерума решился вопрос с заведующим хозяйством. В конце февраля на эту должность управление Красного Креста назначило М. М. Миронова⁹⁹.

Во время продвижения 2-го Туркестанского корпуса вглубь Турции Серафимовский лазарет значительно отдалился от места боев, поэтому раненые нередко поступали уже в таком состоянии, что оперировать их было поздно. Это обстоятельство показывало, что расположение лазарета в глубоком тылу лишало его возможности выполнять специальные задачи.

В конце февраля 1916 года бои затихли, но вспыхнула эпидемия сыпного и возвратного тифов. Причиной, как и опасались, стало занятие русскими частями инфицированных помещений в завоеванных областях и общее утомление войск. В это время в Серафимовском лазарете усиленно работало инфекционное отделение на 50 коек. Среднесуточное количество сыпнотифозных больных в нем достигало 30–40 человек и ежедневно увеличивалось на 10–15 человек. Еще во время открытия отделения было решено выдерживать всех тифозных больных до полного выздоровления, так как выяснилось, что эвакуация их в период острого истощения крайне вредно отражается на течении болезни, а иногда даже является причиной смерти.

Первым из обслуживающего персонала заразного отделения заболел сыпным тифом ухаживавший за турками санитар рядовой Андрей Гергарт, который хотя и оправился от болезни, но после эвакуации для поправки здоровья заболел плевритом. Вскоре возвратным тифом заразилась сестра милосердия Антонина Бойко, которую пришлось эвакуировать в инфекционное отделение Карсского крепостного госпиталя. Через три недели она уже вполне здоровая смогла возвратиться к работе. Затем сыпным тифом

⁹⁹ О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 30. – С. 754.

заболели женщина-врач Лизета Моисеевна Котлер, сестра Лина Кляустин-Звирба, санитары Федор Порущенко, Гордей Колесников и Егор Штейнбах. Врач Котлер поправилась довольно быстро, а вот сестра Звирба болела очень тяжело и, хотя пошла на поправку, получила осложнение в виде порока сердца, так что нуждалась в санаторном лечении. Следует сказать, что на ее долю выпала наиболее тяжелая работа в заразном отделении¹⁰⁰. 3 марта от тифа скончался санитар Порущенко¹⁰¹, а 10 апреля – ефрейтор Гордей Колесников¹⁰². У Штейнбаха после тифа развился гнойный плеврит, так что ему пришлось делать операцию – удаление ребра. Состояние его было крайне тяжелым.

Позже тифом заболела сестра Варвара Китиева, а санитаров переболело более десятка: Иван Денискин, Мисак Мурадьянц, Айрапет Давидьянц, Андрей Карепанов, Тихон Карманщиков, Стефан Чернявский, Даниил Кривопусков, Василий Бударин, Александр Матвеев, Александр Дыдыкин, Иван Калиберда (умер)¹⁰³.

После того как сыпным тифом начал болеть персонал, доктор Чикаревский в конце марта вынужденно закрыл тифозное отделение. Это было сделано еще и потому, что подобное отделение имелось в лазарете Земского союза в Ольтах. «Даже не касаясь такой постановки дела, – писал Чикаревский главноуполномоченному Голубеву, – а, приняв во внимание, что часть персонала и санитаров пожертвовала своим здоровьем и ввиду того, что я остался как для специальной, так и административной работы один, дальнейшее функционирование заразного отделения не представляю

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 309–309 об.

¹⁰¹ **Порущенко Федор Архипович** (†03.03.1916) – рядовой. Уроженец г. Балта Подольской губернии. Семья его проживала в г. Новороссийске (ул. Суворовская, 24). Был женат, детей не имел. Умер в возрасте 42 лет, похоронен на православном кладбище в с. Коссоры.

¹⁰² **Колесников Гордей Петрович** (†10.04.1916) – ефрейтор. Уроженец д. Чистякова Донской области Таганрогского округа; имел жену и шестерых детей. Умер в возрасте 44 лет, похоронен на православном кладбище в с. Коссоры.

¹⁰³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 58–59.

возможным»¹⁰⁴. Вскоре старший врач закрыл и терапевтическое отделение, так как знал по опыту, что в него будут отправлять тифозных больных с диагнозом *status febrilis* (лихорадочное состояние). В лазарете осталось функционировать только хирургическое отделение.

К апрелю, когда дороги подсохли и стали легко проходимы, эвакуация раненых и больных из Ольт в Мерденек установилась минуя Коссоры, так что лазарет оказался совсем мало загружен. Это привело к тому, что, имея 200 коек, будучи хорошо оборудован, располагая обозом и достаточным количеством санитаров, но оказавшись далеко в тылу, он нес большие затраты на ничтожную работу. Такое положение воспринималось руководством лазарета как весьма прискорбное. Оставаться в Коссорах и обслуживать 20–30 человек, при том, что рядом стоял этапный лазарет Земского союза на 100 коек, а на других направлениях ощущалась нужда в лечебных заведениях, было, по меньшей мере, странным. Старший врач Н. К. Чикаревский специально даже ездил в штаб корпуса, где просил корпусного врача Максимовича о предоставлении лазарету «возможности наиболее продуктивно использовать свои силы работой в более оживленном месте, например, Ольтах или Зарданесе». Однако, по убеждению Чикаревского, его приезд не очень понравился корпусному врачу – «прием его нельзя было назвать теплым, а отношение к учреждениям Красного Креста благоприятным». Во время разговора Максимович дал понять, что больше расположен к лечебным заведениям Земского союза. «От этой поездки у меня на душе остался горький осадок и тяжелое впечатление, – вспоминал Чикаревский, – однако я примирился с установившимся положением и продолжал работу»¹⁰⁵. Но, когда началось массовое передвижение лазаретов и врачебно-питательных отрядов, он снова решил поднять вопрос о перемещении Серафимовского лазарета на другой участок.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 101.

¹⁰⁵ Там же. Л. 101 об.

На этот раз Чикаревский решил обратиться напрямую к главноуполномоченному Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубеву. Он просил его приехать и убедиться на месте, что дальнейшее пребывание лазарета в Коссорах оправдывается слишком ничтожной необходимостью и что передвижение в другой район явилось бы более целесообразным. «В районе расположения 2-го корпуса, по моему мнению, – писал Чикаревский, – нуждающимся в нашей помощи районом является или Зарданес или Ольты. Но было бы лучше, если бы лазарет покинул совершенно район 2-го корпуса. Кроме того, прошу Ваше Превосходительство обратить внимание на то, что постройка одного богатого оборудованием лазарета в тылу у другого менее оборудованного лишает его выполнения возложенных на него специальных задач»¹⁰⁶. Мнение и желание Чикаревского целиком поддерживал Морозов.

В середине апреля главноуполномоченный обратился к командующему 2-м корпусом с вопросом, не найдется ли возможность передвинуть Серафимовский лазарет дальше вперед, где его хирургическая помощь могла бы быть использована. На это корпусный врач Максимович ответил, что лазарет в ближайшее время будет продвинут в долину реки Тормум-чая¹⁰⁷.

В конце апреля Чикаревский писал Голубеву: «Вчера я ездил в Ольты, где узнал от старшего врача 2[-го] лазарета, что нас собираются двинуть куда-то очень далеко, но Максимович – корпусный врач – не воздержался от нареканий по адресу моему, Красного Креста и Вашему за то, что мешаем ему бездельно держать нас в Коссорах. Мне очень хочется, чтобы Серафимовский лазарет делал во много раз больше, чем он делает, и это возможно. Поэтому-то я очень хочу видетсья с Вами лично и переговорить о делах лазарета»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 101–101 об.

¹⁰⁷ Там же. 102–103.

¹⁰⁸ Там же. Л. 104–104 об.

В то время, когда Чикаревский настойчиво добивался перевода лазарета у местного медицинского и военного начальства, Морозов, выехавший 28 марта в Петроград, информировал о сложившейся ситуации комитет Красного Креста духовно-учебных заведений. Тогда в комитете возникла идея перевести лазарет в только что завоеванный Трапезунд (ныне Трабзон). Этот турецкий город, расположенный на берегу Черного моря, находился недалеко от зоны боевых действий и служил на Анатолийском побережье узловым пунктом эвакуации больных и раненых. Инициатором идеи, видимо, стал бывший врач Серафимовского лазарета грек Феофилактос, который до войны имел в Трапезунде собственный дом и теперь после изгнания турок на радостях был готов уступить его под лазарет.

Так как появилась реальная перспектива передвижения Серафимовского лазарета, Морозов попросил комитет приобрести и прислать походную церковь с холщовым иконостасом. Он также начал переговоры о покупке для лазарета рентгеновского оборудования и переносной динамо-машины. Приобрести рентген для лазарета просил еще доктор Белиловский, однако после его отстранения от должности вопрос больше не поднимался. Теперь же Морозов вновь инициировал его, узнав, что комитет выделил деньги иеромонаху Николаю (Муравьеву) для приобретения рентгеновского кабинета в Минск. Морозов уведомил телеграммой о своих намерениях Чикаревского, однако тот отнесся к идее скептически¹⁰⁹. По всей видимости, и в комитете не имелось необходимых средств. Тогда Морозов стал просить, чтобы рентгеновский кабинет забрали у отца Николая и передали кавказскому Серафимовскому лазарету¹¹⁰. Мотивировал он это тем, что в Минске провести рентгеновское обследование раненого не сложно, так как рентгеновские кабинеты имелись там в других лечебных заведениях, например в

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 326.

¹¹⁰ Там же. Л. 324.

Земской больнице. А вот в условиях походной жизни отсутствие рентгена являлось действительно большой проблемой, особенно для хирургического лазарета.

«Вырвался на неделю в Петроград, – писал в эти дни Морозов профессору И. А. Шляпкину, – и первая мысль была посетить Вас. Масса поручений по делам лазарета не дала возможности осуществить намерение. Очень жалею, но я теперь покоен, узнав, что Вы здоровы. <...> Наш лазарет переводят в Трапезунд – вот где поработаю по археологии! <...> Общество защиты памятников старины в России хлопочет о переводе меня в Штаб Кавказской армии на предмет охраны старины в занимаемых нашими войсками городах и местностях»¹¹¹.

Больше года Морозов не был в Петрограде. Город за это время изменился даже внешне: как-то погрязнул, опустился. Народу в нем заметно прибавилось. В трамваи попасть было возможно лишь с большими усилиями, а извозчиков стало до того мало, что можно было пройти две-три улицы и не встретить ни одного. Цены на все поднялись неимоверно. Изменилось и общее настроение публики: она стала злобнее и революционной. О войне говорили мало, в основном о государственных проблемах, ругали царскую власть, особенно царицу, без конца пересказывали всевозможные слухи и сплетни.

«Узнать нельзя нашу публику в городах, – делился впечатлениями вернувшийся на Кавказский фронт из отпуска один из офицеров! – Все какие-то взвинченные! Говорят совсем не то, что говорили раньше, до войны. Всюду пьянство, разврат! Куда ни придешь, мужья и жены или разводятся или уже развелись! Дети в семьях стали лишними, матерям смотреть за ними некогда! А рестораны полны веселой, нарядной публикой. У всех деньги без счету. Походил я по кабакам и ресторанам (для этого и поехал!).

¹¹¹ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 24.

И насмотрелся!! Одеты, – как модные картинки, или под восточного бандита, – с целым арсеналом оружия на нем... Это все спекулянты – коршуны, питающиеся и жиреющие на трупах жертв войны!.. Прямо скажу я вам, господа: я рад, что вернулся сюда, в тихое, святое место!»¹¹²

Из Петрограда на Кавказ Морозов возвращался с различными грузами для Серафимовского лазарета. Среди прочего он вез подарки, пожалованные лазарету от имени цесаревича Алексея Николаевича: портрет царственного наследника, 24 экземпляра Евангелий и серебряных образков для персонала; 450 экземпляров Евангелий, металлические образки и папиросы – для санитаров и раненых воинов¹¹³.

27 числа Морозов был уже в Тифлисе, где в тот же день встретился с новым Экзархом Грузии архиепископом Платоном (Рождественским). В беседе с владыкой он, в частности, рассказал о жизни Серафимовского лазарета, о его теперешнем положении и о желании перевести его в Траpezунд. Экзарх пообещал хлопотать об этом.

Из Тифлиса Морозов железной дорогой выехал в Карс, откуда по «дековильке» добрался до Мерденека. Селение в это время года утопало в грязи, поскольку располагалось на краю широкой плоской долины реки, разливавшейся весной на десятки верст вокруг. Во время разлива улицы и дворы превращались в сплошную грязевую жижу, а плотина, по которой проходила единственная дорога на Ольты, становилась временами почти непреодолимой для животных и пешеходов. Здесь постоянно образовывался затор – в жидкой и липкой грязи, доходившей порой до колен, застревали сбивавшиеся в несколько рядов десятки двуколок, обозных фургонов, пешие и конные люди, навьюченные животные. Пока затор ликвидировали, над плотиной стоял

¹¹² *Семин Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 54–55.

¹¹³ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803. Л. 18-а.

невообразимый стон от ругани и криков. И, несмотря на все усилия саперных команд, участок этот все равно оставался проблемным, доставляя немало хлопот обозникам.

Путь от Мерденека до Коссор Морозову был хорошо знаком. Сколько раз он ездил здесь по лазаретным надобностям! Сразу за плотиной дорога поднималась в гору и шла через большой сосновый лес, настолько густой, что даже днем в нем было темно, как в сумерки. Огромные сосны высились у самой обочины. В воздухе пахло сыростью и грибами. Постепенно дорога расширялась, и начинался крутой извилистый спуск с холмов. Вскоре лес оставался в стороне справа. Вот и питательный пункт Серафимовского лазарета в Агундире, за которым дорога плавно спускалась в долину реки. С одной ее стороны оставались высокие горы, покрытые лесом, с другой – тянулись цветущие фруктовые сады и небольшие селения. Весной здесь было необычайно красиво: всюду цветы и свежая зелень. Река почти вплотную подходила к дороге – широкая, стремительная, но не глубокая. Ее мутно-красные воды бурлили, пенились, с шумом бились о камни, омывали плоский берег, отрывали с корнями деревья и, ломая ветки, несли их дальше, пока где-нибудь не выбрасывали изуродованные остовы на берег¹¹⁴.

После возвращения в Коссоры Морозову снова пришлось вступить в управление хозяйственными делами, так как завхозу М. М. Миронову понадобилось срочно уехать на короткое время в Харьков навестить тяжелобольную сестру, перенесшую операцию¹¹⁵.

Вместе со старшим врачом Морозов продолжил энергично добиваться перемещения лазарета на более оживленный участок фронта. Совесть и христианский долг звали обоих к активной деятельности, туда, где лазарет, а значит и они сами могли бы принести больше пользы. В этом Морозов и

¹¹⁴ *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – С. 214–216.

¹¹⁵ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 104.

Чикаревский были единомышленниками. Будучи близкими по духу людьми, да к тому же почти ровесниками, они с первых же дней знакомства нашли полное взаимопонимание. Нравственные идеалы Чикаревского, видимо, имели корни в его воспитании: он был сыном священника Казанской церкви города Борисоглебска Тамбовской губернии. О том, что Чикаревский был действительно совестливым и порядочным человеком, может свидетельствовать хотя бы такой факт: он стеснялся брать наградные деньги, считая их для себя незаслуженными из-за малой загруженности работой¹¹⁶. Чикаревский искал работу ближе к передовой, в то время как многие его коллеги, наоборот, использовали любую возможность (протекции, взятки и пр.), чтобы перевестись из действующей армии в тыловые лечебные заведения, в спокойную и безопасную обстановку.

О положении лазарета Чикаревский и Морозов писали в Петроград архиепископу Сергию (Страгородскому). Писали они и военно-санитарному инспектору Кавказского военного округа, указывая, в частности, что корпусный врач Максимович из-за нерасположения к учреждениям Красного Креста умышленно держит их на месте.

10 мая архиепископ Сергий (Страгородский) обратился к Л. В. Голубеву с письмом относительно судьбы Серафимовского лазарета. Он указывал на то, что с продвижением русских войск вглубь Турции лазарет оказался тыловым учреждением и, не имея непосредственной связи с действующей армией, стал исполнять функции «преимущественно учреждения терапевтического». Между тем наличие в нем опытного хирурга и специального оборудования указывало на желательность использования лазарета на оживленном участке фронта. Владыка Сергий сообщал, что доктор Ф. К. Феофилактос готов предоставить лазарету свой дом в Трапезунде, «вполне пригодный для помещения лечебного

¹¹⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 338 об.

учреждения». Он просил Голубева переместить Серафимовский лазарет в Трапезунд или «вообще в район, находящийся ближе к театру военных действий»¹¹⁷.

Письма такого же содержания были одновременно направлены в Главное управление Российского общества Красного Креста и Экзарху Грузии, которого владыка Сергей просил взять лазарет духовно-учебных заведений под свое покровительство. Экзарх со своей стороны предпринял какие-то ходатайства о переводе лазарета, но безрезультатно.

Между тем Л. В. Голубев ответил архиепископу Сергию, что в настоящее время передвинуть Серафимовский лазарет из Коссор не представляется возможным, так как Ольгинский район «очень нуждается в лечебных заведениях, в то время как Трапезундский район ими обеспечен». Он обещал в дальнейшем иметь в виду желание владыки Сергея и при первой же возможности его исполнить¹¹⁸. Окружного военно-санитарного инспектора Л. В. Голубев уверял, что главный врач 2-го Туркестанского корпуса Максимович «всегда относился в высшей степени доброжелательно ко всем учреждениям Красного Креста». Отмечая горячее желание Чикаревского быть в той обстановке, где его знания, как опытного хирурга, были бы наиболее полезными, он, тем не менее, замечал: «Во всех таковых случаях считаю, что учреждения Креста должны руководствоваться теми указаниями, каковые получают от корпусных врачей, которым обстановка и необходимость расположения отрядов более известна, чем отдельным начальникам отрядов Красного Креста»¹¹⁹.

Пока шла эта официальная переписка, в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений продолжал настойчиво обращаться Морозов с горячими просьбами о переводе лазарета. «Во что бы то ни стало, – умолял он, – спасайте

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 115–115 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 116–116 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 120–120 об.

лазарет от его бездеятельности, которая порождает праздность и порок и породит главное, позор лазарету духовного ведомства. <...> Люди от безделья ухищряются на все и подчас не проверяют своих мыслей и поступков, а это очень вредно для лазарета, ибо лица, думая, что они действуют в своих рамках и их действия касаются лишь их лично, забывают, что часто наносят позор учреждению, в котором живут и служат. Так вот ради благополучия, ради славы лучшей, лазарета духовного ведомства, а их так мало, надо дорожить всем, и чуть заметив недоразумение, которое влечет за собой неприятности для лазарета, надо их изъять. Дайте работы, дайте работы, чтобы не было времени для праздных мыслей и последствий и тогда будет благополучие. Работы никто не страшится, все добровольно шли к ней, а кому под тяжесть, тот оставит то учреждение, где нужны работники, а не празднотлюбцы»¹²⁰.

Неприятное отношение корпусного врача к учреждениям Красного Креста и его симпатии к Земскому союзу Морозов объяснял тем, что Максимович искал популярности в «народных организациях». Очевидно, корпусный врач симпатизировал Земскому союзу и Союзу городов исключительно по политическим пристрастиям. Эти общероссийские организации, образованные в начале войны с целью оказания помощи больным и раненым воинам, стали символом либеральной общественности. В годы войны между ними и Российским обществом Красного Креста, символизирующим «официальную власть», возникла своеобразная конкуренция, так что либеральная пресса предпочитала больше писать об успехах Земского и Городского союзов, чем об успехах Красного Креста. Однако, как справедливо замечал Морозов, под флагом Креста тоже работало немало лазаретов, сформированных народными организациями и содержавшихся «на гроши народа», жертвовавшего свои

¹²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 322–322 об.

лепты для помощи раненым воинам. К тому же медицинская часть Земских лечебных заведений, как правило, была слабо оборудована, а в Ольгинском округе ни одно из них не имело хорошего хирурга. Это обстоятельство у многих вызывало недоумение, почему такой «богатый лазарет» как Серафимовский, имеющий опытного хирурга, бездействует в тылу, когда у передовых позиций в подобном заведении чувствуется острая нужда.

Морозов описывал, в каких «выходках» выражалось отношение к ним корпусного врача. Так, например, когда к лазарету были прикомандированы двуколки для эвакуации больных и раненых, Максимович распорядился передать десять из них земцам. Сделано это было для того, чтобы дать возможность Земскому лазарету, а не Серафимовскому, пропустить через себя в период затишья большее число больных и раненых. В то время на фронте многие медицинские учреждения стремились принять по возможности большее количество людей и зарегистрировать поменьше смертных случаев. Но при этом, к сожалению, внимание зачастую обращалось не на качество оказанной помощи, а исключительно на количество принятых пациентов. Из-за этого святой труд превращался в нездоровую конкуренцию, погоню за цифрами. Морозов писал, что трудно работать в таких условиях особенно тогда, «когда создают, некоторые, конкуренцию, создают мелочи жизни в ущерб делу, а все это потому, что начальство занято не делом, а личными счетами и страстью человеческою – в поисках наград забывая, что благосостояние учреждения – есть награда». Так было и в деле с двуколками, которые отобрали у Серафимовского лазарета и передали земцам, лишь для того, чтобы те могли рапортовать о своих «успехах», а, следовательно, получать награды. Только после настойчивых и убедительных требований Чикаревского Серафимовскому лазарету дали возможность пользоваться двуколками от Земства, причем в первую очередь удовлетворялся Земский лазарет, а затем

уже Серафимовский. К счастью, Чикаревский не страдал погоней за цифрами, а старался честно выполнять свой долг. Указывая комитету, что желает работать «не для рекламы, а для пользы», он писал: «...больше обращаю внимания на качество, а не количество, и при приеме больных и раненых не делаю выбора между теми и другими»¹²¹.

Трижды Чикаревский представлял к наградам персонал лазарета, среди которого были, между прочим, и те, кто перенес сыпной тиф, подорвав здоровье, как сестра Кляу-стин-Звирба, заработавшая порок сердца. Морозов также представлялся к награде – золотой медали на Анненской ленте. Но корпусный врач игнорировал все рапорты.

«Я пишу об этом, – продолжал свое повествование Морозов, – ибо мне прожившему среди духовенства, знающему эту жизнь и отношение к нему гражданской власти, больно за лазарет Духовного ведомства. Мне обидно, что никто не идет навстречу преподавателям духовных учебных заведений, которые несут свои лепты на алтарь отечества в годину испытаний, желая облегчить страдания раненых защитников; на поле брани уврачевать их, дать им первую и самую существенную помощь... <...> Лазарет как ребенок оставленный всеми кричит, а его не слышат. Я ведь здесь один, который может поведать тем, кому дороги интересы лазарета»¹²².

Организации, формировавшие лечебные заведения, как правило, имели при них своих представителей. Серафимовский же лазарет, несмотря на огромную удаленность от своей организации, не имел. Уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений при лазарете считался старший врач. Однако, будучи занятый обязанностями по медицинской части и управлению, он практически не имел возможности заниматься внешними и внутренними проблемами лазарета. Ему нужен был помощник – помощник

¹²¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 303.

¹²² Там же. Л. 319 об.–320.

уполномоченного, с которым он мог бы «обсуждать жизненные вопросы» и которому мог бы поручать переговоры с властями и комитетом. На эту должность Морозов, как человек заинтересованный, предлагал себя. «Иной раз надо поехать лично, – писал он в комитет, – приглядеться к отношениям других, а не судить понаслышке; неимение времени отлагает благой порыв и новые начинания, и так “завтра” остается на год, а мысль, как птица, показалась и улетит. Жизнь военного лазарета вовсе не то, что мирного времени, где некуда спешить. Здесь день идет за неделю, упустишь случай – не вернешь. Мое двухгодичное пребывание на фронтах показало, чем живы люди и как надо с ними ориентироваться, дабы из-за личных недоразумений не вышел вред всему учреждению»¹²³.

Указывая на необходимость перевода лазарета в Трапезунд, Морозов сообщал, что эвакуация больных через Коссоры скоро совершенно закроется и что уже сейчас в лазарете всего 15 больных «хроников», требующих тылового госпитального или санаторного лечения. В Трапезунде же, как было слышно, кроме передовых отрядов да лазаретов Земского союза, не было ни одного лечебного заведения Красного Креста. «От Вас зависит дать нам работу, – писал он, – поставить лазарет там, где он должен быть, а не делать из него питательный пункт, кормить кочующих из лазарета в лазарет лишь бы продолжить время отлучки из окопов, а таких здесь много, особенно казаков донцов, кубанцев. Довольно томиться, зря тратить деньги лишь на уплату персоналу и подчас излишнюю кормежку прохожих. Надо же дать работу такую лазарету, чтобы это было чувствительно и оставило достойный след в истории участия Церкви в отечественной войне»¹²⁴.

Помимо малой занятости, в лазарете накопилось много и других серьезных проблем, которые решать приходилось,

¹²³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 320 об.

¹²⁴ Там же. Л. 322.

главным образом, Ф. М. Морозову. Чувствовалась большая потребность в новом белье, но особенно острой была нужда в палатках, так как старые сильно изнашивались. В конце апреля бушевавшая в Коссорах буря разорвала три палатки. Одну из них кое-как удалось починить, хотя она и была совершенно ветхая, а две других пришли в полную негодность. Пока стояла хорошая погода, жизнь в ветхих палатках была еще сносной, но когда начинались дожди, становилась просто невыносимой. «Сидишь в палатке, – писал Морозов, – а вода, словно чрез решето дождем, пробивается сквозь холст; в сырости проживаем так недели. Сестры живут в юртах, в которых после дождя не продохнешь. Войлок промокает и пахнет псятиной, да к тому, то там, то здесь просачивается вода, вся одежда промокает»¹²⁵. Порванные бурей палатки были самые большие, и с их потерей почти вполовину сократилось число коечных мест в лазарете. Хотя на ближайших складах Красного Креста и имелись палатки, покупать их из-за крайне плохого качества даже на короткое время не имело смысла. Подходящие большие палатки, например палатки Гессена, можно было приобрести лишь в Петрограде. Хотя они и стоили очень дорого, зато служить могли долго. Рассчитывать же на какие-либо помещения в случае передвижения лазарета в другое место было трудно, так как в Закавказье и Турции постройки очень редко подходили для размещения лечебных заведений.

Другой серьезной проблемой в лазарете являлся вопрос хлебопечения. Интендантский хлеб, как правило, был низкого качества, нередко сырой или залежавшийся и, естественно, не подходил для больных, особенно желудочных (тифозных и др.). Пшеничного хлеба в интендантстве вовсе не выпекали. Поэтому для нужд лазарета приходилось самим печь пшеничный хлеб, качеством которого, к сожалению, трудно было похвастаться. Причиной этому являлось

¹²⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 321 об.

неимение хорошей печи из-за отсутствия кирпича. Если где и продавался кирпич, то за него просили огромные деньги – 30 копеек за штуку. Местный камень, из которого складывали лазаретную печь, был рыхлым и рассыпался от жара, поэтому нередко случалось, что после «сажания» хлеба в печь он выпекался «не только жаром, но и ветром»¹²⁶. Когда Ф. М. Морозов был в Петрограде, то специально посетил выставку внеочередного Пироговского съезда, проходившего 15–18 апреля. Там его внимание привлекла походная печь на двуколке, представленная Российским обществом Красного Креста. За один раз она могла выпекать 5 пудов хлеба, а в день – 50 пудов. Хлеб выходил хорошо пропеченный и «вполне полезный». Стоила, правда, такая печь довольно дорого – 2800 рублей, но зато исключительно подходила к условиям полевой жизни. Поэтому Морозов сразу же обратился в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений с просьбой приобрести такую печь для лазарета¹²⁷. Ответа, впрочем, не последовало. Рекламный проспект печи он привез с собой в Коссоры, передав Чикаревскому. Тот, оценив достоинства походной хлебопекарни, да и сам нередко слышав о ней положительные отзывы, со своей стороны также просил комитет приобрести эту печь. Однако из комитета так ничего и не ответили.

Исключительно остро стоял вопрос и с лазаретным обозом. Уже к зиме он заметно изнашивался. Впрочем, благодаря собственной кузнице постоянно ремонтировался и при имеющихся 11 повозках мог большую часть их ежедневно выделять для служебных надобностей. Состав лошадей был в общем удовлетворительным. Тем не менее, нужда в перевозочных средствах была огромная. Еще в феврале Ткаченко (Чикаревский был в отъезде) отправлял в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений телеграмму с просьбой ассигновать лазарету деньги на покупку

¹²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 327–327 об.

¹²⁷ Там же. Л. 337.

грузового автомобиля. Грузовик продавало командование одной из воинских частей, находившихся по соседству. Автомобиль был совершенно новый, имел грузоподъемность почти три тонны и мощность 55 лошадиных сил. Просили за него 8000 рублей. С просьбой о покупке грузовика Ткаченко обращался и в управление Креста в надежде, что часть средств даст комитет, а часть Красный Крест¹²⁸. Но архиепископ Сергей ответил, что комитет не имеет денег на приобретение автомобиля¹²⁹.

В начале апреля в Серафимовский лазарет прислали 24 лошади и 26 человек команды 121-го военно-санитарного транспорта с десятью двуколками и одной хозяйственной повозкой. Прикомандирование их объяснили необходимостью иметь в Коссорах эвакуационные перевозочные средства. Но в это время эвакуация, как уже говорилось, шла минуя Коссоры. Видя, что транспорт практически простаивает без дела, в то время когда в районе за Ольтами имелась крайняя нужда в санитарных транспортах, Чикаревский сообщил об этом главноуполномоченному Креста¹³⁰. Он не мог понять, почему так неэффективно, как ему казалось, используются средства, предназначенные для оказания помощи раненым и больным воинам.

Между тем Серафимовскому лазарету нужны были собственные перевозочные средства, как минимум для хозяйственных нужд. Если раньше еще как-то удавалось исправлять возникающие поломки, то теперь это стало почти невыполнимым. Причина была в том, что тифлисский склад Красного Креста почему-то перестал приобретать повозки, а, кроме того, отказывал, по неимению, в отпуске ремонтных частей: колесных ступок, спиц, ободьев, а главное – шинного железа, которого ни в Карсе, ни в Тифлисе не стало после проведенной военными властями реквизиции. Ввиду

¹²⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 280.

¹²⁹ Там же. Л. 306.

¹³⁰ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 105.

создавшегося положения Чикаревский просил комитет Красного Креста духовно-учебных заведений «в первую очередь» прислать 50 пудов шинного железа. Такая экстренность диктовалась тем, что вопрос исправности обоза был жизненно важным, так как от него зависели передвижение и снабжение лазарета¹³¹. «Если это трудно выслать из Петрограда, – писал Чикаревский, – то может быть Комитет даст телеграмму в Харьковский военно-промышленный комитет съезда горнопромышленников юга России. Я со своей стороны также могу дать туда телеграмму служащему в комитете моему родственнику. <...> Этот комитет может предложить какому-нибудь заводу и тот может быстро прислать через Тифлисский полевой склад этот материал в Карс для передачи лазарету. <...> В Тифлисский полевой склад Креста я обращался по этому делу и даже ответа не получил, а это явление здесь обычное»¹³².

Однако предприимчивому Морозову удалось каким-то образом достать железо на месте, о чем он и поспешил уведомить комитет¹³³.

Во время последней его поездки в Петроград комитет обещал переслать в лазарет переданные начальником отряда Японского Красного Креста профессором Снисиро Уэно материалы, пожертвованные японскими христианами: марлю, вату, материю для косынок. Но груз по каким-то причинам до места назначения не дошел. Так же бесследно затерялись и книги, посланные лазарету петроградским Обществом духовно-нравственного просвещения. Когда Морозов пытался выяснить их судьбу, на тифлисском складе Красного Креста ему заявили, что книги, очевидно, вытащили еще в дороге.

А вот походная церковь дошла в сохранности, только холщовый иконостас комитет почему-то не прислал¹³⁴. Теперь

¹³¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 327 об.–328.

¹³² Там же. Л. 328.

¹³³ Там же. Л. 338.

¹³⁴ Там же. Л. 323 об.–324.

можно было позаботиться об организации регулярных богослужений. Еще в конце марта доктор Н. К. Чикаревский принял в лазарет на должность штатного священника иеромонаха Филарета (Панфилова)¹³⁵, служившего ранее при 1-м Сибирском казачьем полку. До него службы в лазаретной часовне со времени отъезда иеромонаха Иннокентия никто не совершал, а за исполнением треб обращались к священникам ближайших лазаретов или воинских частей. Среди таковых, видимо, и оказался отец Филарет, попросивший старшего врача принять его на штатную должность. Свою просьбу он мотивировал тем, что при верховой езде во время передвижения полка сильно утомляется и, кроме того, опасается «получить тяжелые повреждения вследствие падения с лошади»¹³⁶. Хотя личные качества иеромонаха Филарета не были известны Н. К. Чикаревскому, он, тем не менее, переживая, что в лазарете не совершаются богослужения, ходатайствовал за него перед комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений. Вернувшись из Петрограда, Морозов сразу же предложил получить назад принадлежавшие Серафимовскому лазарету антиминос, дарохранительницу и икону с мощами, которые хранились у Горийского епископа Антония. Для этого в Тифлис командировали иеромонаха Филарета, который и получил названные предметы¹³⁷.

После возвращения в конце мая из отпуска М. М. Миронова и передачи ему хозяйственных дел, Морозов совсем приуныл. Числясь теперь помощником заведующего хозяйством и медбратом, он остался почти без работы. Во

¹³⁵ **Филарет** (Панфилов; 1875 – после 1931) – иеромонах. Монашеский постриг принял в 1906 г. в Свенском монастыре г. Брянска Орловской губернии, затем состоял насельником Казанского монастыря Ставропольской епархии. В сан иеромонаха рукоположен в г. Тюмень Тобольской губернии. С начала Первой мировой войны служил священником 1-го Сибирского казачьего полка 2-го Туркестанского армейского корпуса. 29 марта 1916 г. прикомандирован к 2-му Серафимовскому лазарету на Кавказском фронте. После войны проживал в Ставрополье. В 1931 г. арестован и осужден по делу «церковно-монархической организации “Истинных тайных христиан”». Дальнейшая судьба неизвестна.

¹³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 290.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 106–107.

время эрзерумских боев, при наплыве в лазарет раненых, Морозов сожалел, что за хозяйственными делами отдалился от обязанностей брата милосердия. Когда больных и раненых стало очень мало, должность завхоза, напротив, давала возможность хоть какой-то деятельности. Теперь же и эта возможность исчезла.

Желая вырваться из сложившейся ситуации, он искал всевозможные варианты. В комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Морозов обращался с просьбой о предоставлении ему места в передовом санитарном транспорте, сформированном комитетом весной 1915 года для Юго-Западного фронта. Транспорт этот, прикомандированный к 101-й дивизии генерала К. Л. Гильчевского – одной из самых героических частей русской армии, за год работы в боевых условиях успел снискать себе заслуженное уважение. Узнав в Петрограде о самоотверженной деятельности его персонала, Морозов захотел перевестись туда. Он просил комитет в случае переформирования администрации транспорта, если понадобится заведующий хозяйством или помощник начальника, иметь его в виду¹³⁸. Обращался Морозов и к Л. В. Голубеву с просьбой о переводе в 10-й передовой отряд, уполномоченный которого «очень хлопотал» о назначении его своим помощником. Голубев, однако, ценя Морозова, ответил, что он «нужен в Серафимовском лазарете»¹³⁹.

До середины июня работы в лазарете по-прежнему было немного, и носила она все тот же этапный характер – большинство больных эвакуировались в тыл. Оставались наиболее тяжелые и наиболее легкие, подлежащие скорой выписке в часть. В этот период в лазарете производилось много операций «мирного времени»: грыжи, аппендициты и пр. Однако когда в середине июня начались бои за укрепленный турецкий город Байбурт, в Серафимовский лазарет вновь хлынул поток раненых. В конце июня корпусный

¹³⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 324.

¹³⁹ Там же. Л. 339.

врач предложил руководству лазарета организовать хирургический отряд-летучку и выступить в город Испир для оказания помощи раненым на позициях. В отряд вошли старший врач Н. К. Чикаревский, Ф. М. Морозов, сестры милосердия М. Иглина и Э. Лейтланд и шесть санитаров. Имущество, необходимое для персонала и раненых: палатки, белье, одеяла, мешки для сенников, медикаменты, сгущенное молоко, галеты, крупы, чай, сахар, посуду – погрузили на несколько санитарных двуколок. В связи с этим Чикаревский телеграфировал Л. В. Голубеву, что выделение хирургической летучки «требуется немедленного увеличения обоза», и просил незамедлительно прислать десять лошадей и десять санитаров, «без коих невозможна правильная работа лазарета». Ранним утром 30 июня отряд выступил в направлении Ольт, откуда двинулся через Эрзерум на Байбурт¹⁴⁰.

В лазарете остались врачи А. Ткаченко и Л. Котлер с остальными сестрами, которые и приняли поток раненых, доходивший до 300 человек в сутки. Пункт питания в Агундире возглавила сестра Танасейчук. Но она вскоре заболела, и Ткаченко телеграммой просил Голубева ввиду «большого количества проходящих нижних чинов» немедленно командировать агента для заведования питательным пунктом¹⁴¹.

Тем временем хирургическая летучка Серафимовского лазарета двигалась к месту назначения. Сбывалась заветная мечта Морозова попасть в передовой отряд. Хотя путь оказался нелегким и отряду пришлось преодолеть верхом на лошадях под палящим солнцем по горным дорогам более 200 верст, Морозов воспринимал все это с огромным энтузиазмом. По пути он фотографировал все, что находил достойным внимания.

2 июля части 2-го Туркестанского корпуса заняли Байбурт. В тот же день Морозов писал профессору Шляпкину:

¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 128–129.

¹⁴¹ Там же. Л. 130.

«Шлю привет из Байбурта, куда я пришел со своим летучим отрядом; турки бегут. Бог даст, побываю и в Трапезунде. <...> Вот история, я вполне живу походной жизнью, терпя всякие лишения. По пути видел и фотографировал бывший монастырь Хохульской Богоматери; очень интересные памятники, там сохранился соборный храм, где местами есть следы фресок; что особенно интересно – рельефы при входе в храм; там же интересная галерея, где колонны с резными капителями и рисунками. <...> Здесь всюду турки бегут. Вначале окажут сопротивление, а после, если отступают, то отступают умело – долго их не разыщешь в горах. Скоро конец Понтийского хребта... Зверствам турок нет предела... Имею много снимков»¹⁴².

Однако не успел хирургический отряд дойти до места назначения, как корпусный врач вызвал его по телеграфу обратно. А так как ко времени байбуртских боев позиции отодвинулись от Коссор на 250 верст, то летучка, проведя в дороге в общей сложности почти двадцать дней, не принесла никакой пользы. К тому же во время странствования заболел возвратным тифом доктор Н. К. Чикаревский.

После возвращения в Коссоры выяснилось, что Максимович планирует перевести Серафимовский лазарет в Ольты. Однако работы там предполагалось мало, поскольку после взятия Байбурта эвакуация раненых и больных в результате изменения стратегического расположения русских войск стала осуществляться по направлению Эрзерум–Сарыкамыш, а тракт Ольты–Коссоры–Мерденек потерял значение. Поэтому переводить лазарет в Ольты не имело смысла. Именно об этот Чикаревский решил переговорить с Л. В. Голубевым, для чего намеревался после первого приступа тифа выехать в Тифлис, но не успел. Из-за того, что доктор провел почти все время болезни верхом на лошади, он вернулся окончательно обессиленным и через четыре дня скончался.

¹⁴² ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 25–25 об.

Смерть его стала большой потерей для персонала лазарета. Отпели Николая Константиновича в лазаретной церкви, а для погребения отправили на родину в Борисоглебск. Когда гроб с телом доставили в Тифлис, перед отправкой его в Тамбовскую губернию епископ Эриванский Дамиан (Говоров) отслужил панихиду в присутствии представителей Красного Креста.

«С безграничной скорбью сообщаю Вашему Высокопреосвященству о безвременной кончине начальника подвижного лазарета Красного Креста во имя преподобного Серафима Саровского врача Николая Константиновича Чикаревского, – писал в Петроград архиепископу Сергию Л. В. Голубев. – Врач Чикаревский отдавался всею душою святому делу помощи раненым и больным героям доблестной Кавказской армии и имя его как по прежней работе в качестве старшего врача в отряде Государственной Думы на Кавказском фронте, так и в должности начальника Серафимовского лазарета останется светлым и уважаемым в истории Красного Креста на Кавказском фронте»¹⁴³.

После смерти доктора Чикаревского вопросом о переводе Серафимовского лазарета в более оживленный район продолжил заниматься Ф. М. Морозов. Благодаря хлопотам комитета Красного Креста духовно-учебных заведений и очередному настойчивому ходатайству Морозова лазарет получил назначение в город Трапезунд. Исполняющим должность старшего врача временно назначили зауряд-врача А. М. Ткаченко. Вынужденно приняв управление лазаретом и не имея необходимого административного опыта, он немедленно отправил архиепископу Сергию телеграмму с просьбой о назначении Морозова уполномоченным комитета. В складывающейся ситуации это назначение становилось все более актуальным.

¹⁴³ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 138.

Получив предписание о переводе, лазарет быстро свернулся и через Карс-Тифлис по железной дороге направился в Батум, откуда 9 августа морем прибыл в прибрежный Трапезунд, или как его называли в то время – Трапезонд. На все передвижение, включая свертывание лазарета, потребовалось всего девять дней. Такое быстрое перемещение стало возможным благодаря ходатайству главноуполномоченного Голубева, просившего генерала Ромодановского и адмирала Н. Г. Львова способствовать «скорейшему переводу Серафимовского лазарета в Трапезунд» и оказать содействие «при разгрузке и отправке»¹⁴⁴.

Переправа из Батума прошла благополучно, несмотря на то, что транспорт попал в сильную бурю и его изрядно качало. Куда опасней было наткнуться на немецкую подводную лодку. Хотя русские военные корабли и контролировали Черное море, такая опасность всегда оставалась и время от времени подводные лодки противника давали о себе знать.

Трапезунд заметно отличался от большинства городов Армении и Турции – он выглядел красивым и диковинным азиатским городом. Располагался он на высоком берегу, откуда уступами к самой воде спускались белые с красными черепичными крышами дома, окруженные садами и цветниками. Над городом возвышались остроконечные белые минареты и темно-зеленые величавые кипарисы. С моря город, по выражению современника, выглядел «почти волшебным». На склоне горы слева от города виднелись величественные развалины древней крепости с грозными зубчатыми башнями. На них сразу обратил внимание Ф. М. Морозов, с археологической точки зрения город обещал открыть много интересного.

Трапезунд был действительно богат древними памятниками. Один из старейших городов мира, он долгое время оставался глухой провинцией Римской империи. Однако в

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 143–144.

начале XIII века приобрел особое политическое значение, сделавшись столицей так называемой Трапезундской империи – небольшого греческого государства, образовавшегося на юго-восточном побережье Черного моря в процессе распада Византии. В 1204 году здесь утвердилась династия Комнинов, в течение двух с половиною веков правившая этой призрачной империей. Исторически она стала последним византийским оплотом и осколком византийской культуры на черноморском побережье Малой Азии. Вот почему Морозов писал профессору Шляпкину о том, что хочет побывать в Трапезунде. «Трапезунд довольно хорош, если бы его почистить от грязи; даже великолепен...» – делился он первыми впечатлениями¹⁴⁵.

На приморском участке Кавказского фронта этот город имел для русской армии огромное стратегическое значение, он был там, по выражению современника, все – начало и конец. Город служил основным перевалочным пунктом. Так как обеспечение русских войск в этом районе осуществлялось почти исключительно морским путем, в Трапезунд постоянно приходили и уходили транспортные суда, сопровождаемые военными кораблями. Целыми днями по главной улице, переименованной в Ляховскую в честь генерала В. П. Ляхова¹⁴⁶, тянулись повозки, обозы, двуколки с ранеными, мчались мотоциклеты и автомобили, одним словом – жизнь кипела.

Прибыв в Трапезунд, Серафимовский лазарет, к удивлению А. М. Ткаченко и Ф. М. Морозова, был почти с безразличием встречен уполномоченным Красного Креста в Приморском районе Н. П. Племянниковым, который отказался размещать лазарет в городских помещениях, мотивируя это

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 17 об.

¹⁴⁶ **Ляхов Владимир Платонович** (1869–1920) – генерал-лейтенант Генштаба. Весной 1916 г. возглавлял Трапезундскую операцию. 5 апреля 1916 г. вместе с прибывшим на миноносце главнокомандующим Кавказской армией генералом Юденичем вошел в г. Трапезунд и отправился по узким улочкам города в православный греческий собор, где греческий митрополит совершил молебен об освобождении христианского населения от турецкого владычества.

тем, что его могут в скором времени передвинуть в другой район. Он приказал расположиться в палатках за городом (в пяти верстах) – в неудобном глинистом месте. Ввиду того что лазарет так и не получил новых палаток, он развернулся всего на 135 коек вместо 200. Прием больных начался уже с середины августа, причем на 135 коечных мест в нем почти все время лежало от 150 до 250 больных¹⁴⁷.

Разместиться в доме Ф. К. Феофилактоса, как предполагалось изначально, лазарет не смог из-за того, что доктор сам теперь жил в Трапезунде, занимая должность старшего врача городского лазарета. Морозов повидался с ним. Феофилактос необычайно обрадовался встрече. Узнав, что в Серафимовском лазарете нет старшего врача, он выказал желание занять эту должность, будучи рад снова поработать в том заведении, с которого начал свою деятельность во время войны. Феофилактос лишь просил позволить ему уделять два часа в день городской больнице, связь с которой не хотел терять, потому что планировал после войны остаться там работать. На должность старшего врача он, по мнению Морозова, подходил и по своей специальности, как хирург – «специалист головы» (учился в Париже, а также держал экзамен в России). Однако на перемещение Феофилактоса в лазарет нужно было согласие начальства, о чем и завязалась переписка с комитетом и управлением Красного Креста¹⁴⁸.

Осваиваясь на новом месте, Морозов ждал из комитета ответ на просьбу о своем назначении уполномоченным при лазарете. В это время управление Креста при Кавказской армии планировало дать ему должность в другом лечебном заведении, но теперь он уже не хотел оставлять Серафимовский лазарет, где так «много поработал и хлопотал о благополучии его». Долгое время Морозов жил мечтой перевестись в какой-нибудь передовой санитарный отряд,

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635. Л. 6–6 об.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 17–19 об.

чтобы работать вблизи от района боевых действий. И вот теперь, когда этот вопрос вроде бы решался, он почувствовал, что не хочет оставлять лазарет, с которым сроднился душой и с жизнью которого был теперь неразлучно связан. С другой стороны, он хотел задержаться на некоторое время в древнем Трапезунде, так много обещавшем археологу.

Оказавшись здесь, Ф. М. Морозов вскоре узнал, что в городе находится академик Федор Иванович Успенский – известный русский византист, прибывший сюда во главе небольшой экспедиции¹⁴⁹, организованной Академией наук и Русским археологическим обществом для обследования и охраны древних памятников Трапезунда. Ученые занимались обследованием и охраной древних христианских храмов, обращенных турками в мечети, главным образом, трех: Святой Софии, Святого Евгения и Богородицы Златоглавой. Военные власти закрыли эти храмы для мусульманского культа и предоставили для проведения в них археологических работ.

Морозов подключился к работам Ф. И. Успенского буквально через неделю после прибытия в Трапезунд. Так как в это время академик уже остался один (члены экспедиции Ф. И. Шмит и Н. К. Клуге вернулись в Россию), он очень обрадовался появлению Морозова. Это была находка вдвойне – мало того, что Морозов имел профессиональные знания по археологии, он еще оказался и опытным фотографом, имеющим при себе все необходимые материалы.

«Шлю Вам привет из Трапезунда, – писал в те дни Морозов профессору И. А. Шляпкину. – Здесь я недавно; работаю много по археологии, помогаю профессору Ф. И. Успенскому, который здесь один и был очень рад, что я приехал. Я фотографирую памятники Трапезундской

¹⁴⁹ Кроме Ф. И. Успенского в состав экспедиции входили профессор Федор Иванович Шмит и Николай Карлович Клуге, приглашенный как художник и фотограф.

старины; их довольно много. Самыми интересными являются храмы Св. Софии, а еще лучше храм Златоглавой Богородицы»¹⁵⁰.

Морозов фотографировал храмы не только в Трапезунде, но и в окрестностях. Однако вскоре пришлось отказаться от подробной съемки, что немало его расстроило. Дело в том, что в Трапезунде крайне трудно было достать фотоматериалы – если что и имелось, то стоило очень дорого, а многого вообще не обреталось. Безуспешно Морозов разыскивал и эстампажную бумагу, которая у него закончилась, а заменить ее было нечем. Ввиду дефицита материалов он вынужден был снимать выборочно, лишь то, что наиболее заслуживало внимания, хотя, по его мнению – «все заслуживало внимания»¹⁵¹.

Очень скоро Ф. И. Успенский убедился, что Ф. М. Морозов оказался весьма ценным работником и еще в августе начал хлопотать через Академию наук о назначении его «сотрудником по работе регистрации памятников старины»¹⁵².

К своему великому огорчению Морозов во время путешествий по городу подхватил инфекцию и в конце августа слег с брюшным тифом. Болезнь быстро истощила организм.

В Трапезунде среди русских болели многие, прежде всего малярией и желудочными инфекциями. Хотя военно-медицинская служба во главе с доктором Владимировым и пыталась бороться с эпидемическими болезнями, но вяло и малоуспешно – город оставался в санитарном отношении грязным и запущенным. Он был настолько загажен, что достаточно было «сунуть нос в любой двор или дом, чтобы тотчас же зажать его: нерукотворные памятники греко-солдатских визитов покрывали не только дворы и полы, но возвышались и на чудом уцелевших столах и комодах»¹⁵³.

¹⁵⁰ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 26.

¹⁵¹ Там же. Л. 29–29 об.

¹⁵² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 18.

¹⁵³ Минцлов С. Р. Трапезондская эпопея. Дневник. – Берлин: Сибирское книгоиздательство, [1925]. – С. 73.

В нечистотах плодились миллиарды мух, которые тучами вились повсюду. Вместо того чтобы заняться устройством городской канализации и чисткой отхожих мест, доктор Владимиров запретил жителям держать у себя лошадей и коров и назначил премию в 15 рублей за каждый фунт мух¹⁵⁴. При этом город был переполнен больными солдатами. «Идешь по улице, – вспоминал очевидец, – и кажется, что навстречу без конца и без счета бредут только что вставшие из могил покойники; госпиталя переполнены по-прежнему донельзя и больные с температурой в 38° и выше валяются под дождем на открытых дворах»¹⁵⁵. Причиной такого скопления больных была плохо организованная и редко производившаяся эвакуация.

Пока Морозов болел, Ф. И. Успенский готовился к раскопкам находившейся рядом с алтарем храма Богородицы Златоглавой усыпальницы трапезундского императора Алексея IV Комнина, убитого в 1447 году по приказу своего сына Иоанна IV (Калояна). Раскапывать могилу начали 9 сентября, когда Морозов уже немного оправился и смог принять участие в этой работе.

Еще до раскопок царской могилы Морозов предложил Успенскому организовать при храме Богородицы Златоглавой местный историко-археологический музей. Академик, хотя и «с недоверием, но все же согласился»¹⁵⁶. Храм был выбран местом для музея не случайно. Когда экспедиция прибыла в Трапезунд, она обнаружила в мечетях-церквях следы разорения. Чтобы оградить памятники от дальнейшей порчи, Успенский распорядился заменить в храмах взломанные двери и оконные рамы, установить запоры и замки. Но эти меры оказались тщетны: окна выламывали, с дверей сбивали замки, и в помещениях снова появлялись нежелательные посетители. Единственная мечеть, которую

¹⁵⁴ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 85.

¹⁵⁵ Там же. – С. 115.

¹⁵⁶ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.

можно было хоть как-то защитить, – храм Богородицы Златоглавой. Он находился в центре города в бойком месте, да к тому же поблизости имелся полицейский пост. Здесь, как в сравнительно надежном помещении, и решено было сосредоточить собранные во время экспедиции предметы, имеющие церковную и археологическую ценность: книги и рукописи, найденные в мечетях и частных домах, архитектурные фрагменты и т. п. При входе в передний портик церкви Ф. М. Морозов положил начало трапезундскому археологическому музею. Здесь он разместил предметы и архитектурные фрагменты, найденные вблизи храма, а также части мраморной облицовки из алтаря церкви Святого Евгения. Тут же находились кости из царского саркофага, а также череп и кости, найденные в верхнем слое земли в алтаре церкви Святого Евгения, принятые за кости самого святого¹⁵⁷.

Сообщая в одном из писем профессору И. А. Шляпкину об устройстве музея и собранных экспонатах, Морозов в частности прибавлял: «...Привел во внешний порядок архив турецкий при Златоглавой церкви, словом, посеянное семя Института и Университета несусь с благоговением во славу науки и родины»¹⁵⁸. Работа по разбору архива, на самом деле, оказалась не из легких, так как Морозов был еще не вполне здоров. Общий вес собранного археографического материала составлял около 30 тонн, поэтому можно представить, какие усилия пришлось приложить, приводя его «во внешний порядок». Всю эту огромную массу рукописных документов Морозов уложил в 200 больших ящиков, разместив в пяти помещениях верхнего этажа – на хорах и гинекее¹⁵⁹.

В конце сентября Ф. И. Успенский покинул Трапезунд. Перед отъездом он упаковал наиболее ценные вещи в ящики

¹⁵⁷ [Успенский Ф. И.]. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского // Известия императорской Академии наук. – 1916. – Т. XI. – № 16. – С. 1659.

¹⁵⁸ ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.

¹⁵⁹ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 212.

на случай эвакуации и, опечатав печатью Русского археологического института в Константинополе, оставил в помещении устроенного Морозовым музея. Ключи от храма Богородицы Златоглавой и других мечетей-церквей Успенский передал представителю русской военной администрации.

В начале октября в Петроград вынужден был уехать и Ф. М. Морозов. Брюшной тиф не прошел для него бесследно, вызвав осложнения: болезнь почки и расстройство нервной системы. По всей видимости, он просто-напросто не долечился и оставил постельный режим, боясь упустить возможность поучаствовать в раскопках царского захоронения. Чтобы поправить здоровье, Морозов отпросился на полтора месяца в отпуск¹⁶⁰. В столицу он приехал в совершенно изможденном состоянии – сказала тяжелая дорога. Две недели пришлось пролежать в больнице Александро-Невской лавры, практически не вставая с постели. Только после этого самочувствие стало улучшаться, и он начал выходить на прогулки.

Между тем решился, наконец, вопрос о назначении Морозова уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений при 2-м Серафимовском лазарете. В удостоверении, выданном Главным управлением Креста, в частности, говорилось: «Все начальствующие лица и общественные учреждения благоволят оказывать Ф. М. Морозову должное содействие»¹⁶¹.

Теперь он мог уже хлопотать о нуждах лазарета как лицо полномочное, чем сразу же и воспользовался. Морозов снова поднял перед комитетом вопрос о покупке походной двуколочной хлебопекарни. Кроме того, просил приобрести экипаж, крайне необходимый для поездок по делам лазарета¹⁶².

Вместе с тем он просил организовать «для тоскующих от скуки больных воинов» небольшую библиотечку. Хотя в

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 166.

¹⁶¹ Там же. Л. 181.

¹⁶² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 33–33 об.

лазарете и имелись книги религиозного содержания, этого явно было недостаточно. Чтобы разнообразить чтение, Морозов попросил обеспечить лазарет книгами дешевых изданий русских классиков, одной-двумя газетами и журналом, а также религиозно-нравственными листками «для раздачи». Еще он просил закупить для лазарета финляндские галеты, так как интендантский хлеб, как уже говорилось, был плохого качества и не подходил для терапевтических больных – желудочных. Необходимо было и «жертвованное белье» для уходящих в часть выздоравливающих солдат. К празднику Рождества Морозов просил для больных подарки: рубашки, кальсоны, носки, табак, открытки для писем. «Все солдаты на позициях получают подарки к празднику, – писал он в комитет, – а эти, попавшие случайно в лазарет, бывают обделены, а они-то, для лазарета, особенно дороги»¹⁶³.

Пока Морозов находился в Петрограде, Серафимовский лазарет сменил месторасположение. Связано это было с начавшимися в октябре проливными дождями, которые очень скоро практически парализовали деятельность лазарета – он буквально утопал в непролазной грязи. Работать в таких условиях стало невыносимо, и прием больных пришлось временно прекратить. Тогда военное начальство отвело для лазарета помещения в селении Соук-су, в трех верстах от Трапезунда, где до прихода русских располагались летние резиденции трапезундской знати.

Еще в конце сентября в должность старшего врача лазарета вступил хирург Федор Павлович Андреади, так как Ткаченко, вынужденно принявший заведование лазаретом, просил управление Креста «ускорить командирование солидного, старого врача»¹⁶⁴. Феофилактос, о котором ходатайствовал Морозов, назначен не был. Как выяснилось, хирургия не являлась его специальностью. На запрос комитета Красного Креста духовно-учебных заведений главноуполномоченный

¹⁶³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 45.

¹⁶⁴ Там же. Оп. 16. Д. 635. Л. 6 об.–7.

Л. В. Голубев ответил, что препятствий к назначению его не встречает, но в таком случае Серафимовский лазарет потеряет хирургическое значение. А вскоре и сам Феофилактос сообщил, что по каким-то причинам не сможет принять на себя обязанности старшего врача¹⁶⁵.

Перебравшись в Соук-су, Серафимовский лазарет занял три большие и три малые дачи. Но этих помещений оказалось недостаточно, поэтому пришлось развернуться всего на 100 коек. Впрочем, ввиду трудности подвоза больных из-за плохой дороги он был загружен умеренно: операций проводилось немного, а среди пациентов преобладали больные возвратным тифом.

В начале ноября возникло предположение о переводе Серафимовского лазарета в Ардасу. На этом настаивали начальник Трапезундского укрепрайона генерал А. В. фон Шварц и главный врач укрепрайона Владимиров, указывая на необходимость иметь лечебные заведения на линии Калкит-Дживизлик, «дабы не переполнять Трапезунд»¹⁶⁶. Однако командир 2-го Туркестанского корпуса генерал М. А. Пржевальский находил перевод лазарета в Ардасу нежелательным. Решение этого вопроса было отложено до приезда в Трапезунд в конце ноября Л. В. Голубева.

По всей видимости, доктор Андреади занимал должность временно, поскольку комитет продолжал подыскивать других кандидатов и в конце ноября пригласил возглавить лазарет доктора Холлмана. В это время Гергард Фридрихович состоял в резерве врачей при Северном районе Красного Креста и исполнял обязанности врача лазарета при Петроградской глазной лечебнице Ведомства Учреждений Императрицы Марии. И чтобы назначить его в лазарет на Кавказский фронт, необходимо было его перевести в распоряжение Главного управления Красного Креста. Сделать это было очень непросто, поскольку из-за дефицита

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 27–29.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 171.

врачей Ведомство не хотело отпускать ценного специалиста. Впрочем, после немалых усилий перевод в начале декабря 1916 года все же состоялся. Главное управление Креста не возражало относительно назначения Холлмана в Серафимовский лазарет, но для этого необходимо было согласие главноуполномоченного на Кавказском фронте Л. В. Голубева. Однако тот почему-то под разными предложениями своего согласия не дал¹⁶⁷.

Тогда Мобилизационный совет назначил Холлмана на вакантное место начальника глазного отряда в Александрополе. Впрочем, доктор задержался в Петрограде, поскольку получил новое предложение.

В это время в комитете Красного Креста духовно-учебных заведений появилась мысль преобразовать 2-й Серафимовский лазарет в госпиталь. Идея эта не встретила принципиальных возражений со стороны Главного управления Красного Креста, однако не имелось пока «подходящего врача». Исполняющего обязанности старшего врача Андреади Л. В. Голубев считал непригодным для госпитальной работы. Отклонил он и кандидатуру доктора Холлмана, вновь предложенную архиепископом Сергием (Страгородским), указав, что тот «совершенно не может работать в климате, где есть малярия, специальность которого глазные болезни и как администратор не достаточно подготовлен для занятия должности начальника госпиталя»¹⁶⁸. На дело не повлияло даже ходатайство заведующего канцелярией императрицы Александры Федоровны графа Я. Н. Ростовцева¹⁶⁹. Тогда комитет духовно-учебных заведений предложил назначить в Трапезунд на должность старшего врача иеромонаха Николая (Муравьева), возглавлявшего Серафимовский лазарет в Минске, а на его место – доктора Холлмана. Однако Ф. М. Морозов, как уполномоченный, указал

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 53–53 об.

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 180.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803. Л. 22–24.

на нежелательность назначения отца Николая, сославшись на то, что особоуполномоченный Красного Креста по Минской губернии К. А. Вальтер выражал недовольство его деятельностью¹⁷⁰. Безусловно, Морозов имел в отношении отца Николая и свое мнение, причем, кажется, не очень лестное. Справедливости ради нужно сказать, что не только Морозов критично относился к деятельности иеромонаха Николая. Так, например, студент Петроградской духовной академии Владимир Панасюк, с первого дня работавший в минском лазарете санитаром, подал в 1916 году в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений докладную записку, в которой сообщал о финансовых злоупотреблениях и служебных нарушениях старшего врача¹⁷¹.

Впрочем, сам отец Николай не желал покидать Минск, о чем сообщил начальству, узнав о предполагаемых перемещениях. Он также попросил и Минского епископа Георгия (Ярошевского), своего покровителя, написать об этом архиепископу Сергию (Страгородскому). Ходатайствуя об оставлении отца Николая на прежней должности, тот, в частности, писал: «Так как иеромонах Николай ведет свое дело очень хорошо, и поставил на должную высоту религиозно-церковный элемент в лазарете, в чем я убедился лично, то весьма желательно его дальнейшее оставление в Минском лазарете. Назначение светского лица на должность начальника лазарета, да еще с еврейской фамилией, едва ли будет соответствовать достоинству лазарета духовно-учебных заведений, носящего имя преподобного Серафима»¹⁷².

Любопытен аргумент о «еврейской» фамилии... Когда Холлману, наконец, стало ясно, что назначения ни в Минск, ни в Трапезунд не состоится, он засобирился в Александрополь. Перед отъездом доктор подал в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений докладную записку, в

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 185–186.

¹⁷¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637. Л. 1–4.

¹⁷² Там же. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ц. Л. 95.

которой высказал некоторые мысли относительно дальнейших перспектив кавказского Серафимовского лазарета.

Оценивая положение дел, доктор Холлман указывал, что после смерти Чикаревского начальство обходит вниманием лазарет, поскольку обязанности старшего врача в нем исполняют лица, для этого неподготовленные. С другой стороны, в лазарете существуют трения и разногласия между персоналом, а между санитарями – полная распушенность. Эти обстоятельства в совокупности сильно мешали полноценной работе. «Без энергичного заведующего и опытного старшего врача – кто бы он ни был – лазарет обречен на прозябание, преобразование же его в госпиталь невысказано», – констатировал Холлман.

Госпиталь – долговременное учреждение, не прикомандированное к какой-либо войсковой части, вместе с которой передвигается лазарет, а более-менее самостоятельная неподвижная единица. Поэтому место для его расположения следовало бы выбирать с большой предусмотрительностью, для чего необходимо согласие местного уполномоченного Красного Креста Племянникова. А без его поддержки, считал Холлман, преобразование лазарета в госпиталь будет весьма и весьма трудным, почти невозможным.

По его мнению все затраты комитета на содержание лазарета могут оказаться не только бесполезны, но даже вредны, так как поддерживают учреждение, роняющее авторитет комитета в глазах местного военного начальства. «Я полагаю, – писал Холлман, – что единственным выходом из данного тяжелого положения, так как кандидатов на должность кавказского Серафимовского лазарета нет, является изъятие его из-под ведомства главноуполномоченного при Кавказской армии Голубева или путем перевода его на

другой, например, Румынский фронт, или путем полной его ликвидации»¹⁷³.

Без сомнения, такая информированность Холлмана о положении дел в лазарете была благодаря Ф. М. Морозову. Надо полагать, что именно он желал видеть Холлмана старшим врачом, помня, как тот осенью 1915-го буквально возродил деятельность лечебного заведения, когда стоял вопрос о его расформировании. У обоих тогда сложились исключительно хорошие отношения, и именно в Холлмане Морозов видел человека, который мог бы вновь настроить работу лазарета. Но почему-то Л. В. Голубев воспротивился его назначению. Скорее всего, в докладной записке Холлман высказывал не свои мысли, а мысли Морозова, прекрасно знавшего положение дел в Серафимовском лазарете и действительно беспокоившегося о его авторитете и о средствах комитета.

Сам Ф. М. Морозов вернулся в Трапезунд еще в конце ноября. В отличие от промозглого Петрограда, здесь стояла дивная погода: теплые ясные дни, и лишь по вечерам наступал небольшой мороз. В природе не замечалось резкой перемены к зиме – всюду виднелась зелень, даже цветы, на деревьях еще было много апельсинов, и лишь Понтийский хребет блестел на солнце снежными вершинами. Правда, море волновалось все чаще, что было одним из признаков приближающихся холодов.

Ознакомившись с обстановкой в лазарете, Морозов поспешил осмотреть трапезундские храмы и пещеры, взятые на учет русскими археологами. Как уже говорилось, академик Ф. И. Успенский перед отъездом из Трапезунда предпринял меры по их охране: в частности, везде, где было возможно, установили по его просьбе двери, окна, замки. Однако к большому огорчению Морозов обнаружил во многих храмах поломанные двери и следы проникновения посторонних

¹⁷³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 54–55.

лиц. Он сразу же озаботился о починке поломанных дверей, оконных рам и установке на них замков и решеток.

Следя за сохранностью памятников, Морозов продолжал отыскивать новые, путешествуя по лабиринтам трапезундских улиц. При близком рассмотрении город представлял довольно печальное зрелище. Здесь повсюду царила разруха: выбитые в домах стекла, вывороченные рамы и двери, везде следы грабежа, во дворах мерзость и запустение. Все было неимоверно загажено, что можно разбить – разбито, распорото, изорвано и раскидано. Все это являлось делом рук представителей разных обозных и тыловых частей, наполнявших город. Особенно отличались матросы, шнырявшие повсюду с мешками в поисках чем бы поживиться и выламывавшие даже медные ручки, шпингалеты, словом, все, что представляло хоть мало-мальскую ценность. Обозники – те просто бессмысленно разрушали: разбить вазу, разодрать картину или книгу – их излюбленное занятие. И от подобного варварства погибло много ценного, нужного, красивого, превратившись в груды бесполезного хлама, наполняющего заброшенные дома¹⁷⁴. Еще бросалось в глаза отсутствие в городе собак и напротив – обилие кошек. Одиальные, худые, с длинной свалявшейся шерстью, они будто караулили опустевшие жилища своих хозяев.

Несмотря на то что каждый день Морозов находил что-то новое, он все же не мог много времени уделять археологии. Его главной заботой оставался лазарет.

«Я живу, пока по-прежнему, – писал он в начале декабря Ф. И. Успенскому, – очевидно управлению Креста не нравится контрольное лицо Комитета [духовно-учебных заведений] и на меня поглядывают косо. О, как бы я желал от них отделаться и работать по призванию души – помогая страждущим – в этом мое стремление жизни, да еще любовь к археологии церковной побуждает поработать для

¹⁷⁴ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 48.

науки! <...> Познакомился с местными знатоками и как пчела отовсюду собираю крохи знания о том или ином памятнике. Нас навещают власть имущие, был А. И. Гучков¹⁷⁵, ждем и других высоких особ. Не весело живется – ощущается что-то вроде Петрограда... Бог даст все уладится»¹⁷⁶.

О состоянии охраны трапезундских памятников Ф. М. Морозов, кроме Ф. И. Успенского, информировал и Русское археологическое общество через Николая Ивановича Веселовского – известного русского археолога, востоковеда, многие годы изучавшего историю Средней Азии. Он писал также о необходимости назначить для Трапезунда и его окрестностей археолога, который бы ведал охраной памятников, прикомандировав его к канцелярии генерала Шварца или к Штабу армии. Имея определенные полномочия, такой человек мог бы требовать, чтобы с ним считались при его ходатайствах о защите старины, и не допускал бы вмешательства в это дело никого, кроме Императорской Археологической комиссии. Морозов писал и о необходимости создания музея, сообщая, что греки, в случае его устройства, готовы передать «запрятанные у них памятники старины». Разумеется, речь шла об учреждении официального музея, а не частного, любительского, какой он уже устроил в храме Богородицы Златоглавой.

Вместе с тем, имея должность уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений, Ф. М. Морозов активно занимался обустройством жизни Серафимовского лазарета. Теперь он мог более уверенно стать на стражу интересов комитета и жертвователей. По его ходатайству в конце декабря с должности старшего врача был снят доктор Ф. П. Андреади. Специалист он был опытный, еще в годы Балканской войны заведовал хирургическим лазаретом, а

¹⁷⁵ Член Государственного совета Александр Иванович Гучков приезжал в Трапезунд в начале декабря в качестве представителя Красного Креста. – *Авт.*

¹⁷⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–13 об.

в нынешнюю – состоял старшим врачом передового санитарного отряда на Юго-Западном фронте. Однако на новом месте Андреади оказался «невнимательным к лазарету» и, будучи по происхождению греком, «преследовал национальные интересы» – почти все время занимался амбулаторным приемом соотечественников. Некоторых он поместил в лазарет, предоставляя все необходимые средства, а некоторых содержал на лазаретный счет. Так, в конце октября недалеко от лазарета обосновалась группа беженцев-греков (58 человек), которых старший врач распорядился поставить на довольствие лазарета, пока трапезундские власти не примут мер к обеспечению их питания¹⁷⁷. Кроме того, ведя частную практику в городе, Андреади выписывал в большом количестве медикаменты из лазаретной аптеки, на что не имел никакого права. Новая женщина-врач К. М. Хацревина¹⁷⁸ докладывала об этом даже районному уполномоченному Красного Креста. А Морозов, в частности, сообщал в Петроград: «Доктор Андреади не позаботился даже устройством бани для больных – развел всюду грязь...»¹⁷⁹

В должность старшего врача снова временно вступил А. Ткаченко.

Кроме удаления Ф. П. Андреади Морозову «для пользы дела» пришлось отчислить из лазарета под предлогом сокращения штатов еще трех сестер.

В конце декабря главноуполномоченный Л. В. Голубев вызвал Морозова в Тифлис. Во время встречи обсуждался вопрос о старшем враче и о передвижении лазарета по приморскому направлению за селение Эллеу. Однако, хотя нужда в лечебных заведениях в этом районе ощущалась крайне остро, проблема была в том, что из-за отсутствия дорог туда чрезвычайно трудно было добраться. Ничего

¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 175.

¹⁷⁸ Хацревина Крейна Мовшевна – врач, 13 июля 1916 г. прикомандирована к Серафимовскому лазарету (на службе состояла с 21 июня 1916).

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 61.

утешительного Морозов не услышал и относительно старшего врача для Серафимовского лазарета. Ни главноуполномоченный, ни присутствовавший во время встречи заведующий медицинской частью профессор В. Ф. Чиж не смогли предложить со своей стороны ни одной кандидатуры. Они просили, чтобы комитет Красного Креста духовно-учебных заведений сам подыскал подходящего специалиста.

Нужно сказать, что в военных лечебных заведениях к тому времени сложилась довольно странная ситуация. Разделялись они на две отличные друг от друга категории: первая – казенные, военного ведомства, и вторая – Красного Креста. В лечебных заведениях военного ведомства было много докторов и зауряд-врачей, однако во всем остальном наблюдались полное убожество и нищета. Медикаменты практически отсутствовали: не было ни хины, ни самых простых лекарств, даже касторки – главнейшей опоры солдатской медицины. Хирургические инструменты оставались такими старомодными, что молодые врачи порой не знали даже, как ими работать. В Красном Кресте же, напротив, всего имелось в изобилии, все было поставлено на широкую ногу, но... не было докторов.

Морозов, однако, прекрасно зная ситуацию, уже имел на примете двух специалистов, о которых сообщил главноуполномоченному. Первой кандидатурой был доктор Смиттен – хирург, профессор Харьковского университета, работавший в перевязочном отряде 5-й Туркестанской стрелковой дивизии. С ним Морозов познакомился случайно, и в разговоре выяснилось, что Смиттен тяготится бездельем в отряде и с удовольствием перевелся бы в Серафимовский лазарет. Но, как военный, он не мог самовольно перейти в Красный Крест, без соответствующего за него ходатайства. Второй кандидатурой был доктор Евгений Александрович Флеров – старый, опытный хирург с 25-летним стажем, работавший до войны земским врачом в Московской губернии. Кроме того, он отлично знал Серафимовский лазарет и даже

некоторое время работал в нем летом 1915 года, когда корпусный врач отстранил от должности В. А. Белиловского. В то время Е. А. Флеров заведовал дивизионным лазаретом, стоявшим по соседству в Коссорах. Голубев, естественно, обрадовался предложенным кандидатурам. Обоих врачей он знал «как честных и хороших работников» и ручался, что, если кто-либо из них возглавит лазарет, то работа в нем будет действительно продуктивной. Но для этого требовалось, чтобы комитет Красного Креста духовно-учебных заведений испросил разрешение на их перевод у главного инспектора военно-медицинского управления А. Я. Евдокимова. Получив, таким образом, одобрение главноуполномоченного, Ф. М. Морозов немедленно послал в Петроград телеграмму о возбуждении необходимого ходатайства¹⁸⁰.

Вместе с тем он просил комитет прислать в лазарет сибирское масло, украинское соленое сало, консервированные щи, борщ и пр., так как ни в интендантстве, ни на складах Красного Креста названных продуктов уже невозможно было приобрести. Не имелось на складах и многих медикаментов, которые также нужно было выписывать из Петрограда. Кроме того, Морозов вновь просил прислать дешевые издания русских писателей, а также «дарственное» белье, нитяные носки, восковые свечи, венчики и молитвы для усопших.

Следует отметить, что обеспечение Кавказской армии в это время было действительно скверным, если не сказать – ужасным. Склады пустовали: не имелось ни фуража, ни провианта, ни медикаментов, ни горючего. Пополнялись они крайне редко и плохо. Такое положение дел катастрофически отражалось на состоянии армии. Оказавшись в чужой далекой стране, солдаты бессмысленно гибли от истощения и болезней – эпидемии буквально косили войска.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 61–62.

Кавказская армия казалась брошенной и забытой всеми... Среди офицеров бытовало мнение, что причиной тому стало нерасположение императора Николая II к великому князю Николаю Николаевичу, отстраненному в августе 1915 года от должности Верховного главнокомандующего и назначенному наместником на Кавказ и главнокомандующим Кавказской армией. Но проблема была не в этом. Подорванная и истощенная войной экономика уже не могла обеспечивать нужды армии. Страна стояла на пороге хозяйственной катастрофы.

Во время встречи с Л. В. Голубевым Ф. М. Морозов поделился также задумкой о введении в лазарете обучения грамоте выздоравливающих солдат, на что получил одобрение. В связи с этим он просил комитет прислать в лазарет сестер – учительниц или выпускниц гимназии, которые могли бы вести занятия с больными, а также назначить строгую старшую сестру «с рекомендацией». Незадолго до этого он писал профессору С. Ф. Платонову, как директору Женского педагогического института, о необходимости командировать в лазарет «педагогичек, заниматься обучением солдат в качестве ли сестер милосердия или специально учить»¹⁸¹.

Вместе с тем Морозов ходатайствовал перед комитетом о денежном пособии работникам лазарета, перенесшим в разное время тяжелые инфекционные заболевания, и семьям умерших. Просить об этом он считал своим нравственным долгом, находя, что пособие доставит пострадавшим не только материальное, но и моральное удовлетворение¹⁸². Список таких лиц составил 27 человек. Себя внести в него Морозов постеснялся. Ходатайство его не осталось без внимания – комитет выплатил всем указанным лицам и семьям умерших единовременные пособия¹⁸³.

¹⁸¹ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 7.

¹⁸² РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 56–59.

¹⁸³ Там же. Л. 90.

В первых числах января 1917-го Ф. М. Морозов получил вторую серебряную медаль на Станиславской ленте¹⁸⁴.

Еще в декабре 1916 года в Серафимовском лазарете началась подготовка к открытию специального отделения для больных врачей и сестер милосердия, крайняя необходимость в котором остро ощущалась среди лечебных заведений Трапезунда. 13 января отделение открылось, и в тот же день поступила первая больная сыпным тифом сестра. Но 16 января от коменданта укрепрайона генерала А. В. Шварца неожиданно пришла телеграмма, предписывающая лазарету «немедленно очистить помещения и перейти в Платану». За несколько дней до этого Л. В. Голубев предупредил А. Ткаченко о желании военного начальства перевести туда лазарет, но при условии предоставления отремонтированных помещений и транспортных средств для переезда. Голубев, видимо, тогда еще не знал, почему местные власти решили убрать Серафимовский лазарет из Соук-су. На самом деле кое-кому просто понадобились дачи... И затеял всю эту историю новый начальник штаба укрепрайона полковник Евгений Густавович Гриневич, всего за месяц пребывания в городе снискавший репутацию самодура и человека недалекого. Между тем он был давним приятелем Шварца, и именно благодаря хлопотам генерала стал начальником его штаба. Гриневич пожелал обзавестись дачей в Соук-су рядом с шефом, а так как лучшую и ближайшую к шварцевской даче занимал Серафимовский лазарет, то полковник ничтоже сумняся решил забрать ее себе. Делу, впрочем, попытались придать обоснованный вид, для чего через врача укрепрайона заявили о надобности лазарета в Платане. На самом же деле там совершенно не было нужды в новом лечебном заведении, так как в городке уже функционировал лазарет Союза городов на 50 мест, могущий при необходимости развернуться на 100. Кроме того,

¹⁸⁴ Приказ главнокомандующего Кавказской армией от 4 января 1917 г. № 11.

он почти пустовал, так как доставка людей в него была крайне затруднительна. Больные, прибывавшие с южного направления, чтобы попасть из Трапезунда в Платану, вынуждены были трястись лишние 12 верст, а с приморского направления туда вообще никого не доставляли наземным путем из-за плохого состояния дорог. Однако это никого не волновало – понадобились дачи.

Так как после выезда Серафимовского лазарета освобождалось несколько зданий, то, пользуясь случаем, их решили занять два других «приближенных» Шварца – начальник округа подполковник Николай Михайлович Дынга и городской голова Кефели. С первого же дня, как только поступило распоряжение лазарету «очистить помещения», эти господа стали наведываться в Соук-су, открыто заявляя, что лазарет выселяют, так как понадобились дачи начальству и им лично.

И Гриневич, и Дынга, и Кефели – один другого стоили. Подполковник Дынга, перед тем как был назначен начальником округа, возглавлял трапезундское жандармское управление. Он, по мнению сталкивавшихся с ним людей, страдал шпиономанией, был человеком подозрительным и несколько странным. В окружные начальники Дынга, как полагали, пробился, интригами и заискиванием перед Шварцем. Караим Кефели – по образованию врач – был поставлен городским головой в середине ноября 1916 года исключительно по настоянию Шварца. При этом он никогда ранее не занимал никаких административных должностей, да к тому же совершенно не знал города, так как приехал в Трапезунд из Карса. Местные греки терпеть не могли Кефели и страшно негодовали по поводу его назначения, не только потому, что он был человек пришлый, но и потому, что был еврей¹⁸⁵. Трапезундский митрополит-грек Хрисанф

¹⁸⁵ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 179.

(Филиппидис) пытался препятствовать его «силовому» назначению, но не сумел.

За несколько дней до появления приказа о выселении Серафимовского лазарета из Соук-су Кефели уже успел «отличиться» в городе. Подыскивая себе как городской голова лучшее помещение, он заявился в дом, занимаемый сестрами хирургического госпиталя Красного Креста. Кефели бесцеремонно обходил комнаты вместе с супругой, которая при сопровождавшей их старшей сестре Н. Э. Успенской¹⁸⁶, громко заявляла: «Здесь будет наша спальня, здесь столовая и т.п.»

– Как это ваша спальня? – удивленно спросила Надежда Эрастовна.

– Да, – ответил Кефели, – этот дом я возьму себе, он очень удобен для меня.

– Но он также удобен и для нас! – возразила Успенская.

Произошел неприятный разговор, и Надежда Эрастовна наотрез отказалась исполнить требование Кефели о выселении. Только после вмешательства уполномоченного Красного Креста района Анатолийского побережья и Трапезундского направления Ильменского Кефели отказался от своих притязаний. Такое поведение нового городского головы выглядело крайне возмутительно, с учетом еще и того, что дом сестер был восстановлен из развалин на средства Красного Креста¹⁸⁷.

Самым печальным в истории с перемещением Серафимовского лазарета в Платану было то, что его выдворяли, совершенно не задумываясь о пользе общего дела. В то время, когда в России кто-то, жертвуя личным комфортом, уступал помещения для ухода за ранеными воинами, здесь, напротив – у лечебного заведения отбирали помещения

¹⁸⁶ Надежда Эрастовна Успенская была женой академика Федора Ивановича Успенского и приехала в Трапезунд вместе с мужем в начале лета 1916 г.

¹⁸⁷ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 224–225.

для собственного пользования. И это уже было знамением времени...

Как только А. Ткаченко получил приказ свернуть Серафимовский лазарет, он немедленно уведомил об этом Ильменского. Тот, в свою очередь, телеграфируя о происходящем Л. В. Голубеву, сообщал: «В помещении белого дома Серафимовского лазарета открыт лазарет для персонала Креста и для сестер, а потому прошу срочно и настойчиво телеграфировать генералу Шварцу, чтобы лазарет сестер никуда не переводить. Лично видел, лазарет хорошо оборудован и будет служить украшением Красного Креста. Сегодня отправил в лазарет Джинчвеладзе, температура высокая. Имею сведения, что освобождением помещений заинтересованы лица для своих личных удобств. Для дела прошу твердого решения, иначе лазарет придется перевести в плохое помещение и лучше тогда совсем отказаться от лазарета для персонала»¹⁸⁸.

Между тем приказ коменданта укрепрайона нужно было исполнить. Полагая, что новое место для лазарета подготовлено, Ткаченко с Морозовым 18 января отправились в Платану осмотреть отведенные для него помещения. Комендант города штабс-капитан Васильев показал три небольших здания, на которые ему «издали» указал начальник округа подполковник Дынга. Но строения как минимум нуждались в месячном ремонте и, кроме того, не имели удобного подъезда для подвоза больных. Ремонт, обещанный штабом, даже не начинался. Было очевидно, что здания эти совершенно не годились для размещения лазарета, и Ткаченко с Морозовым решили поискать в городе другие помещения. Наиболее подходящим оказалось здание американского табачного склада. На следующий день они отправились к главному врачу укрепрайона Владимирову и доложили, что помещения, предложенные подполковником Дынгой,

¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 222.

непригодны, но есть более подходящее здание – бывший табачный склад, в трех этажах которого можно развернуть лазарет полностью на 200 коек, и просили, если возможно, уступить его. Владимиров сказал, что не может самостоятельно решить этот вопрос, и порекомендовал обратиться непосредственно к генералу Шварцу. При встрече тот, категорически указав на необходимость перейти в Платану не позже трех-четырех дней, пообещал, что здание склада за это время будет подготовлено для «удобного размещения лазарета». Больных, находившихся в лазарете, он приказал перевести в другие лечебные заведения Трапезунда. Но когда у него спросили, что делать с отделением для больных врачей и сестер, генерал был весьма удивлен его существованием. Подумав недолго, он предложил перевести сыпнотифозных сестер в другое место, а отделение свернуть. В тот же день Ткаченко сообщил телеграммой коменданту Платаны о необходимости освободить намеченное для лазарета здание склада. Кроме того, он телеграфировал о положении дел Л. В. Голубеву, который в свою очередь обратился к генералу Шварцу с просьбой временно оставить лазарет в Соук-су и перевести его в Платану лишь после оборудования нового места.

Пока Ткаченко и Морозов отсутствовали, в расположении лазарета произошел крайне неприятный инцидент. Вечером 20 января врач Н. Я. Фрейман, возвращаясь из канцелярии, встретила у ворот лазарета автомобиль с двумя пьяными офицерами и двумя греками. Вокруг стояла толпа санитаров и больных. Один из офицеров, капитан Толмачев, стоя на автомобиле, отпускал в адрес сестер милосердия площадную брань, выкрикивая: «Я этих сестер вышвырну в 24 часа, этот дом мой, квартира моя, я имею право, вышибу их, вот увидите». Не обращая внимания на то, что к автомобилю подошла женщина-врач, Толмачев продолжал, размахивая руками, ругаться. Видя, что компания изрядно пьяна, Фрейман поспешила уйти. Подойдя к дому,

она обнаружила на дверях приклеенный лист бумаги, на котором от руки крупными буквами было написано: «Эта квартира дача сдана районному Интенданту капитану Толмачеву с 25 января»¹⁸⁹.

Сестры потом рассказывали, что офицеры предлагали им прокатиться на автомобиле в город. А когда они, естественно, отказались, обозвали их при всех «развратницами». Событие это оставило у персонала очень неприятный осадок.

Ткаченко и Морозов были возмущены. Посоветовавшись, они решили не сворачивать лазарет до тех пор, пока помещения для него действительно не будут готовы. Тем более что недавний опыт побуждал к такой предусмотрительности. Опасения оказались небезосновательными. По прошествии четырех дней сообщения от коменданта Платаны о подготовке зданий не последовало, хотя Ткаченко просил об этом. Тогда он уведомил коменданта, что лазарет остается пока в Соук-су. Когда же, наконец, поступило известие о том, что помещения готовы, Ткаченко с Морозовым вновь выехали в Платану. Но каково же было их удивление, когда оказалось, что никакого ремонта здания не производилось, а из трех этажей для лазарета освободили лишь средний и половину нижнего. Ничего не оставалось, как самим заказать в районной строительной конторе ремонт и переоборудование помещений с расчетом на 80–100 коек, вместо желаемых 200. Об окончании ремонта Ткаченко просил уведомить заблаговременно, чтобы можно было подготовиться к переезду. Однако еще большее недоумение вызвала телеграмма, полученная в тот же день от врача крепости, извещавшая, что помещения готовы и необходимо принять меры к переезду в пятидневный срок. В ответ Ткаченко сообщил, что помещения им осмотрены и просил ускорить ремонт.

Лазарет продолжал функционировать по-прежнему. На 30 января в нем числилось больных и раненых 107 нижних

¹⁸⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 238.

чинов и один офицер. В отделении для сестер милосердия находились пятеро больных: Елена Лапшина с оспой, Жигулева, Князева, Шахова с сыпным тифом и Фловицкая – на исследовании¹⁹⁰. Между тем поздним вечером 1 февраля пришло предписание главного врача 158-го эвакуационного пункта, сославшегося на распоряжение генерала Шварца, немедленно перевести находившихся в лазарете 105 человек в другие лечебные заведения Трапезунда, а лазарету 2 февраля перейти в Платану. Об отделении для сестер ничего не говорилось. На этот раз приказу пришлось подчиниться. Для его выполнения Ткаченко попросил у штаба автомобиль, который немедленно предоставили, и к четырем часам следующего дня больных вывезли из лазарета. В тот же день он съездил в Платану, предполагая, что здание более-менее подготовлено, но оказалось, что ремонт только начинался – работали всего три человека. Таким образом, переехать в указанный срок по объективным причинам не представлялось возможным. Чтобы разъяснить положение дел, Ткаченко написал генералу Шварцу «исчерпывающую докладную». Имея уведомление от строительной конторы о приблизительных сроках ремонта, он просил генерала предоставить перевозочные средства не ранее 12 февраля. В тот же день Ф. М. Морозов уехал в Тифлис, чтобы там искать помощи в сложившейся ситуации и по возможности добиться отмены приказа о переводе лазарета.

В дело снова пытался вмешаться местный уполномоченный Креста Ильменский, но малоуспешно. Он послал в Тифлис несколько телеграмм, прося защиты, однако все они были задержаны в Трапезунде «клеветом Шварца» – командиром роты связистов Н. А. Мелек-Парсадановым. Тогда Ильменскому пришлось посылать шифрованную депешу¹⁹¹.

Наиболее эффективными в сложившейся ситуации оказались хлопоты Ф. М. Морозова. В Тифлисе он встретился с

¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 230.

¹⁹¹ *Мицлов С. Р.* Трапезундская эпопея... – С. 222.

Экзархом Грузии архиепископом Платоном (Рождественским), которому рассказал о положении лазарета – причинах его перевода, о том, что военные власти буквально вышвыривают лечебное заведение из Соук-су, не предоставляя взамен подходящих помещений, и, наконец, о том, какие унижения пришлось претерпеть персоналу от пьяных офицеров. Морозов подчеркивал, что в случае перевода лазарета в Платану, он, как излишний там, будет бездействовать, а средства, жертвуемые на его содержание – пропадать втуне. А, кроме того, переоборудование лазарета в госпиталь, как планировал комитет Красного Креста духовно-учебных заведений, станет совершенно бессмысленным. Морозов просил владыку употребить свое влияние и связи, чтобы приостановить приказ генерала Шварца, а лазарет направить туда, где в нем действительно будет необходимость. Экзарх незамедлительно обратился за помощью к командующему Кавказской армией генералу Н. Н. Юденичу, с которым был в очень хороших отношениях, и в тот же день командующий распорядился отменить приказ Шварца. Уже 2 февраля командир 5-го Кавказского корпуса генерал-лейтенант В. А. Яблочкин направил на имя состоявшего при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части генерала Е. И. Бернова телеграмму: «В силу совершенно частных соображений Серафимовский лазарет передвигают из Трапезунда в Платану. Предназначенное помещение табачного склада без значительного ремонта совершенно неудовлетворительно. Серафимовский лазарет весной будет необходим корпусу для обслуживания приморского направления. Ходатайствую об оставлении Серафимовского лазарета до апреля в Трапезунде, а затем передвижении в Эллеу. Пока подготовим для него там помещение»¹⁹². Яблочкину лазарет был нужен для обслуживания одной из дивизий, «как приспособленный для борьбы с тифом».

¹⁹² РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 192–192 об.

В свою очередь к начальнику Санитарной части Кавказской армии обратился и Л. В. Голубев с просьбой оставить лазарет в Соук-су до весны, когда установятся дороги и его смогут отправить в Эллеу. В то же время главноуполномоченный отправил телеграмму генералу Шварцу, чтобы тот дал согласие на перевод Серафимовского лазарета в Эллеу, «где он как хирургически оборудованный может принести большую пользу и что отвечает желанию Комитета духовно-учебных заведений, на пожертвования которых он содержится»¹⁹³. Шварц, естественно, теперь не мог отказать в этом, но просил перевести лазарет как можно скорее. Он был крайне недоволен отменой своего приказа о переводе лазарета из Соук-су, но в еще большее негодование пришел, когда узнал, что причиной новых распоряжений стало ходатайство архиепископа Платона. Заместитель Л. В. Голубева граф Тышкевич писал своему шефу, что генерал Шварц «перенес весь свой центр тяжести на Экзарха». Бессильный, однако, что-либо изменить, генерал решил выместить досаду на руководстве Серафимовского лазарета. 6 февраля он отдал приказ об аресте Ткаченко на семь суток с содержанием на гауптвахте. Мотивация была такова: тот обратился с запиской непосредственно к нему, нарушив субординацию, а главное – якобы позволил себе выражения, недопустимые по отношению к начальнику. На самом деле, докладная была написана совершенно корректно. Поводом же к обвинению, видимо, послужили слова: «Ко всему присоединяю, что двух сыпнотифозных сестер перевезти из лазарета без опасности для жизни невозможно ввиду тяжелого состояния их. Если будет приказано Вашим Превосходительством их эвакуировать немедленно, то я, как врач, снимаю с себя ответственность за дальнейший ход их болезни»¹⁹⁴.

Отправляясь на гауптвахту, Ткаченко передал исполнение обязанностей женщине-врачу Фрейман, поскольку

¹⁹³ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 197.

¹⁹⁴ Там же. Л. 234–234 об.

Хацревина болела. Когда он вернулся в Соук-су, лазарет снова жил обычной жизнью, хотя и находился в полусвернутом состоянии, ожидая скорой отправки. Больных, впрочем, поступало немного. Связано это было не только с общим позиционным затишьем на Кавказском фронте, но и с отсутствием у лазарета перевозочных средств, которые у него отобрали еще раньше.

Перед отъездом Ф. М. Морозова из Тифлиса архиепископ Платон обещал Серафимовскому лазарету свое неизменное покровительство. Экзарх уверял, что, если кто-нибудь сделает «обидное для лазарета», он непременно доложит об этом наместнику Кавказа Великому князю Николаю Николаевичу. Поддержка владыки действительно вскоре понадобилась.

В лазарете все еще нерешенной оставалась проблема старшего врача, в лице которого хотели видеть авторитетного и опытного специалиста. Студент Ткаченко, вынужденно занимавший эту должность, тяготился ей, особенно после последних событий. Главный военно-санитарный инспектор А. Я. Евдокимов еще в начале февраля отказался назначать в лазарет Смиттена или Флерова, сославшись на «значительный некомплект врачей, как в действующей армии, так и внутри империи». Тогда Ф. М. Морозов вновь обратился за помощью к Экзарху, который опять-таки благодаря личным связям сумел добиться назначения Е. А. Флерова.

К сожалению, появление опытного хирурга не изменило ситуацию в лазарете, и он по-прежнему почти бездействовал. Так, например, с 20 февраля по 20 марта – за месяц – больных поступило всего 87 человек, в то время как другие лечебные заведения Трапезунда были полны. Из-за плохой дороги и отсутствия транспортных средств больных из эвакуационного пункта направляли в Серафимовский лазарет пешком и то лишь тех, кто сам мог дойти. В основном, это были больные цингой или хроническими заболеваниями – туберкулезом, анемией, малярией и т.п. Таким образом, в

приспособленный для хирургических больных лазарет таковые больные просто-напросто не поступали¹⁹⁵.

На неоднократные обращения в управление Красного Креста и в управление районного уполномоченного дать лазарету работу слышались одни обещания, но ничего не менялось. Как выяснилось «по наведенным справкам», в Эллеу, куда намечали перевести лазарет, уже работало несколько лечебных заведений, поэтому подобные обещания выглядели довольно сомнительно. Тогда у руководства лазарета окончательно утвердилась мысль о необходимости перевода на другой фронт, Румынский, куда легко можно было переправиться морским путем через Одессу¹⁹⁶.

Несмотря на проблемы, возникавшие вокруг лазарета и требовавшие от Ф. М. Морозова большого внимания и сил, он, тем не менее, находил время для работы с древними памятниками – при всякой возможности возобновлял их поиски, фотографировал, описывал. Археологической разведкой Морозов занимался не только в Трапезунде и окрестностях, но в более отдаленных местах. Впрочем, поездки осуществлять было непросто, так как лазарет требовал много сил и внимания. Особенно много хлопот доставляли вопросы обеспечения продовольствием и медикаментами. «Я должен выкраивать все свободное время, – делился он с профессором Н. И. Веселовским, – а его очень мало – все сильно отвлекает, от близкого сердцу дела охраны и описания памятников церковной старины»¹⁹⁷.

В это время Морозов снова напомнил Веселовскому о важности учреждения в Трапезунде музея и привлечения греков, «дабы узнать от них многое для пользы истории собранных памятников». В этом направлении он уже активно работал. Морозову удалось организовать местный

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 99.

¹⁹⁶ Там же. Л. 99 об.

¹⁹⁷ Институт истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН). Ф. 18. Д. 351. Л. 1–2 об.

Комитет по охране древних памятников, в который вошли образованные и богатые греки, а также русские офицеры, интересующиеся стариной.

Такая организация оказалась весьма своевременной. После Февральской революции резко изменилась психология солдатской массы. По отношению к начальству солдаты вели себя вызывающе, не желали подчиняться и оказывать должного уважения, отказывались выполнять приказы. Авторитет командования заметно упал, и ему приходилось смотреть на многие вещи сквозь пальцы. В результате все меньше и меньше становилось во всем порядка. На этом фоне произошли перемены в составе военной администрации Трапезунда. В первой половине марта занявший при Временном правительстве должность военного и морского министра А. И. Гучков приказал перевести генерала А. В. Шварца в Петроград начальником Главного военно-технического управления, куда тот забрал большинство своих «любимцев». Любопытно, что на следующий день после отъезда Шварца в Трапезунде произошел бунт. Город заполнили толпы разъяренных солдат, несколько офицеров было избито, у других оборваны погоны. Толпа искала Шварца, Мелек-Парсаданова и других с криками, что они воры, растратчики 200 миллионов казенных денег. Если бы солдатам попались те, кого они искали, расправа была бы зверской. Оставшееся в Трапезунде начальство растерялось и безмолвствовало. Узнав, что тех, с кем хотели расправиться, нет в городе, солдаты потребовали, чтобы военному министру отправили телеграммы о смещении и отдаче под суд Шварца и Парсаданова. Трапезундский совет солдатских депутатов выполнил это требование. Парсаданова, например, обвиняли в грабеже турецкого имущества, в воровстве и пр. Остававшиеся в городе Дынга и полицмейстер по требованию Совета были арестованы, однако начальству удалось тайком отправить их в Батум. Греки, обозленные на полицмейстера за его постоянные запрещения и прижимы, потребовали

от его жены, бравшей вместо мужа взятки, возврата денег. «Толстая баба плакала и уверяла, что денег при ней уже нет, и что она вернет их, возвратившись в Россию»¹⁹⁸. По подсчетам греков, в кармане этой барыни уехало около 40 тысяч их денег.

Вместе с тем в Трапезунде усилилась революционная пропаганда, рупором которой, как ни странно, стал считавшийся официальным изданием штаба «Трапезондский военный листок». Если первоначально газета имела больше культурное направление, то теперь носила исключительно политический характер. В ней все чаще появлялись статьи против прежнего режима, военных начальников, духовенства. Происходило это, конечно же, не без ведома нового коменданта укрепрайона генерал-майора Д. П. Колосовского: либо с его согласия, либо с молчаливого попустительства.

И вот, в то время, когда русская военная власть начала терять в городе авторитет, стало возрастать значение власти местной – греческого митрополита. И ранее греки по всем важным вопросам обращались в первую очередь к владыке Хрисанфу, теперь же его авторитет для них стал безусловным. Многим было ясно, что русские здесь долго не продержатся и на смену им рано или поздно снова придут турки. А, следовательно, нужно теперь устраивать свою жизнь независимо от русских.

В создавшейся ситуации естественным было опереться в деле охраны памятников на местных жителей. Ф. М. Морозов это понял и сумел направить деятельность своих единомышленников в нужное русло. Организованный им Комитет по охране древних памятников теперь получил покровительство митрополита. Комитет готов был взять на себя устройство местного музея. Городская управа, после переговоров, согласилась даже ассигновать 13 000 рублей на изучение памятников и устройство музея. Однако чтобы

¹⁹⁸ Минцлов С. Р. Трапезондская эпопея... – С. 263–264.

поставить дело на твердую, так сказать, законную почву, требовалось официальное согласие Русского археологического общества. «Необходимо представительство русского, но не грека, – писал Морозов профессору Н. И. Веселовскому, – и чем скорее Вы отзоветесь на мое предложение, т.е. учреждение музея, тем благоприятнее для науки – раскроются монастырские библиотеки и мир узнает, быть может, многое»¹⁹⁹.

Это письмо Веселовскому Морозов отправил с уезжающей в Петроград сестрой милосердия Натальей Павловной Миролюбовой из лазарета Союза городов. Он также просил ее передать письмо секретарю комитета Красного Креста духовно-учебных заведений А. И. Оранскому и рассказать ему о нуждах Серафимовского лазарета.

Морозов писал Оранскому, что из-за неопределенных распоряжений Главного управления Красного Креста на Кавказе о перемещении Серафимовского лазарета на фронт лазарет работает в полусвернутом состоянии, принимая по 70 больных, хотя мог бы развернуться на 200 и даже 300 кроватей. Но на все обращения к главноуполномоченному только и слышалось в ответ, что лазарет скоро передвинут вглубь Турции, однако это «скоро» длилось уже слишком долго. Морозов сожалел, что даром пропадают силы и оборудование лазарета, который мог бы «принести громадную пользу в бою», если не на Кавказе, то на Румынском или другом фронтах. «Владыка Экзарх, я знаю, – писал он, – не хочет выпускать лазарет с Кавказа, но если ему Красный Крест не дает работы, то ничего не остается – выйти из его подчинения и как самостоятельный лазарет работать при дивизии»²⁰⁰. Архиепископ Платон действительно хотел, для престижа, чтобы на территории Экзархата работал лазарет

¹⁹⁹ ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 3.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 12 об.

духовного ведомства, считавшийся, по мнению специалистов, лучшим на всем Кавказском фронте²⁰¹.

Вместе с Н. П. Миролюбовой Морозов отправил открытку и дорогому профессору И. А. Шляпкину. Эта открытка любопытна тем, что в ней Морозов выражал личное отношение к происходившим в обществе переменам. Поздравляя профессора, в то время серьезно болевшего, с праздником Светлого Христова Воскресения, он писал: «Воскреснут Ваши силы, здоровье на благо свободной России». «Я болею за Св. Церковь, – продолжал Морозов, – пусть ее не втягивают в мирскую политику, а дадут свободу, отделят от правительства, довольно принуждать Церковь искажать Евангельское учение и проповедовать только с тем, что по духу правительству. Христос воскрес, и проповедь его учения пусть воскреснет со свободой народов; довольно распинать Христа»²⁰². Вот так четко и емко он выражал свое убеждение: Церковь страдает, будучи в зависимости от мирской власти, она несвободна, и более того – этим «распинается» Христос! Такой взгляд на церковную действительность, безусловно, сложился у Морозова под влиянием митрополита Антония (Вадковского). И теперь падение монархического строя воспринималось им, в первую очередь, как возможность освобождения Церкви, оздоровления ее внутренней жизни.

Уже через несколько дней Ф. М. Морозов и Е. А. Флеров снова писали А. И. Оранскому.

«Приветствую Вас с новым временным правительством и свободой!!! – начинал письмо доктор Флеров. – Но жаль, что свобода понята не в том виде, как о ней проповедуют; эгоизм, личное я народных масс, вмешивается в жизнь с невоспитанной демократией и делает вред правде свободы»²⁰³. Высказав негативное отношение по поводу выступлений и требований петроградских рабочих, он затем затронул

²⁰¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 79 об.

²⁰² ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 13.

²⁰³ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 6–6 об.

вопрос религиозной жизни Серафимовского лазарета. По его мнению, миссия лазарета в это время состояла не только в том, чтобы лечить, но и в том, чтобы идти на помощь духовно осиротевшим воинам в их религиозных запросах. «Вы представьте, – писал доктор, – солдаты, привыкшие дома ходить в храм Божий, слышать слово Божие, они здесь вовсе отрываются от церкви, ее здесь нет; кругом мечети... Наш лазарет единственный имеет церковь; приходят молиться солдаты, послушают безграмотного иеромонаха, который Евангелия читать не умеет, не услышав от него слова проповеди – походят-походят, да и отстают»²⁰⁴.

К сожалению, то о чем писал старший врач, было явлением не случайным, не единичным. Состав священнослужителей, окормлявших воинские части в годы Первой мировой войны, часто действительно был мало удовлетворительным. Современники отмечали крайне низкий не только богословский, но и общеобразовательный уровень военного духовенства. Если штатные полковые священники в общей массе еще как-то соответствовали необходимому уровню, и нередко встречались среди них пастыри весьма высоких качеств, то со священнослужителями, прибывавшими из епархий, дело обстояло иначе. С началом войны ряды военного духовенства пополнились епархиальными священниками, качественный состав которых практически не контролировался. Особенно печальное зрелище представляли присылаемые из монастырей в войска иеромонахи. Как правило, выходцы из крестьянской среды, они, по словам князя Н. Жевахова, отличались «от своих собратьев крестьян только тем, что вместо шапок носили клобуки, вместо свиток – рясы». Эти полуграмотные пастыри, нередко уступавшие в развитии простым солдатам, конечно же,

²⁰⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 6 об.–7 об.

не могли служить авторитетом для паствы и оказывать на нее положительное влияние²⁰⁵.

Неподготовленность многих священнослужителей к работе в военных условиях приводила к тому, что они часто сводили свою деятельность на фронте и в госпиталях лишь к требоисполнению: совершению молебнов, панихид и иногда литургий. Таким образом, в то время, когда воины особенно нуждались в профессиональной проповеди, достойных проповедников оказывалось очень мало. Особенно остро нужда в живом пастырском слове встала в 1917 году, когда после Февральского переворота в войсках усилилась революционная пропаганда. Но, к сожалению, ситуация так и не изменилась. По свидетельству генерала А. И. Деникина, голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось²⁰⁶.

«Теперь надо высоко поднять знамя Православия, – писал Флеров, – знамя Св. Церкви... Нам нужен священник; будет ли он иеромонах, но нужен с академическим образованием, человек, который бы мог собрать солдата и сказать ему слово Божие; назидать его в сомнениях жизни; толковать жизнь во Христе. Был у нас о. Иннокентий, умел говорить проповеди – вот пришлите опять студента-монаха, пусть он здесь послужит ближним; прольет свет истин Христовых в жаждущую этого света душу христианина. Солдат, огрубевший в окопах от походной жизни, услышав истину Христову, как от солнца растает и так будет в церкви, волки иной церкви не похитят его... Работы истинному проповеднику Слова Христова много здесь»²⁰⁷.

Как видно, доктор Е. А. Флеров невысоко оценивал деятельность и способности иеромонаха Филарета. Его мнение целиком разделял и Ф. М. Морозов. Впрочем, они

²⁰⁵ Кострюков А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. – 2005. – № 2 (13). – С. 146.

²⁰⁶ Там же. – С. 153.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 7–7 об.

относились к отцу Филарету терпимо, чего тот, к сожалению, не понимал. В феврале 1917 года протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский переслал архиепископу Сергию (Страгородскому) выписку из рапорта, поданного иеромонахом Филаретом трапезундскому благочинному священнику Александру Климентовскому. В рапорте отец Филарет, в частности, писал, что повсюду понемногу заводятся библиотеки, почти во всех госпиталях имеются походные храмы, но сожалел, что «не во всех госпиталях медицинский персонал одинаково сочувственно относится к религиозным нуждам воинов». И в качестве примера приводил свой Серафимовский лазарет. Подчеркнув, что лазарет содержится на средства духовно-учебных заведений, он указывал, что «среди персонала есть евреи, да и сами русские почти враждебно относятся к заботам батюшки о благолепии богослужения, называя все это “ерундой” и отнимая у него церковника-санитара, иногда после начала службы, и посылая его на почту или за молоком»²⁰⁸. Однако из сохранившихся в фонде комитета Красного Креста духовно-учебных заведений документов не видно, чтобы иеромонах Филарет проявлял какую-либо заботу «о благолепии богослужения». Сохранились лишь его рапорты, в которых он хлопочет о своих гонорарах, не более. Всеми вопросами всегда занимался Ф. М. Морозов, искренне болевший душой за дело и престиж лазарета духовного ведомства. Узнало ли о рапорте руководство лазарета, неизвестно, тем не менее, отношение к его автору уже сложилось определенное.

В дополнение к письму старшего врача Ф. М. Морозов продолжал настойчиво просить о переводе лазарета. По его мнению, в случае затруднения переброски в Румынию, лазарет можно было бы почти беспрепятственно перевести с правого фланга Кавказской армии на левый – в Месопотамию, придав русской или английской армии.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 88.

Умоляя комитет дать лазарету возможность работать «всей полнотой силы и знания хирургии», он писал: «Жаль, что такое богатство средств и сил теряется в тыловой, мало полезной жизни лазарета в Трапезунде. Скажете, что сами просились в Трапезунд – да, мы просились, когда там ощущалась надобность, но нас поставили туда очень поздно; мы все, я говорю от лица всего лазарета, хотим заботы, а я лично желаю оправдать Ваше доверие ко мне, как уполномоченный Комитета, которому поручили наблюдение за деятельностью лазарета; о моей работе может подтвердить и врач, и Владыка Экзарх. Постоянно стремление вперед – желание работать. Тыл в настоящее время тяжелым ярмом ложится на лазарет. Вот уже год как обещают перевести лазарет в Эллеу, но в Эллеу, как сообщил уполномоченный Всероссийского Земского Союза, вполне достаточно лазаретов; там на одну дивизию – 4 лазарета и наш будет пятым; был в Фоле лазарет Всероссийского Земского Союза; отсутствие больных, лишняя трата вынудила их закрыть лазарет и уйти с приморского направления»²⁰⁹.

Действительно, обстоятельства на этом участке фронта складывались таким образом, что никаких операций не предвиделось, поэтому передвигаться куда-либо уже не имело смысла. Иначе дело обстояло в Месопотамии, где соперничество между союзниками подвигало их к активным действиям. Вместе с тем 2-й Туркестанский корпус, в расположении которого работал Серафимовский лазарет, из-за крайней нужды в продовольствии переживал в это время настоящий голод. О боях никто не думал, и части уходили на кормежку. Лечебных же заведений в корпусе хватало, нужны были лишь перевязочные средства и продукты. Прося о переводе, Морозов подчеркивал, что Серафимовский лазарет, имея опыт позиционной жизни, мог бы раскинуть палатки где угодно. «Конечно, и там где нас поставят, мы

²⁰⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 8 об.–9 об.

будем работать, но желательна работа в подаче первой и важной для спасения раненого воина, т.е. на позиции, надо пользоваться тем, что имеем прекрасного хирурга и лазарет создаст себе достойное имя», – писал он²¹⁰.

Морозов так же, как и Е. А. Флеров, выражал надежду, что комитет пришлет в распоряжение лазарета священника-проповедника. Кроме того, он напоминал о наградных деньгах: «Мне совестно пред санитарями за Вас; обещали наградные еще к Рождеству; присылали несколько телеграмм, а денег все нет и нет, что это значит?» «Я пишу это письмо, лежа в постели; вот уже 6-й день – поймал малярию – трясет невыносимо; чем только я не переболел в этой проклятой стране. Просился у Вас в Румынию, во Францию, Месопотамию и в результате, дальше того, где сижу – никуда»²¹¹.

Вместе с тем Морозов выражал опасения по поводу слухов о том, что Красный Крест может слиться с Земским и Городским союзами. «В Земстве то еще ничего, – писал он, – но в Городском союзе полный беспорядок – воровство..., пусть мы останемся самостоятельной единицей; общий склад пусть снабжает нас лишь медикаментами и продуктами. Пришлите на помощь студента Панасюка²¹², Егорова²¹³ или кого знаете; бывает, что надо командировать за покупками, а некого; самому выехать нельзя... У нас все новые сестры, нет даже монахинь; будете присылать наградные или добавочные к жалованию, укажите кому их давать, прежним ли сестрам, уволенным за неподчинение дисциплине и дурное поведение (мне кажется им не следует давать) или новым; но новые так еще мало работают,

²¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 9 об.

²¹¹ Там же. Л. 10.

²¹² **Панасюк Владимир Антонович** – выпускник Холмской семинарии, в 1913–1917 гг. – студент Петроградской духовной академии. С 1914 г. вместе с Ф. М. Морозовым работал в качестве санитаря в 1-м Серафимовском лазарете в Минске. – *Г. Ш.*

²¹³ Имелся в виду иеромонах Гурий (Вячеслав Михайлович Егоров) – студент Петроградской духовной академии (1912–1917 гг.) – сокурсник В. А. Панасюка и товарищ Ф. М. Морозова по 1-му Серафимовскому лазарету. – *Г. Ш.*

что достаточна им лишь добавка к жалованию, а только к следующему празднику – наградные. Врач Хацревина, как и сообщал, уволена, она недостойна получения наградных денег. Пусть эти деньги пойдут на лишнюю кровать, на приобретение лазарету нужных медикаментов, чем давать их тем, кто не заслужил»²¹⁴. Врача К. М. Хацревину Морозов уволил «по ходатайству коллег и врачей» еще в марте и с ней еще четырех сестер. Монахинь он также «для пользы дела» попросил перейти в другой лазарет²¹⁵.

«Вот мое краткое послание, – заканчивал Морозов, – не браните за него, а помогите делу; мне жаль понапрасну тратить деньги учителей, а жить и работать для того, чтобы лишь бы делать что-нибудь, мало утешает, я знаю о нужде позиций, знаю, что там мы нужны, но не там, куда нас ставят... Храни Вас Господь. Ваш Ф. Морозов»²¹⁶.

На основании присланных сообщений комитет сделал соответствующий запрос в Главное управление Красного Креста, высказав пожелание о переводе Серафимовского лазарета на Месопотамский театр действий²¹⁷. Но к этому времени переводить туда лазарет становилось бессмысленным. Активные боевые действия на левом фланге Кавказской армии начались в январе 1917 года, когда главнокомандующий генерал Н. Н. Юденич организовал наступление на Месопотамию. Активизация русских вынудила турецкое командование перебросить часть войск на этот участок фронта, ослабив оборону Багдада, который вскоре заняли англичане. Русское наступление продолжалось до весны, однако трудности со снабжением войск, падение дисциплины под воздействием революционной агитации и рост заболеваемости малярией заставили Юденича прекратить Месопотамскую операцию и отвести войска в горные районы.

²¹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 10 об.–11.

²¹⁵ Там же. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 85.

²¹⁶ Там же. Оп. 16. Д. 636. Л. 11 об.

²¹⁷ Там же. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 100–102.

Таким образом, надеждам Ф. М. Морозова на скорый перевод лазарета в зону боевых действий опять не суждено было сбыться. Между тем на его письма откликнулся Н. И. Веселовский: 8 апреля на заседании Русского археологического общества профессор сделал доклад об энергичной деятельности Морозова по охране памятников Трапезунда. Он сообщал, что в городе образован Комитет по охране древних памятников, который готов сотрудничать с Археологическим обществом. В результате было постановлено: выразить Ф. М. Морозову благодарность за его труды по охране памятников Трапезунда и просить продолжать работы совместно с трапезундским Комитетом в качестве представителя Русского археологического общества. «Посему, – говорилось в заключение протокола заседания, – предложить в ближайшем же общем собрании избрать Ф. М. Морозова в члены-сотрудники Общества»²¹⁸.

Пока в Серафимовском лазарете ожидали известий из Петрограда, работа в нем с начала апреля стала стремительно нарастать – число больных доходило до 300 в сутки. Это было связано с тем, что по открывшимся от снега горным дорогам командование начало массовую эвакуацию больных с позиций. Суровая зима 1916/1917 года губительно отразилась на состоянии наших войск, особенно в горных районах. Несмотря на то что еще в сентябре, закрепившись на позициях, войска занялись подготовкой к зимовке и устройством дорог, природные условия вскоре практически свели на нет все предпринятые усилия. Декабрьские снегопады сделали дороги почти непроходимыми, в особенности на перевалах, из-за чего подвоз продовольствия и фуража оказался чрезвычайно затруднен. По долинам, хотя и с большим трудом, продукты еще можно было перевозить на повозках. В горы их уже доставляли вьючным способом, складывая в поставленных в тылу позиций юртах.

²¹⁸ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 315 об.

Затем пешие команды переносили груз на позиции. Нередко обозы с продовольствием стояли на перевалах, занесенные снегом. В результате войска начали голодать. За зиму во многих частях съели обозных лошадей, ишаков, кошек, собак. Нередки были случаи, когда голодные солдаты варили падаль, выкапывая ее даже из земли. Истощенные лошади объедали друг у друга гривы и хвосты²¹⁹.

Кроме недостатка продовольствия войска сильно страдали от холода. Один из офицеров, зимовавший со своей частью на хребте Шайтан-даг вспоминал: «В конце ноября дожди сменились снегом. Казаки, размещенные в юртах и палатках, терпели страшную стужу, так как сильный наверху ветер постоянно переворачивал эти жидкие и легкие жилища, гасил печи. Были случаи, когда ночью бешеным порывом ветра палатки уносились куда-то и бесследно засыпались снегом. Ежедневно часовые и подчаски, в лучшем случае, возвращались с поста с отмороженными конечностями и больными; потом зачастую стали совсем засыпаться снегом и полевые караулы. Выстрелы, которыми замерзавшие пластуны хотели дать весть своим станичникам о постигающем их несчастье на посту, – таяли в свисте и заунывной песне метели и бесследно, никем не услышанные, разносились в воздухе»²²⁰. Бывали случаи, когда ночью снегом заносило целые сотни пластунов, которые к утру оказывались обмороженными. Весной под снегом нередко находили замерзших на боевом посту отдельных казаков и целые группы при полном снаряжении. У одного пластуна-линейца нашли в стволе винтовки записку: «Долго стрелял и никто меня не услышал. Погибаю за родину, как часовой»²²¹.

В начале весны, во время таяния снегов, доставка продовольствия затруднилась еще более. Голод достиг угрожающих

²¹⁹ Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж: Изд. «Возрождение», 1933. – С. 404–405.

²²⁰ Там же. – С. 406.

²²¹ Там же.

размеров, грозя армии катастрофой. Истощенные люди страдали от разных болезней, особенно от цинги. Обессиленных людей изъедала вошь. Началась эпидемия тифа. Болезни уносили десятки тысяч жизней, и ничего нельзя было сделать. Только с конца марта, когда дороги более-менее установились, обеспечение войск улучшилось, а с позиций началась экстренная эвакуация больных в тыловые лечебные заведения.

Наплыв эвакуируемых в Трапезунд оказался настолько велик, что военные власти распорядились выделить для размещения больных все пустующие помещения, в том числе и мечети. Как бывшая мечеть был занят и храм Богородицы Златоглавой, где находился устроенный Ф. М. Морозовым музей и хранились ящики с имуществом Академии наук. Храм приспособили под питательно-врачебный пункт, разместив в нем больных солдат – всюду, где только можно было их положить.

Узнав лишь через день о занятии храма, Морозов немедленно поспешил туда, чтобы «предупредить возможные недоразумения». В первую очередь он переговорил с медицинским персоналом, прося его не использовать на топливо находящиеся в храме леса, древнюю проповедническую кафедру и неразобранные турецкие бумаги, сложенные кипами на галереях. Просил не взламывать дверей «архива», где хранились в ящиках рукописные Кораны, кости императора Алексия Комнина и святого Евгения, а главное – «не отбивать штукатурку в храме», под которой находилась фресковая живопись, и «вообще не производить каких бы то ни было перестроек и ремонтов». Обращался он и к солдатам, умоляя не вбивать в стены гвозди и не ковырять открытые мозаики. Переживая за храм и хранившиеся в нем предметы и рукописи, Морозов ежедневно посещал его, убеждая солдат «относиться к памятникам старины с благоговением,

не разрушать ничего и не выносить из галерей бумаг – рукописей, быть может, ценных для науки...»²²²

Не получая по каким-то причинам от Н. И. Веселовского ответа на свои письма, Морозов обратился к секретарю Русского археологического общества Б. В. Фармаковскому. Сообщая о сложившейся ситуации, он просил оказать поддержку со стороны Общества, а также дать инструкции по организации охраны трапезундской старины. Морозов подчеркивал, что здесь необходим человек, «который бы наблюдал за событиями и собирал для истории ценные сведения и охранял старину...»²²³. Он признавался, что сам бы с удовольствием отдался этой работе, если бы она была единственной. Но был еще лазарет. А, кроме того, не имея официальных полномочий, трудно было бороться в деле охраны старины с людьми, которые не понимали ее ценности. И все же Морозов боролся, и иногда даже «в ущерб своего служебного положения». «Мое постоянное стремление, – писал он, – охранить, зарегистрировать для ученых исторический материал, где бы я его не встретил и если вижу, что с ним обращаются грубо, вступаю в защиту»²²⁴.

Вместе с тем, не получая пока никакой поддержки и даже ответов на письма, Морозов задавался вопросом: для чего нужны его усилия? «Я многое собрал, – писал он Фармаковскому, – но жаль, что не знаю, для кого я работаю и полезна ли моя работа? Работаю, конечно, и для себя, но свое я давно пожертвовал для других. Извиняюсь, что быть может, этим письмом отвлекаю Вас, но к кому обращаться как не к Вам, здесь и далеко от всего, да и нет людей, могущих понять стремления моей души...»²²⁵ Морозов не случайно задавался этим вопросом. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, по

²²² РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 4–5.

²²³ Там же. Л. 5 об.

²²⁴ Там же. Л. 6 об.

²²⁵ Там же. Л. 7 об.

поручению которого он начинал регистрационную работу на Кавказском фронте, к этому времени уже практически прекратило существование. Когда началась война и многие члены совета Общества ушли на фронт, встал вопрос о временном прекращении его деятельности, однако решено было по возможности продолжать работу, хотя это и стоило больших усилий²²⁶. К 1917 году деятельность Общества, как организации, совершенно сошла на нет. Грустные настроения Ф. М. Морозова усиливало еще и чувство одиночества, забытости – со времени его приезда в ноябре 1916 года из Петрограда почти за полгода ему никто не написал ни одного письма²²⁷.

Вопрос с храмом Богородицы Златоглавой через некоторое время решил сам собой. К середине мая наплыв больных солдат в Трапезунд пошел на спад и располагавшийся в церкви врачебно-питательный пункт ликвидировали. Правда, после этого помещения заняла одна из воинских частей, но ненадолго. Несмотря на то что Ф. М. Морозов неустанно уговаривал солдат ничего в храме не трогать и не портить, пребывание случайных постояльцев все же оставило разрушительный след. Помещения оказались чрезвычайно замусоренными, повсюду валялись тетради и листы бумаги, мозаичный пол в некоторых местах был испорчен, мраморные плиты разбиты, исчезла шитая золотом бархатная занавеска. Находившиеся в верхних помещениях ящики с рукописями были все опрокинуты, перерыты, документы приведены в полнейший беспорядок и частично утрачены, скорее всего, употреблены на солдатские нужды – самокрутки и пр. К счастью, солдаты не пытались открывать на стенах древнюю живопись, также не был вскрыт «древний пол и не снята с него деревянная настилка». Оказались

²²⁶ Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – С. 11.

²²⁷ «Я вот как выехал из Петрограда, ни от кого не получал писем, все забыли...», – писал Ф. М. Морозов 29 марта 1917 г. профессору И. А. Шляпкину (ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 13).

нетронутыми и боковые помещения, где в ящиках хранились предметы, принадлежавшие Академии наук²²⁸. Морозову удалось уберечь от хищения этот ценнейший археологический и археографический материал. Впрочем, Богородица Златоглавая оказалась единственным храмом, где он смог в сложившейся обстановке хоть что-то предпринять для сохранения памятников и как-то контролировать ситуацию. Другие же храмы почти беспрепятственно подвергались взломам, разграблению и самое ужасное – осквернению. В квартале Деремехале имелась небольшая мечеть под названием Измаил-баба, бывшая некогда церковью. Ее здание по-прежнему сохраняло все архитектурные признаки христианского храма и даже фрагменты церковной живописи. Еще в сентябре 1916 года академик Ф. И. Успенский перед отъездом в Петроград постарался привести эту запущенную и разграбленную церковь-мечеть «в благопристойный вид», устроил двери и запоры, передав ключи коменданту укрепрайона. Теперь же она представляла собой совершенно жалкое зрелище. Мало того, что двери в церковь выломали и унесли, солдаты устроили в ней «публичное отхожее место». Недалеко от Измаил-баба, на морском берегу, находился еще один храм, именуемый греками Панагия Керула, а турками – Карабет-джами. Здание его также сохраняло все признаки христианской церкви: апсиду, колонны, следы священной живописи. Однако и оно было превращено в отхожее место²²⁹. Можно представить, какими глазами смотрели на все это греки и турки!

Однако винить исключительно солдат в том, что они растаскивали отовсюду, откуда могли, древесный материал «на дрова» и устраивали, где не должно, отхожие места, было бы несправедливо. Огромную ответственность за это несли городские военные власти. Помимо того, что Трапезунд был

²²⁸ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 209.

²²⁹ Там же. – С. 210.

переполнен больными, в нем скапливались тысячи уезжавших из армии здоровых солдат. Вынужденные неделями дожидаться транспорта для отправки, они проводили все это время под открытым небом, нередко под дождем и снегом, или ютились в разоренных турецких лачугах без дверей и окон. Никто и не думал позаботиться об устройстве для них барачных и ретирадных мест. Не было даже организовано питание. Брошенные на произвол судьбы, озлобленные, солдаты вынуждены были сами заботиться о себе, и, естественно, делали это как могли. «Город запакощен чудовищно, – с горечью отмечал один из военных начальников, – водопроводы наполовину испорчены, оставшиеся действуют скверно; везде и во всем полная разруха... <...> Вся наша “городская деятельность” заключалась в том, что мы буквально три четверти города разрушили, главным образом на дрова, а остальную четверть запакостили до невероятия. Каждая развалина, каждый закоулок, – это сплошная клоака»²³⁰. Неудивительно, что в городе распространялись эпидемии: особенно свирепствовали сыпной тиф и оспа, не прекращались заболевания брюшным и возвратным тифом, появлялась дизентерия, малярия же вообще не переводилась. Болезни косили людей массово, так что вокруг Трапезунда за считанные месяцы выросло несколько огромных солдатских кладбищ с лесом деревянных крестов. И складывалось тягостное впечатление, что транспорты привозили сюда тысячи здоровых русских солдат лишь для того, чтобы через некоторое время закопать их под Трапезундом.

В такой обстановке рассчитывать на содействие военной администрации города в деле охраны памятников было невозможно. Не мог практически ничего сделать и организованный Ф. М. Морозовым местный Комитет – формально он не имел ни официального статуса, ни полномочий.

²³⁰ Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея... – С. 196, 245.

Не радовало Морозова положение дел и в Серафимовском лазарете. С уменьшением притока больных в нем опять почти не стало работы. Среди находившихся на излечении солдат вновь преобладали «хроники» – в основном больные цингой и ревматизмом. Никакой хирургической работы не было и в помине. В середине мая лазарет покинул и доктор Е. А. Флеров, избранный в медицинский совет при главноуполномоченном Красного Креста на Кавказском фронте. Оставил лазарет и болевший иеромонах Филарет. Хотя в Серафимовском лазарете еще имелись запасы медикаментов и хирургических пособий, никакой серьезной работы не предвиделось. Да и само его существование с течением времени становилось все более затруднительным. Уже в начале лета практически прекратилась доставка продовольствия со складов Красного Креста. Лошади, из-за отсутствия фуража, обессилели. Морозову приходилось самому добывать продукты для лазарета. По-прежнему он вместе с А. Ткаченко просил руководство перевести лазарет на один из европейских фронтов, но в Петрограде, похоже, было теперь не до этого...

На Кавказском фронте военные действия уже не предпринимались. Дисциплина в войсках совершенно упала, солдаты не хотели воевать, митинговали, массово дезертировали. Революционная пропаганда шла полным ходом. Временное правительство настаивало на возобновлении наступления в Месопотамии, однако командующий Кавказским фронтом генерал Н. Н. Юденич, трезво оценивая обстановку, отказался это делать. 31 мая «за сопротивление указаниям» Временного правительства он был отстранен от командования, передав полномочия генералу М. А. Пржевальскому.

Вот в такое сложное время в начале лета в Трапезунд прибыла вторая археологическая экспедиция Академии наук во главе с Ф. И. Успенским²³¹. Однако на этот раз ака-

²³¹ Кроме Ф. И. Успенского в состав экспедиции входили: профессор Лазаревского института восточных языков А. Е. Крымский (со своим учеником П. Н. Лозевым),

демика встретило большое разочарование, когда ему пришлось столкнуться с безразличием к интересам и нуждам экспедиции со стороны местной военной администрации. Если в минувшем году при генерале Шварце ученые нашли хоть какую-то поддержку и внимание, то теперь и этого не было. Участникам экспедиции даже не предоставили «удобное помещение», поэтому им пришлось разместиться порознь в гостиницах или наемных комнатах. Городскую администрацию вновь нужно было знакомить с целями и задачами экспедиции, которые, впрочем, для нее оказались малопонятны. Но больше всего академика огорчило то, что сильно упал авторитет русской военной власти. Осмотр памятников также произвел удручающее впечатление. Единственное, что порадовало – сохраненный от хищения «архив» в храме Богородицы Златоглавой.

Узнав о прибытии экспедиции, Ф. М. Морозов поспешил повидаться с Ф. И. Успенским, которому обрисовал общее положение дел. Однако отношение к нему академика стало уже довольно прохладным. Вызвано это было, вероятно, тем, что Морозов в течение зимних и весенних месяцев вел переписку с представителями Русского археологического общества. Зная о негативной оценке Обществом своей деятельности и подозревая в этом отчасти Морозова, Успенский еще зимой изменил к нему отношение. Сначала довольно активно писавший ему Морозов уже с начала 1917 года оставил переписку, то ли не получая от академика ответов, то ли, напротив, получив неприятное письмо. Скорее первое.

Очень скоро Ф. М. Морозов познакомился со всеми членами экспедиции. Некоторых он даже сумел привлечь в местный кружок «любителей старины и искусства». Известно, что в него вошли профессор Н. Д. Протасов, Н. Е. Макаренко, архитектор Н. Б. Бакланов и, кажется,

профессор Московской духовной академии Н. Д. Протасов, археолог Н. Е. Макаренко, архитектор Н. Б. Бакланов, художник-акварелист генерал Г. К. Мейер и художник Н. К. Клуге.

поначалу профессор А. Е. Крымский. Однако совершенно враждебно против кружка и лично Ф. М. Морозова оказался настроен Ф. И. Успенский, ревниво относившийся ко всему, что касалось трапезундских памятников, считая их изучение исключительно своим делом. Успенского раздражало само наличие кружка, претендовавшего на контроль над памятниками, хотя бы даже и с целью их охраны. Масло в огонь подлило напечатанное в местной греческой газете «Логос» открытое письмо некоего Леонтидиса на имя академика. Общий смысл его заключался в призыве к руководителю экспедиции заниматься охраной трапезундских памятников сообща с местными представителями. Обращение это очень не понравилось Успенскому, так как ставило его перед греческим населением в неловкое положение, и он заявил Ф. М. Морозову, что считает кружок антирусским. По убеждению же последнего, академик сильно заблуждался, так как кружок не преследовал «политиканствующего намерения», а ставил строго научные цели – «спасти ученым и науке остатки еще живых свидетелей прошлой культуры человечества»²³².

Морозов, впрочем, теперь больше рассчитывал на поддержку Русского археологического общества, которое во второй половине мая избрало его своим членом-сотрудником, назначив официальным представителем в трапезундском Комитете охраны памятников старины²³³.

Вскоре организованный Морозовым кружок превратился в настоящее общество, в которое, кроме греков, вошли местные турки и армяне. Цели общества оставались прежними – охрана памятников старины Трапезунда и окрестностей и «выявление таковых среди жителей»²³⁴. После Октябрьской революции общество получило официальный статус – Комитета по охране памятников старины Трапезундского

²³² РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 1 об.–2.

²³³ ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 323.

²³⁴ ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

укрепрайона, а Ф. М. Морозов был назначен его секретарем. Эти полномочия он получил от Закавказского комиссариата – коалиционного правительства Закавказья, созданного в Тифлисе 15 (28) ноября 1917 года при участии грузинских меньшевиков, эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов.

Но, несмотря на активную деятельность по охране местной старины, главной заботой Морозова все же оставался Серафимовский лазарет, за который он нес, как уполномоченный, полную ответственность. Так, во второй половине октября ему пришлось бороться с постановлением Кавказского санитарного совета о передаче лазарета в ведение Земского союза. Для этого понадобилось выезжать в Тифлис, где вместе с главноуполномоченным Л. В. Голубевым он сумел добиться, чтобы лазарет оставался в ведении Красного Креста²³⁵.

В Тифлисе в это время было крайне неспокойно. В городе повсюду бродили или носились на грузовиках толпы расхлябанных солдат с винтовками, обвешанные крест-накрест патронными лентами. Вид у них был совершенно разбойничий: шинели нараспашку, рубахи без поясов, воротники не застегнуты, шапки на одном ухе или на затылке. Все грязные, небритые. Многие просто так, ради забавы, палили из ружей в воздух, и создавалось впечатление, что в городе идет бой.

Из-за огромного наплыва приезжих в Тифлисе практически невозможно было найти место для ночлега. Не хватало продуктов, и все стоило невероятно дорого. Повсюду у магазинов стояли огромные очереди. Процветала спекуляция, участились грабежи и убийства.

В Тифлисе скопилась масса врачей и сестер милосердия – без дела, без средств и без перспектив на будущее. Уже после Февральской революции в госпиталях стали

²³⁵ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 251.

происходить невообразимые явления. После объявления «свободы» в них появились какие-то подозрительные типы, проводившие с ранеными «беседы», результаты которых не заставили себя долго ждать. Солдаты начали составлять из своей среды комитеты, которые и стали распоряжаться в госпиталях всем. Первым делом они повыгоняли «неугодных» врачей, фельдшеров и сестер. В отношении к персоналу проявлялась откровенная грубость, солдаты отказывались исполнять предписания врачей, пьянствовали. «Делать операции солдаты никому не позволяют, – жаловался один из тифлисских врачей. – На перевязки приходят только тогда, когда от раны идет вонь... В перевязочной, во время перевязок, идет сплошной скандал... Раненые говорят сестрам грубости и пошлости... Многие из старых сестер больше не приходят в госпиталь, – не могут примириться с ужасным положением дела!»²³⁶ Дошло до того, что госпитальные комитеты стали запрещать принимать новых больных и раненых, а то и вовсе объявляли о закрытии госпиталя. Медицинский персонал просто оказывался на улице. При этом денег никому не выдавали. Врачи с семьями и сестры милосердия съезжались в Тифлис в надежде найти работу или хоть какие-то средства к существованию, но напрасно... Даже те из врачей и сестер тифлисских госпиталей, кого не выгнали солдатские комитеты, работали без жалованья, за одну только еду. И работали бесменно, день и ночь. При этом в госпиталях не имелось ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Не было ни мыла, ни даже горячей воды. Продукты питания поступали нерегулярно и в недостаточном количестве²³⁷. Смертность среди больных и раненых была огромная!

²³⁶ *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 164–165.

²³⁷ Там же. – С. 183–184.

Свой комитет, а вернее совет, из числа персонала был образован и в Серафимовском лазарете. К сожалению, о деятельности лазарета во второй половине 1917 года почти не сохранилось никаких сведений. Известно, что за короткое время в нем успело поменяться несколько старших врачей. В сентябре лазарет возглавлял доктор Мачаров, в октябре – доктор Перлис, в конце года обязанности старшего врача принял доктор Беллинг.

После Октябрьской революции Кавказский фронт окончательно развалился. 5 декабря 1917 года командования русских и турецких войск заключили так называемое Ерзинкайское перемирие, после чего начался массовый отход русских частей из Западной (Турецкой) Армении на территорию России.

Отход происходил, в основном, беспорядочно и стихийно. Зачастую солдаты, не дожидаясь приказа, в одиночку, группами, а то и целыми подразделениями бросали позиции и отправлялись на родину. С Анатолийского побережья эвакуация производилась, главным образом, из Трапезунда, который в это время вновь оказался до невозможности запружен солдатами. Эта вооруженная и малоуправляемая масса практически безраздельно хозяйничала в городе и окрестностях, устраивала грабежи и погромы, наводя ужас на местное население. Повсюду тут и там собирались стихийные митинги. Кто агитировал за «учредилку», кто за большевиков, кто за кого-то еще. Солдаты слушали, шумели, спорили, но у всех было лишь одно желание – поскорее уехать домой. Больше всего солдат скапливалось в ожидании «водоходов» у пристани. Сюда же стягивались военное снаряжение, лошади, автомобили, орудия, боеприпасы и пр. Транспорты уходили, нагруженные до предела. А из города и пригородов с шумом и гамом прибывали все новые и новые толпы в серых шинелях. Солдаты нахрапом, ругаясь, топча друг друга и сталкивая в воду, стремились во что бы то ни стало попасть на очередной отходящий транспорт,

и, когда не было уже вовсе мест, висли на леерах, забирались на трубы. А те, кто оставались на берегу, страшно досадовали, кляли всех и вся, в тоске провожая уходящий «водоход». Транспорты же ходили нерегулярно, так как с наступлением зимы море часто бывало беспокойным.

Во второй половине декабря Серафимовский лазарет получил распоряжение от Кавказского санитарного совета свернуться и готовиться к отправке морем в город Новый Афон на побережье Черного моря в западной Грузии (Абхазия). На базе лазарета предполагалось устроить военный санаторий, видимо, в зданиях Ново-Афонского монастыря. Еще в мае 1917 года Союз городов в целях скорейшей эвакуации больных воинов из трапезундских лазаретов решил организовать обширный госпиталь в Новом Афоне. Для получения инструкций и разрешения на реквизицию монастырских зданий в штаб армии выезжал уполномоченный Кавказского отдела Союза городов И. И. Немировский²³⁸. Впрочем, чем закончились его переговоры, выяснить не удалось.

К началу января 1918 года Серафимовский лазарет свернулся, упаковал вещи и ожидал погрузки на транспорт. Телеграфируя об этом Л. В. Голубеву, старший врач Беллинг пытался выяснить, «на сколько мест предположена санатория, каков предположен штат врачей и сестер»²³⁹. Однако никаких разъяснений не получил. Лазарету надлежало переправиться сначала в Батум и там ожидать дальнейших распоряжений.

22 января Серафимовский лазарет в составе трех врачей, одного фельдшера (Ф. М. Морозова), 14 сестер и 83 санитаров погрузился на шхуну и в тот же день отправился в путь. Имущество его составляло 350 ящиков, 11 повозок

²³⁸ К эвакуации больных из Трапезунда // Трапезундский военный листок. – 1917. – № 168. – С. 2.

²³⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 276.

и 22 лошади²⁴⁰. Через несколько дней лазарет прибыл в Батум, но здесь его судьба также осталась неясной. 26 января Л. В. Голубев прислал доктору Беллингу телеграмму, в которой просил до выяснения дальнейшего назначения лазарета сдать все имущество в батумский приемный пункт. Медицинскому же и хозяйственному персоналу, которому не нужно было присутствовать при сдаче имущества, предписывалось прибыть в Тифлис. «С санитарями благоволите произвести расчет, – писал Голубев, – и на месте направьте их непосредственно из Батума подлежащим воинским начальникам»²⁴¹.

28 января Ф. М. Морозов сдал все имущество лазарета в приемный пункт.

В начале февраля доктор Беллинг телеграфировал Голубеву: «Председатель ликвидационной комиссии в списках ликвидируемых учреждений не имеет Серафимовского лазарета. Ходатайствую об указании, могу ли приступить к сдаче имущества комиссии»²⁴².

Спустя три недели Л. В. Голубев сообщил Беллингу, чтобы он снова получил на приемном пункте имущество лазарета. Беллинг ответил, что в данное время в Батуме нет Ф. М. Морозова, без которого он не может принять имущество, которое примет лишь с его приездом²⁴³. Где и по каким делам находился Морозов, неизвестно.

А в это время турецкие войска, воспользовавшись развалом русской армии, нарушили условия декабрьского перемирия и развернули под предлогом защиты мусульманского населения Западной Армении крупномасштабное наступление на Эрзерумском, Ванском и Приморском направлениях, почти сразу же заняв Эрзинджан.

²⁴⁰ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 277.

²⁴¹ Там же. Л. 278.

²⁴² Там же. Л. 280.

²⁴³ Там же. 281–282.

23 февраля 1918 года Закавказский комиссариат созвал в Тифлисе сейм, в состав которого вошли депутаты, избранные от Закавказья во Всероссийское учредительное собрание, и представители местных политических партий. На первом же заседании развернулась горячая дискуссия о независимости Закавказья и отношениях с Турцией ввиду начавшегося широкомасштабного наступления турецких войск. Дашнакская фракция предложила оставить Закавказье в составе России на правах автономии, разделенной на национальные кантоны, а в отношениях с Турцией – настаивать на самоопределении Западной Армении. Азербайджанская делегация заявила, что Закавказье должно решать свою судьбу независимо от России, заключив мир с Турцией на основе отказа от вмешательства в ее внутренние дела. Грузинская сторона в основном поддержала азербайджанцев в вопросе о провозглашении независимости Закавказья и заключения самостоятельного договора с Турцией, поскольку у Закавказья не имелось сил для военного противостояния. Однако в связи с упорной позицией армян вопрос о провозглашении независимости был временно отложен.

Пока заседал Закавказский сейм, турецкие войска заняли Трапезунд, Ардаган и Эрзерум, фактически вернув себе контроль над всей Западной Арменией.

3 марта 1918 года Советская Россия подписала в Бресте мирный договор с Турцией, согласно которому последней передавались не только территории Западной Армении, но и населенные грузинами и армянами области Батума, Карса и Ардагана, аннексированные Россией после русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С подписанием Брестского мира война с Турцией для России закончилась, что означало формальное прекращение существования Кавказского фронта и возможность возвращения на родину для русских войск, еще остававшихся на территории Турции и Персии.

Эти события вынудили Закавказский сейм 14 марта начать в Трапезунде сепаратные переговоры с турецким

командованием. Турция, только что подписавшая на выгоднейших условиях мирный договор с Россией и уже фактически вернувшаяся к границам 1914 года, потребовала от закавказской делегации признать условия Брестского мира. Однако делегация, претендуя на самостоятельность и не признавая Брестский договор, рассчитывала заключить сепаратный мир с Турцией на более выгодных условиях – восстановление государственных границ 1914 года и самоопределение для Восточной Анатолии в рамках турецкого государства. Имея военное превосходство, турецкая сторона отказалась даже обсуждать эти условия, предъявив один за другим два ультиматума с требованием признать Брест-Литовский договор и провозгласить независимость Закавказья. Однако, когда турки, воодушевленные победами, захотели перенести военные действия вглубь Закавказья, сейм прервал переговоры и отозвал делегацию из Трапезунда, официально вступив в войну с Турцией.

Оставаться в Батуме Серафимовскому лазарету теперь становилось небезопасно, так как турки со дня на день могли занять город. Поэтому лазарет под руководством Ф. М. Морозова вынужден был спешно эвакуироваться железной дорогой на территорию Грузии в город Самтреди Кутаисской губернии. И снова вокзал, давка, ругань, поиск вагонов. Трудно даже представить, как Морозову удавалось управляться со своим грузом. На станциях порядка было мало, люди с ревом штурмовали вагоны, лезли в окна, висли на подножках, мостились на буферах, крышах, забирались верхом на паровоз. Из Батума переполненные составы ползли вдоль Черного моря, затем, миновав станцию Натанеби, круто уходили вправо, оставляя море позади. На протяжении всего пути то тут, то там по обеим сторонам насыпи валялись изуродованные паровозы, вагоны, цистерны – следы разгоравшейся гражданской войны.

Уже в апреле турецкие войска заняли Батум, Озургети и всю Месхетию, дойдя почти до Боржома. На территории

Грузии против турков сражался Грузинский корпус. Его командование, нуждавшееся в медицинских учреждениях, обратилось к главноуполномоченному Красного Креста Л. В. Голубеву с просьбой передать в распоряжение корпуса Серафимовский лазарет. Корпусный врач Мгеладзе планировал разместить лазарет в селении Ланчхуты, расположенном в Озургетском уезде Кутаисской губернии, и просил главноуполномоченного поторопить его развертывание. На это Л. В. Голубев ответил, что открытие лазарета в Ланчхутах задерживается ввиду сообщенного Джавоховым заявления командира Грузинского корпуса «об отсутствии в нем необходимости в означенном пункте»²⁴⁴. Но через несколько дней он уже сообщал телеграммой заведующему санитарной частью отдела снабжения при Верховном совете, что отдал «срочные распоряжения об открытии Серафимовского лазарета в Ланчхутах»²⁴⁵.

Однако лазарет туда так и не выехал, оставшись на прежнем месте. Когда в начале мая вспыхнула эпидемия сыпного тифа, Кавказское правительство в лице министра внутренних дел обратилось к Л. В. Голубеву с просьбой незамедлительно доукомплектовать лазарет врачебно-санитарным персоналом и открыть его для борьбы с эпидемией. Главноуполномоченный отдал распоряжение Ф. М. Морозову спешно развернуть лазарет в Самтреди для заразных больных пока на 50 кроватей. Медицинский персонал в ближайшие дни должен был выехать из Тифлиса²⁴⁶.

Через некоторое время Ф. М. Морозов получил распоряжение оборудовать лазарет уже на 100 мест, для чего было предоставлено дополнительное помещение и запрошен персонал. Кроме того, Л. В. Голубев просил выделить из имущества Серафимовского лазарета оборудование для

²⁴⁴ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 286.

²⁴⁵ Там же. 271.

²⁴⁶ Там же. 287–289.

30 кроватей и срочно выслать в город Сурам, где организовывался лазарет доктором Шалыгиным²⁴⁷.

12 июня 1918 года к Л. В. Голубеву по поводу имущества Серафимовского лазарета обратился Закавказский русский национальный совет. Эта политическая организация была создана в том же году русскими кадетами и меньшевиками для отстаивания прав русского населения в Закавказье. Совет просил «ввиду крайней необходимости в организации хирургического лазарета на 100 кроватей для обслуживания беженцев» срочно отдать указание о предоставлении имущества лазарета в свое распоряжение. Совет добавлял, что его ходатайство усиленно поддерживает заместитель Экзарха епископ Феофилакт (Клементьев)²⁴⁸.

Думается, что инициатива по передаче имущества Серафимовского лазарета в ведение Русского национального совета исходила от Ф. М. Морозова. Видимо, он не хотел, чтобы средствами лазарета распоряжалось грузинское правительство, в то время как тысячи русских людей, оказавшихся в бедственном положении на Кавказе, нуждались в медицинской помощи. К тому же нашелся и человек, к которому можно было обратиться за содействием – Елисаветпольский епископ Феофилакт, управлявший в это время Кавказским экзархатом. С ним Морозов познакомился еще в Минске, где владыка занимал тогда должность викарного епископа.

Отзываясь на просьбу Русского национального совета, Л. В. Голубев направил пространное ходатайство председателю грузинского Комитета снабжения Д. А. Топуридзе. Сложность была в том, что в Закавказье в это время остро сталкивались национальные, политические, религиозные, имущественные и прочие интересы. Поэтому необходимо было «договариваться».

²⁴⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 290.

²⁴⁸ Там же. Л. 294.

Сам Д. А. Топуридзе, известный меньшевик, после Февральской революции занимал в Саратове пост губернского комиссара, однако был изгнан в октябре 1917 года большевиками. Вернувшись на родину в Грузию, он вошел в состав местного меньшевистского правительства. Призванный защищать грузинские национальные интересы, Топуридзе, тем не менее, оставался человеком трезвомыслящим. В обращении к нему Л. В. Голубев, кратко изложив историю формирования и деятельности Серафимовского лазарета, деликатно указывал, что его имущество и оборудование приобретены петроградским комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений России на частные пожертвования, «имевшие специальное назначение», и составляют собственность этого комитета. Ввиду этого Л. В. Голубев просил предоставить имущество лазарета во временное пользование Русскому национальному совету для организации лазарета для беженцев, с тем, «чтобы в будущем это имущество было бы возвращено его юридическому владельцу» – комитету духовно-учебных заведений²⁴⁹. Главноуполномоченный, конечно, умалчивал, что комитет к этому времени уже формально перестал существовать, как и многие духовно-учебные заведения, откуда поступали в свое время пожертвования на содержание лазарета. Но это было не главное...

Ссылался Л. В. Голубев и на ходатайство представителя Русской Церкви – епископа Феофилакта. «Со своей стороны, – заключал он, – я считал бы возможным удовлетворить ходатайство Русского Национального Совета как в виду принадлежности имущества Серафимовского лазарета Комитету духовно-учебных заведений России, так и в виду того, что оказание помощи беженцам составляет также одну из задач Красного Креста»²⁵⁰.

Комитет снабжения не стал удерживать имущество лазарета. Забрав его со склада и оформив необходимые бумаги,

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 295–295 об.

²⁵⁰ Там же. Л. 295 об.

Ф. М. Морозов по железной дороге перевез полученный груз в приморский город Поти Кутаисской губернии. 18 июля он передал имущество во временное пользование Русскому национальному союзу для устройства врачебно-питательного пункта. Видимо, Морозов сам и организовал его, находясь при нем в качестве заведующего и распорядителя имуществом по должности уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений.

К этому времени относится очень важный, в буквальном смысле героический, эпизод из жизни Ф. М. Морозова, а именно – эвакуация им с территории, занятой турками, двух эшелонов русских раненых. Организовал он и возглавил эту эвакуацию, воспользовавшись своим удостоверением уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений. Проходила она в чрезвычайно сложных условиях, так как на железных дорогах царила настоящая вакханалия. Однако, несмотря на все трудности, ему удалось вывезти раненых и тем спасти несколько тысяч русских солдат²⁵¹.

Из рассказов Федора Михайловича известен и другой эпизод в его биографии этого времени, едва не ставший для него роковым. Неизвестно, правда, когда именно, но можно предположить, что во второй половине 1918 года Ф. М. Морозов был арестован в Тифлисе грузинскими националистами-меньшевиками. Обвиненный как шпион и агент русских большевиков, он был приговорен к смертной казни и заключен до времени в Метехский замок, используемый как тюрьма для политических заключенных²⁵². Какое-то время Ф. М. Морозов провел здесь в ожидании казни. Условия содержания в то время были просто нечеловеческими. Арестантов почти не кормили, так как продукты

²⁵¹ Сапунов Борис. Он всегда кого-то или что-то спасал... // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37. – С. 86.

²⁵² Там же.

отсутствовали. В переполненных камерах истощенные люди массово умирали от болезней, и в первую очередь от «сыпняка» – сыпного тифа, свирепствовавшего повсюду. Вот что рассказывал побывавший в камере «смерти» примерно в то же время настоятель тифлисского Военного собора протоиерей Павел Смирнов: «В этой камере заключенные умирали почти поголовно. Она была заражена сыпным тифом. Совершенно почти темная, она вмещала в десять раз больше жильцов, чем предполагалось. Люди лежали на полу и под нарами. В крошечное оконце не проникал не только свет, но и воздух. В ней не всегда была даже вода для питья... Часто умершие лежали среди живых по суткам. На просьбы и мольбы заключенных дать воды или вынести тело умершего, мы слышали только смех или угрозы расправиться с нами. О медицинской помощи и думать было нечего... Меня впихнули в эту камеру, смрадную и кишашую насекомыми, для того, чтобы и я разделил участь других обреченных, часто ни в чем не повинных людей... Нужно было чудо, чтобы не заболеть и не умереть там...»²⁵³

Лишь благодаря вмешательству Красного Креста Морозову удалось выбраться из тюрьмы.

Он по-прежнему оставался при лечебных заведениях, организуемых на базе имущества Серафимовского лазарета. Несмотря на бурные события и тяжелую обстановку, Морозов и в это время не оставлял занятий археологией. Известно, что в 1919 году он имел поручение от Кавказского музея вести регистрацию и охрану памятников старины Кутаисской губернии и Сванетии²⁵⁴. К этому времени Морозов уже неплохо освоил грузинский язык, что помогало ему в работе.

²⁵³ *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 281–282.

²⁵⁴ Архив Государственного Русского музея (АГРМ). Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.

Между тем развернувшееся на Кавказе белое движение втянуло его в кровавый водоворот Гражданской войны. К началу 1919 года Северный Кавказ заняла Добровольческая армия генерала А. И. Деникина²⁵⁵, переименованная вскоре в Кавказскую Добровольческую армию и перешедшая под командование генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля. В ее составе Ф. М. Морозов оказался вместе с лазаретом, имуществом которого заведовал. При Добровольческой армии он также состоял как уполномоченный Красного Креста. Работал в городе Майкопе, занимаясь вопросами организации и обеспечения медицинских учреждений²⁵⁶.

В начале 1920 года большевики поставили целью разгромить Добровольческую армию и занять Северный Кавказ. Начались упорные кровопролитные бои с переменным успехом. Однако вскоре ситуация изменилась в пользу Красной армии и «белые» постепенно стали терять позиции. В начале марта Добровольческая армия уже практически не могла сопротивляться стремительному натиску «красных» и отступила к Новороссийску для эвакуации морем в Крым.

22 марта части 1-й конной армии С. М. Буденного заняли Майкоп. Морозов не ушел из города с остатками Добровольческой армии, а остался с ранеными. Здесь он попал в плен к красным и снова пережил ужас перед расправой, допросы. Однако вновь выручили документы уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений. Между тем красные крайне нуждались в госпиталях и медицинском персонале, поэтому Морозова назначили заведующим хозяйством 1-го хирургического госпиталя конармии,

²⁵⁵ Кажется, Морозову лично довелось общаться с генералом Деникиным, к которому он до конца дней сохранял неизменное уважение. Будучи уже в преклонных годах, Морозов позволял себе открыто высказывать симпатии к знаменитому генералу. Подобные «откровения» в советское время расценивались не иначе как идеологическое преступление, однако Федора Михайловича уже никто не трогал из-за его возраста.

²⁵⁶ АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.

сформированного, по всей видимости, на базе имущества Серафимовского лазарета.

На этом и завершилась история лазарета имени преподобного Серафима Саровского на Кавказском фронте. Но хочется сказать еще несколько слов о Ф. М. Морозове.

1-й хирургический госпиталь находился при штабе С. М. Буденного²⁵⁷. Поначалу Морозов работал в нем как военнопленный, но затем был мобилизован в состав Красной армии. Вскоре он вместе с конармией оказался в Украине. Участвовал в операциях по освобождению Киева, Новгорода-Волынского, Ровно – в частности, занимался организацией передовых санитарных отрядов и сам в них работал. Весной 1921 года Морозов демобилизовался, однако как бывший «белый чиновник» не смог вернуться в Петроград и вынужденно остался в Киеве, где сделался научным сотрудником Всеукраинской академии наук и губернского комитета охраны памятников искусства и старины. Главным делом Морозова в Киеве стала организация на территории Киево-Печерской лавры музея культов и быта, преобразованного впоследствии в Музейный городок. Благодаря этому удалось спасти от уничтожения не только ценнейшие церковные памятники искусства и старины, но и саму лавру. В 1925 году Морозов вернулся в Ленинград, где работал научным сотрудником сначала в Музейном фонде, затем в Русском музее, а с 1932 года – в Государственном Эрмитаже, которому отдал почти тридцать лет своей жизни.

За свою жизнь, особенно в период военных и революционных потрясений, Морозов спас от разграбления и уничтожения немало шедевров искусства. Спасал он не только памятники «чуждого» социалистическому обществу дворянского искусства, как говорили в советское время, но

²⁵⁷ Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006. Л. 2 об.

и памятники церковные, что могло навлечь политические обвинения. Но несмотря ни на что, Морозов старался сберечь церковную старину, которую любил. И именно это делание стало для него своеобразным служением Церкви – в годы религиозных преследований спасти гибнущее церковное историко-культурное наследие.

Скончался Федор Михайлович 3 мая 1962 года и был похоронен на Серафимовском кладбище в Ленинграде.

Ровно через полвека в 2012 году в Минске вышла книга, посвященная его жизни и трудам – «Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова»²⁵⁸.

Не случайно Морозов стал главным героем и книги о Серафимовском лазарете. И не только потому, что он прошел с ним весь путь. Человек инициативный, искавший жертвенного служения, именно он всегда старался направить деятельность лечебного заведения к максимальной отдаче, являясь как бы душой лазарета. Вспомним хотя бы его письма в Петроград, полные переживаний и боли за лазарет духовного ведомства.

Можно лишь пожалеть, что Федор Михайлович не оставил воспоминаний. Бесспорно, он мог бы многое поведать не только о жизни Серафимовского лазарета, но и вообще о событиях на Кавказском фронте. Коммуникабельный, энергичный, он много где побывал, много с кем общался. Немало могли бы рассказать и его фотографии, но, к сожалению, немногое удалось разыскать, да и немногое, видимо, сохранилось. Жаль вместе с тем, что никто не записывал его рассказы. Знавшие Морозова сотрудники Эрмитажа вспоминали, что дядя Федя, так его все называли, не раз рассказывал о событиях Первой мировой, о службе в лазарете на Кавказском фронте, например, как спас от насилия каких-то турчанок... Кое-что из воспоминаний Федора

²⁵⁸ Щеглов Г. Э. Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова. – Минск: ВРАТА, 2012. – 366 с., [73] л. цв. ил.: ил.

Михайловича опубликовал сотрудник Эрмитажа доктор исторических наук профессор Борис Викторович Сапунов (†2013): о том, как Морозов вывез из Турции два эшелона раненых, как в революционном Тифлисе был приговорен к смерти и в ожидании казни томился в Метехском замке²⁵⁹. Но это лишь малая часть богатой событиями военной биографии... О своем знакомстве с Морозовым Сапунов писал: «Федор Михайлович был тогда довольно пожилым уже человеком, но сохранял удивительную ясность ума, всегда обаятелен, коммуникабелен, открыт для общения. И при этом вокруг него роилась масса легенд, о которых он не говорил и которые, разумеется, никак не комментировал»²⁶⁰. Последнее лишний раз подтверждает, что Морозов был человеком незаурядным.

Признаться, именно в связи с его личностью я стал заниматься историей кавказского Серафимовского лазарета, благодаря чему появилась настоящая книга, завершившая историю лечебных заведений имени преподобного Серафима Саровского, организованных в годы Великой войны на пожертвования преподавателей духовно-учебных заведений Российской империи.

Судьба кавказского лазарета оказалась весьма непростой. Еще на заре своей деятельности он едва не был расформирован и сохранился лишь благодаря энергичным мерам нового руководителя. Вместе с тем руководство и состав его неоднократно менялись, причем качественно не всегда в лучшую сторону. И хотя в жизни лазарета порой случались неприглядные моменты, персонал его все же делал свое дело профессионально и нередко с огромным напряжением сил. При этом немало приходилось претерпевать различных невзгод, лишений и всяческих трудностей. Многие из персонала в тяжелых и непривычных условиях работы

²⁵⁹ Сапунов Борис. Он всегда кого-то или что-то спасал... // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37 (март). – С. 86.

²⁶⁰ Там же.

пожертвовали своим здоровьем, а некоторые и жизнью. Напомню имена последних: врач Николай Константинович Чикаревский, санитары Федор Порущенко, Гордей Колесников, Иван Калиберда. Если доктора Чикаревского погребли на родине в Борисоглебске, то санитаров схоронили там же на лазаретном кладбище в Коссорах – на чужбине. Наверняка сегодня и следа не осталось от их могил и память о них, казалось бы, совершенно истерлась. Но... теперь мы знаем их имена, знаем об их трудах, их жертве. Пусть даже через 100 лет. Но знаем. И это важно!

И хоть не были они в окопах, не слышали рева орудий, свиста осколков и пуль, тем не менее, они видели ужасы войны воочию, знали о ней не понаслышке. И был у них свой фронт, своя передовая – облегчать страдания, спасти жизни и здоровье больных и раненых воинов. И это дело было не менее важное, чем стоять у орудия или пулемета. И умирали они также...

Та страшная война, как мы знаем, обернулась для Российской империи катастрофой и колоссальными социально-политическими переменами для ее народов. Впоследствии советская идеология предала Великую войну анафеме и забвению, а вместе с тем жертвы и подвиги, принесенные миллионами. И если многие десятилетия было мало дела до известнейших военных и политических деятелей, ярко проявивших себя в годы войны, до героев, совершивших подвиги, порой удивляющие мужеством и беззаветной жертвенностью, то, тем более, могло ли быть дело до простых врачей, фельдшеров, сестер и братьев милосердия, санитаров?

Думаю, и сегодня, когда всерьез оживился интерес к «забытой» войне, когда реконструируются события и воскрешаются позабытые имена, о каждом все же не вспомнишь, не напишешь. Сколько их – Чикаревских, Морозовых, Колесниковых – неприметных тружеников работало в военных лечебных заведениях. Конечно, документы того времени, собираемые в архивах и частных коллекциях, хранят их

имена, но о большинстве из них возможно никто никогда так и не узнает... А ведь они жили, трудились, жертвовали... Ведь все это было! И пусть хоть в лице героев этой книги им будет принесена благодарность – за их святой труд на фронтах и в тылу.

Молебен о победе у Казанского собора.
Фотография ателье Буллы, июль 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-2218)

Крестный ход на Невском проспекте у Екатерининского сада.
Фотография ателье Буллы, июль 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-3122)

Патриотическая манифестация в Петрограде в поддержку сербов.
Фотография ателье Буллы, 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-778)

Отряд 2-го Серафимовского лазарета: в первом ряду сидят иеромонах Иннокентий (Тихонов) и старший врач В. А. Белиловский; первый во втором ряду – С. Н. Занфирев, третий – В. В. Шишов, пятый – младший врач Ф. К. Теофилактос, седьмой – Ф. М. Морозов. Фото 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-6500)

Отряд 2-го Серафимовского лазарета с представителями управления Красного Креста.
Март–май 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-6090)

Тифлис. Лощина Сололак, Старый город, район Авлабар и Навтлуг.
Фото начала XX в.

Тифлис. Ванский собор, Николаевский мост, река Кура, Пески и Чугуреты.
Фото начала XX в.

Тифлис. Развалины крепости, старая таможня и греческая церковь.
Фото начала XX в.

Вид на Тифлис.
Фото начала XX в.

Тифлисский полевой склад Красного Креста. В лаборатории Медицинского отдела, 7 июня 1916 г.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450. Л. 4)

Тифлисский полевой склад Красного Креста. Двор перед матерскими, 7 июня 1916 г.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450. Л. 17)

Тифлисский полевой склад Красного Креста. Разгрузка вагонов перед амбарами продуктового отдела, 7 июня 1916 г.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450. Л. 1)

Общий вид Карса

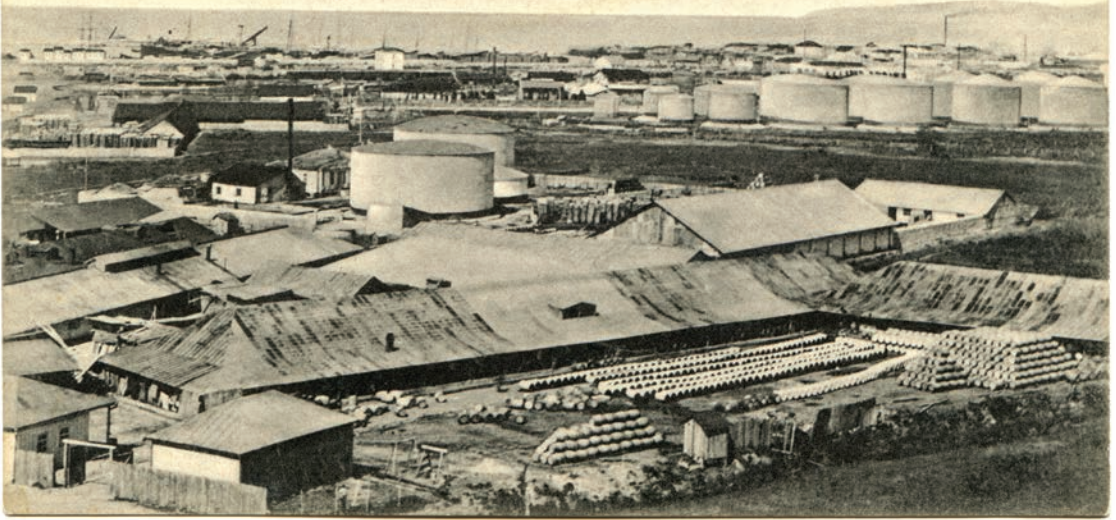

Пещерный монастырь в Карсской области.
Фото Ф. М. Морозова, июнь-июль 1915 г. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 9 об.)

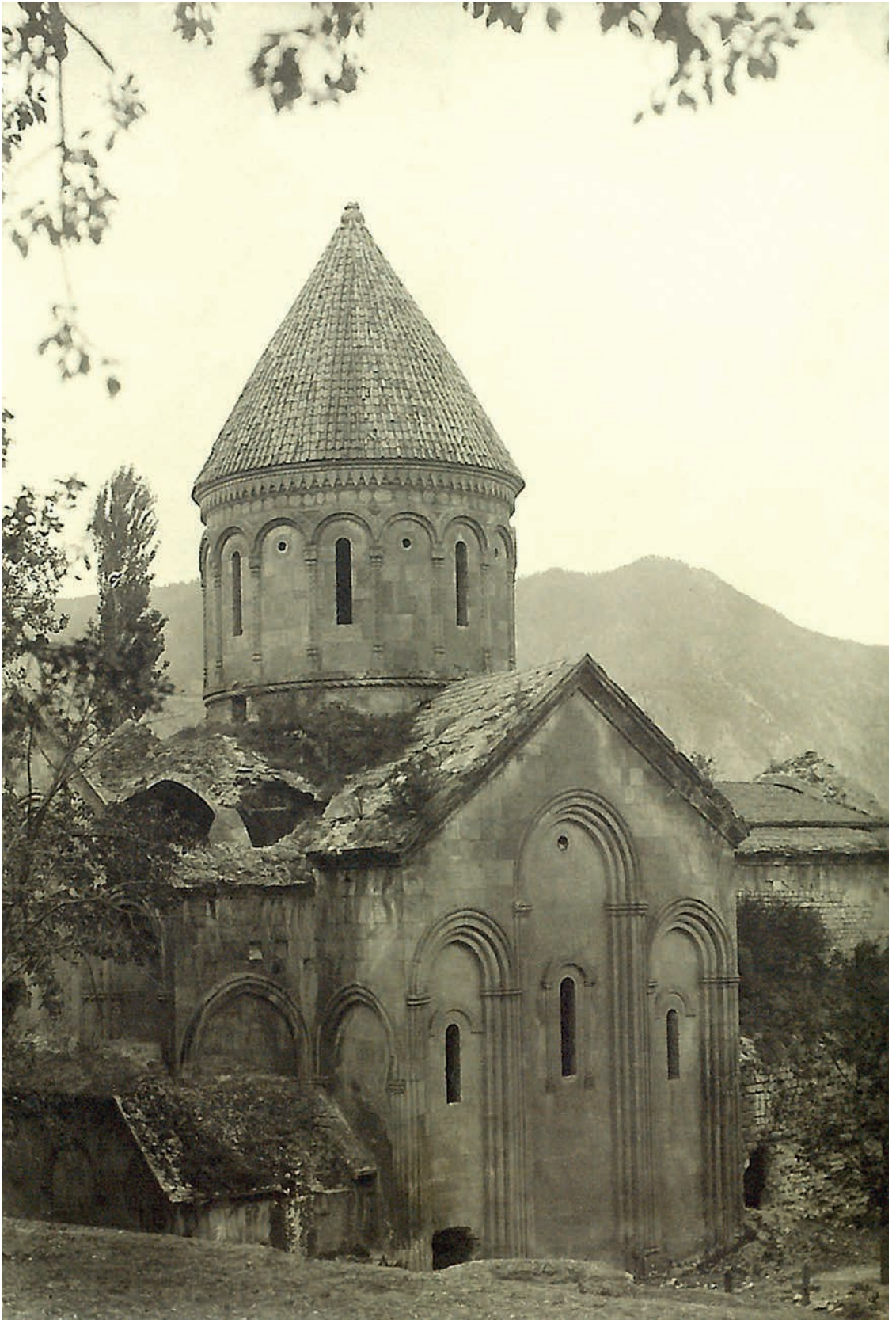

Развалины храма возле Ольт.
Фото Ф. М. Морозова, 1915–1916 гг. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 2 об.)

№ 12. Батумъ.
Нефтяной Городокъ.

Открытка Ф. М. Морозова фотографу К. К. Булле, май 1915 г.

Малая Армения, окрестности Байбурта. Храм Шихан-ваин.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 3. Д. 60. Л. 7)

Коссоры. Вид на Серафимовский лазарет. Фото Ф. М. Морозова, 1915–1916 гг.
(РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 25)

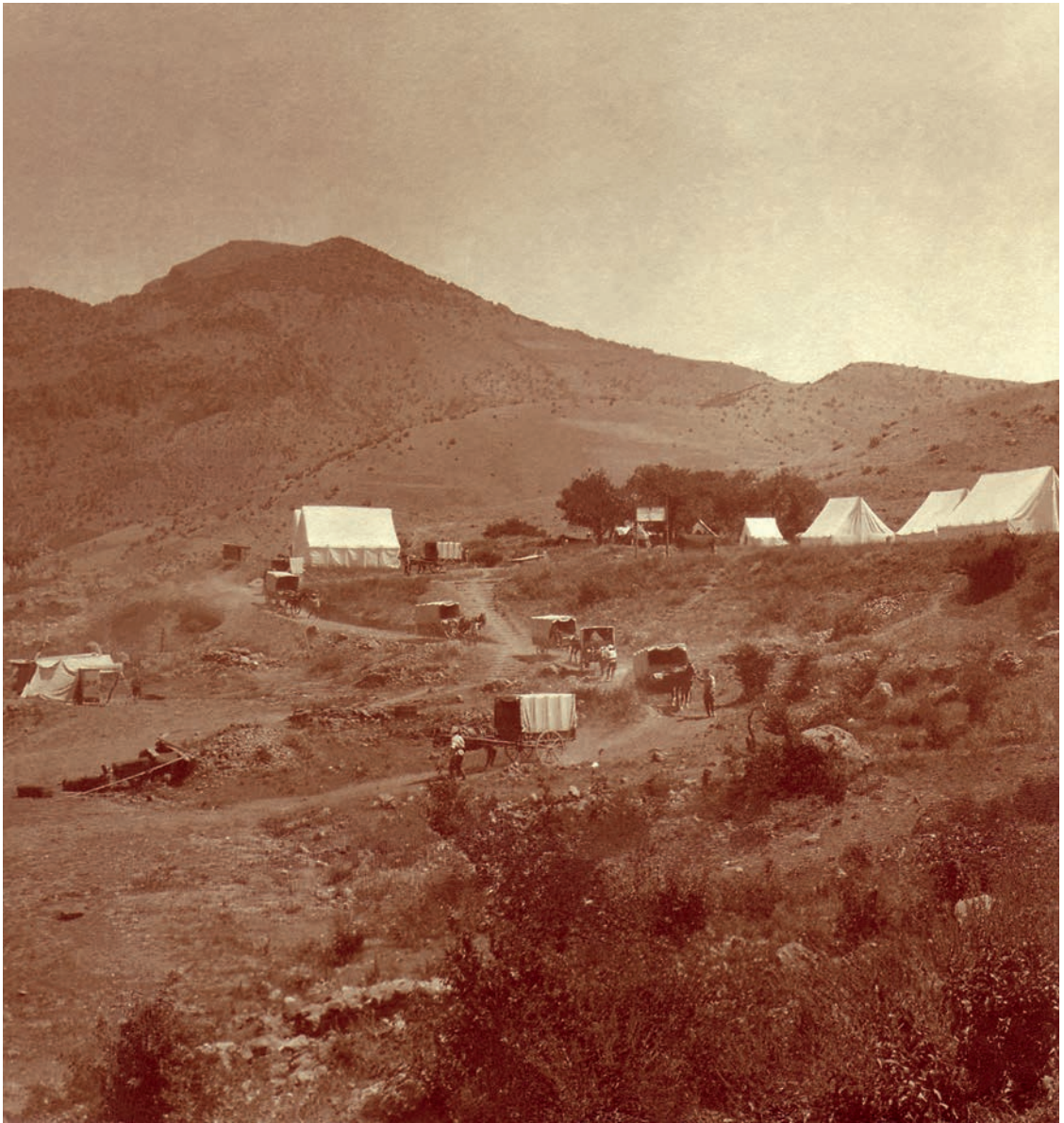
Коссоры. Серафимовский лазарет. Раненого принесли в операционную.
Фото 1915–1916 гг. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 26)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Прибытие раненых на автомобиле Земского союза.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 2)

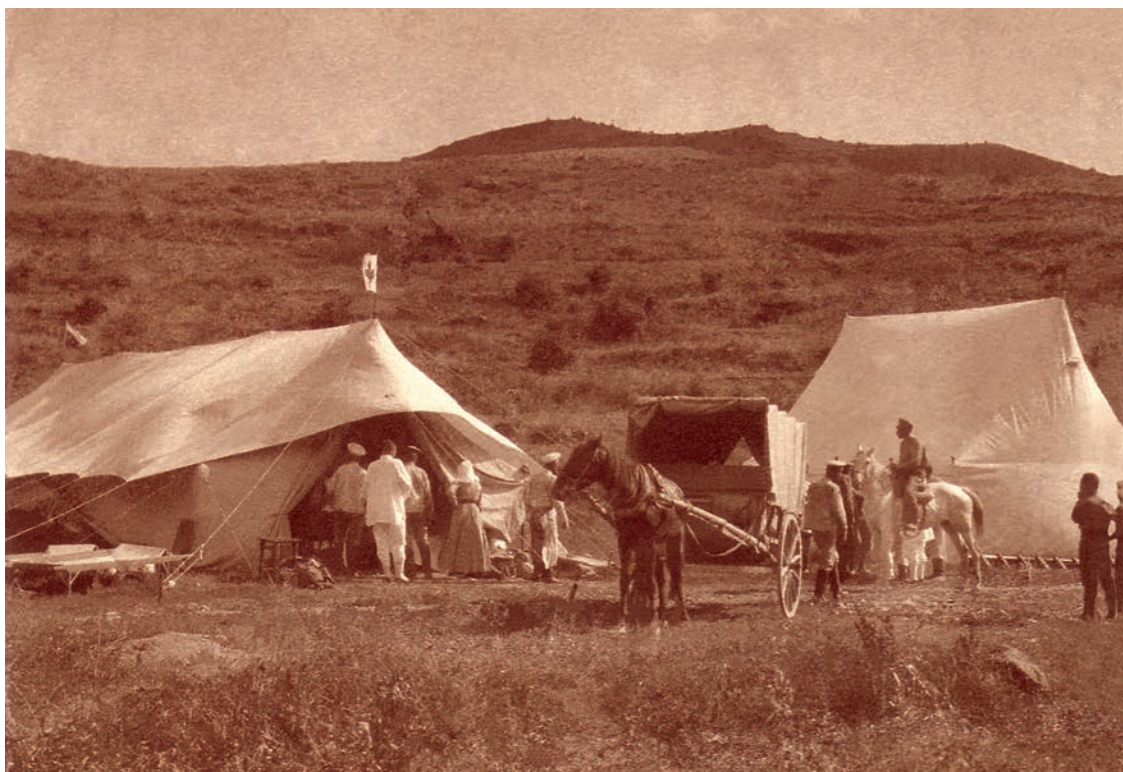
Коссоры. Серафимовский лазарет. Санитары поднимают тяжелораненого для посадки в двуколку.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 4)

Коссоры. Отправка санитарного транспорта из Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 6)

Коссоры. Вид на Серафимовский лазарет.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 17)

Коссоры. Эвакуация раненых из Серафимовского лазарета в Мерденек.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 3)

Коссоры. Вид Серафимовского лазарета. В отдалении видны палатки лазарета 5-й Туркестанской стрелковой бригады.
Фото Ф. М. Морозова, 1 августа 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 254 об.)

Коссоры. В столовой персонала Серафимовского лазарета.
Снимал иеромонах Иоасаф, октябрь 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 259 об.)

Коссоры. Вид Серафимовского лазарета. Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г.

Вид с горы на питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 29)

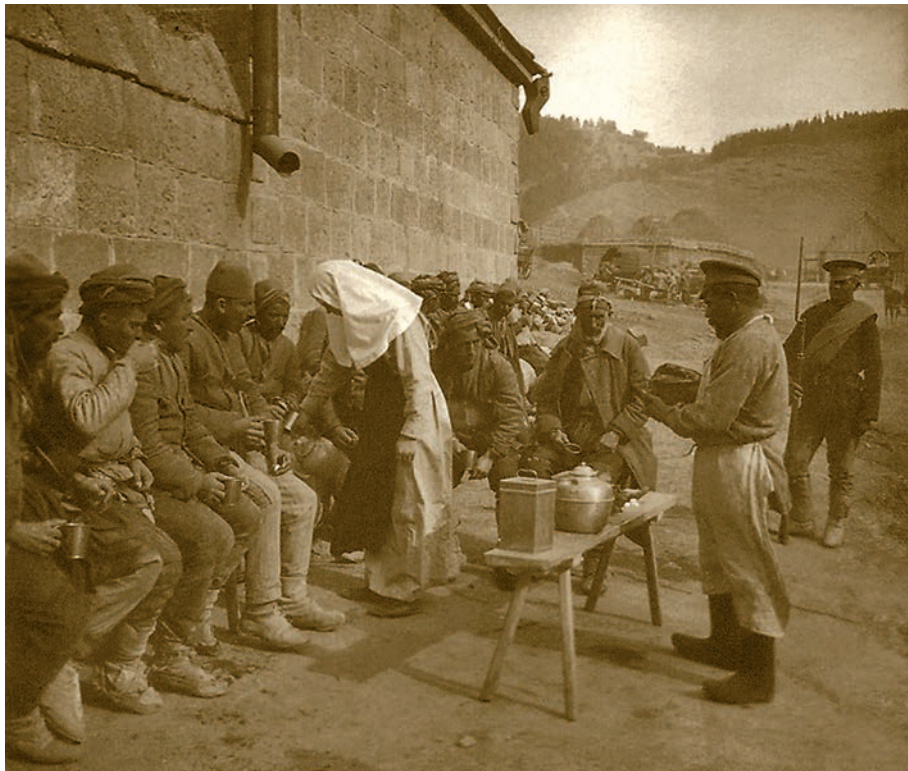
Питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир. Солдаты идут «попить чайку и отдохнуть».
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Дорога на Мерденек. Верблюжий транспорт у питательного пункта в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Транспорт с ранеными и больными у питательного пункта в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир. Раздача чая и хлеба пленным туркам.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир. Получение чая и хлеба проходящим эшелоном.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Прием больных и раненых у питательного пункта Серафимовского лазарета в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Пленные турки у питательного пункта Серафимовского лазарета в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 267 об.)

Русские военные и пленные турки у питательного пункта в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. («Летопись войны» за 1915 г.)

Серафимовский лазарет. Выдача белья солдатам, возвращающимся на позиции.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Коссоры. Персонал Серафимовского лазарета: крайний слева Ф. М. Морозов, сзади фельдшер Г. С. Погосов, посередине в папаче доктор Г. Ф. Холлман, крайний справа зауряд-врач А. М. Ткаченко.
Фото конца 1915 начала 1916 г. (ЦГАКФД СПб. Г-15076)

Коссоры. Серафимовский лазарет: незаразное отделение и столовая.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет: юрта сестры-хозяйки, хлебопечарня, юрта сестер,
барак младшего врача при незаразном отделении.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256 об.)

Коссоры. Вид Серафимовского лазарета.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 257 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет: кухня для персонала и тяжелобольных, барак кухонных санитаров, кухня команды и кипятильник, хлебопечарня и погреб.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 259 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет: аптека, амбулатория-перевязочная, операционная, палатка заведующего хозяйством, канцелярия.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 258 об.)

Коссоры. Аптека Серафимовского лазарета.
Снимал иеромонах Иоасаф, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 258 об.)

Сирадимоберий водосточной
 Надпись Краевого Креста.
 До 12 сентября 1913 г.

План № 1271

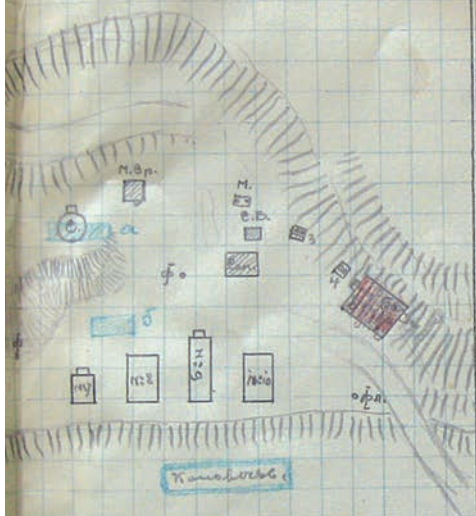
Масштаб: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 арш.

- Объяснение знаков.**
- 1 Сирадимоберий
 - 2 Колодезь
 - 3 Колодезь
 - 4 Колодезь
 - 5 Колодезь
 - 6 Колодезь
 - 7 Колодезь
 - 8 Колодезь
 - 9 Колодезь
 - 10 Колодезь
 - 11 Колодезь
 - 12 Колодезь
 - 13 Колодезь
 - 14 Колодезь
 - 15 Колодезь
 - 16 Колодезь
 - 17 Колодезь
 - 18 Колодезь
 - 19 Колодезь
 - 20 Колодезь
 - 21 Колодезь
 - 22 Колодезь
 - 23 Колодезь
 - 24 Колодезь
 - 25 Колодезь
 - 26 Колодезь
 - 27 Колодезь
 - 28 Колодезь
 - 29 Колодезь
 - 30 Колодезь
 - 31 Колодезь
 - 32 Колодезь
 - 33 Колодезь
 - 34 Колодезь

Весь сирадимоберий
 по плану аббата
 Копытовича
 безспиритного
 расписания.

М. Д. Т. Сидорова

Объект значок

- №1
- №2
- №3
- №4
- №5 *Болокучинские*
- №6 *павары.*
- №7
- №8
- №9
- №10
- Е.б. - Старинный брод
- М.б. - Младший брод
- С. - Топографический
- Х. - М. Хосмак.
- З.Х. - Завод Хосмак.
- Ка. - Карусавария
- Оп. - Окружающая
- Ал. - Алдугафория
- Ал. - Алдуга
- Ор. - Окружающая павар
- Ср. - Соловья
- Ц. - Цилиндры
- К. - Камары, камары
- Б. - Бомбы
- Кл.К. - Камары, камары
- К.П. - Камары, камары
- Пл. - Камары, камары
- Пл. - Камары, камары
- Г. - Камары, камары
- Ба. - Камары, камары
- С.В. - Камары, камары
- Сам. - Камары, камары
- Сам. - Камары, камары
- Прн. - Камары, камары

- Кр. - Камары
- * - Камары
- М. - Камары
- Ф. - Камары
- Ф.А. - Камары
- и Кр. Кр. Камары
- рты.
- С.С. - Камары
- и Камары
- С.С. - Камары
- 1. Камары
- 2. Камары
- 3. Камары
- 4. Камары
- Б.А. - Камары
- Ка. - Камары
- К. - Камары
- С. - Камары
- З. - Камары
- С.С. - Камары
- и Камары
- а. Камары
- б. Камары

пр. Dr. T. Kamary.

Коссоры. Серафимовский лазарет: юрта сестер, барак младшего врача, барак санитаров заразного отделения.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 257 об.)

Коссоры. В перевязочной Серафимовского лазарета: на переднем плане доктор Г. Ф. Холлам, справа от него зауряд-врач А. М. Ткаченко проводит осмотр раненого.
Снимал иеромонах Иоасаф, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 258 об.)

Кавказский фронт. Группа русских военных у входа в блиндаж.
Фото 1914–1916 гг. (ЦГАКФФД СПб. Г-15847)

Кавказский фронт. Солдаты после боя на Эрзерумском направлении.
Фото 1915 г. (РГАКФД, 4-44)

Кавказский фронт. На Караурганском шоссе.
(«Летопись войны» за 1914–1915 гг. № 34. С. 541)

После боя.
Фото 1914–1916 гг. (РГАКФД. 2-48819)

Эрзерум.
Фото Ф. М. Морозова, 12 февраля 1916 г. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 6 об.)

Византийская рельефная плита времен Феодосия Великого, встроенная в одну из мечетей Эрзерума.
Фото Ф. М. Морозова, 12 февраля 1916 г. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 5 об.)

Окрестности Карса

Вид улицы Эрзерума, занятого русскими войсками.
Фото 1916 г. (РГАКФД, 4-43)

Коссопы. Ф. М. Морозов и доктор Н. К. Чикаревский (в белом халате) среди санитаров Серафимовского лазарета.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 16)

Коссоры. Канцелярия Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 20)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Кухня для санитарной команды и больных, получающих простой стол.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 22)

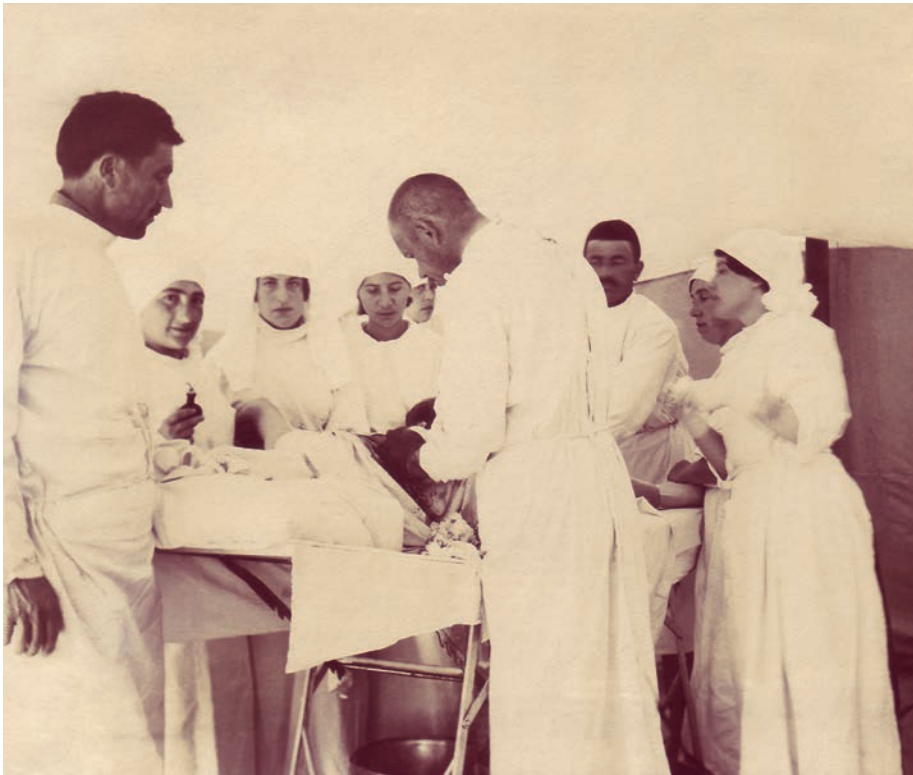
Коссоры. Серафимовский лазарет. Кухня для персонала и тяжелобольных.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 27)

Коссо́ры. Серафимовский лазарет. Работа в прачечной.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 23)

Коссо́ры. Серафимовский лазарет. Сестра милосердия и Ф. М. Морозов делают перевязку курдским детям.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 10)

Коссо́ры. Серафимовский лазарет. Доктор Н. К. Чикаревский делает санитару Штейнбаху операцию – торакотомию.
Фото Ф. М. Морозов, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 19 а)

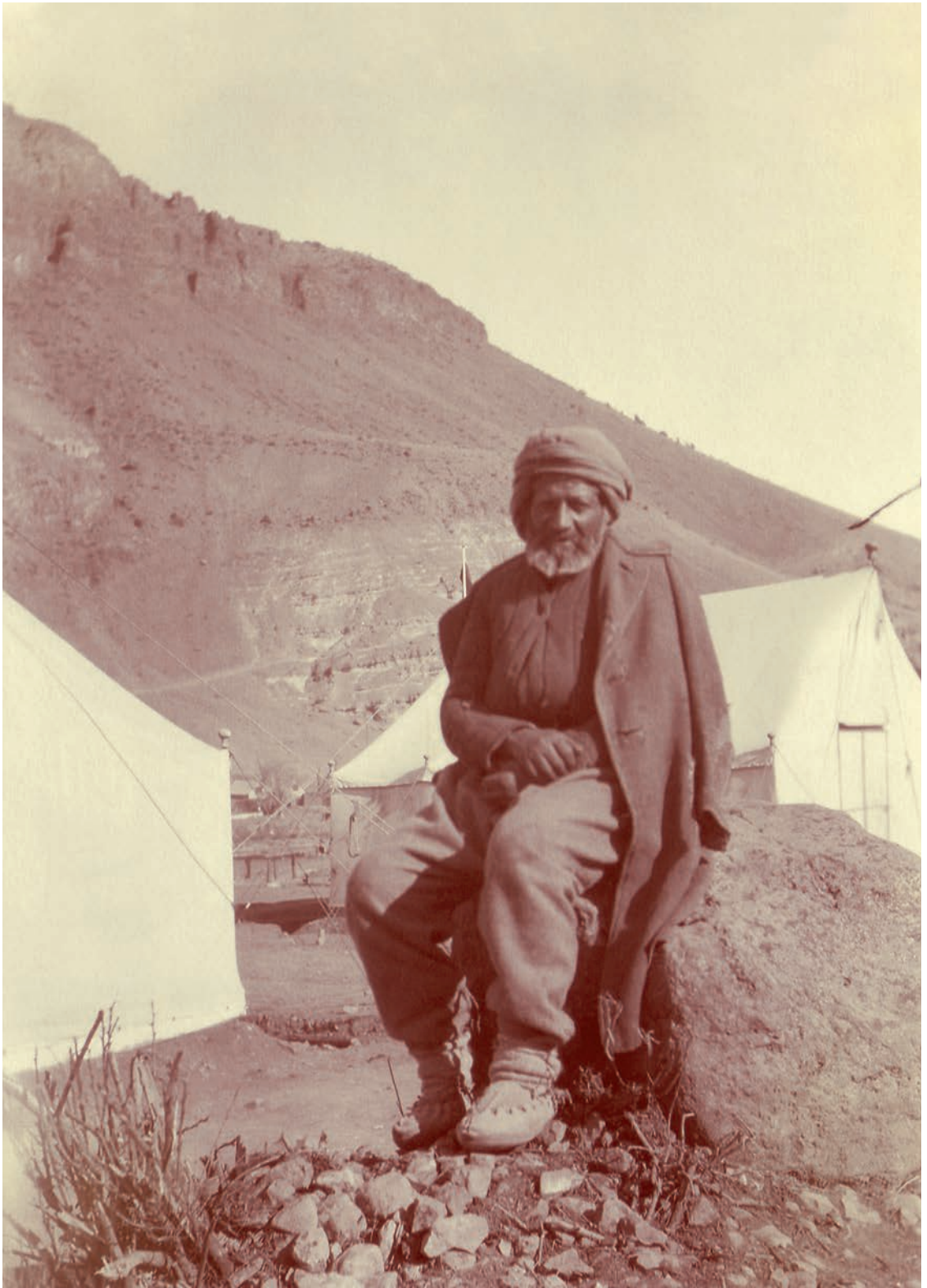
Коссо́ры. Аптека Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 19 б)

Коссоры. Около перевязочной Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 24)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Курдские женщины в ожидании амбулаторного приема.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 17 а)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Курд в ожидании амбулаторной помощи.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 18)

Коссоры. Серафимовский лазарет. На лазаретное кладбище несут умерших от сыпного тифа.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 21)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Отпевание умерших от сыпного тифа.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 28)

Коссо́ры. Серафимовский лазарет. Погребение умершего.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 266 об.)

Коссо́ры. Серафимовский лазарет. Больные и санитары «на досуге».
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 261 об.)

ТЕЛЕГРАММА № 11091

Бланк № 83

Пров. № 221 6 11 20
Прии. 191 г. вь ч. м.

Приняль

Срочно. Конт. 16
Александра Ковская
Мавра Арменциско
пу Сергеев Влад. 966

58 П.-Т. ОТД.
СТЕКЛЯНЫЙ, ШЛИССЕЛБУРГСКИЯ ПР. 51.

Мидриша *)

Отметка о передаче в отд.

Разряд.	Счетъ словъ.	И о д а н а.
ср	16 т.	21 / 10 13 -
	сл.	ч. м. полу
	ш.	

С л у ж е б н ы я о т м е т к и.

+ 221
VII

Старший врачъ Серафимовская
Мазарета Чикаревский Гусевъ
Мидриша
Марозовъ

* В служебном заголовкѣ телеграммы, принятой на буквопечатающъ аппаратѣ, значеніе чиселъ по порядку слѣдующее: 1) номеръ телеграммы, 2) число словъ, 3) число мѣсяца и 4) часы и минуты подачи.

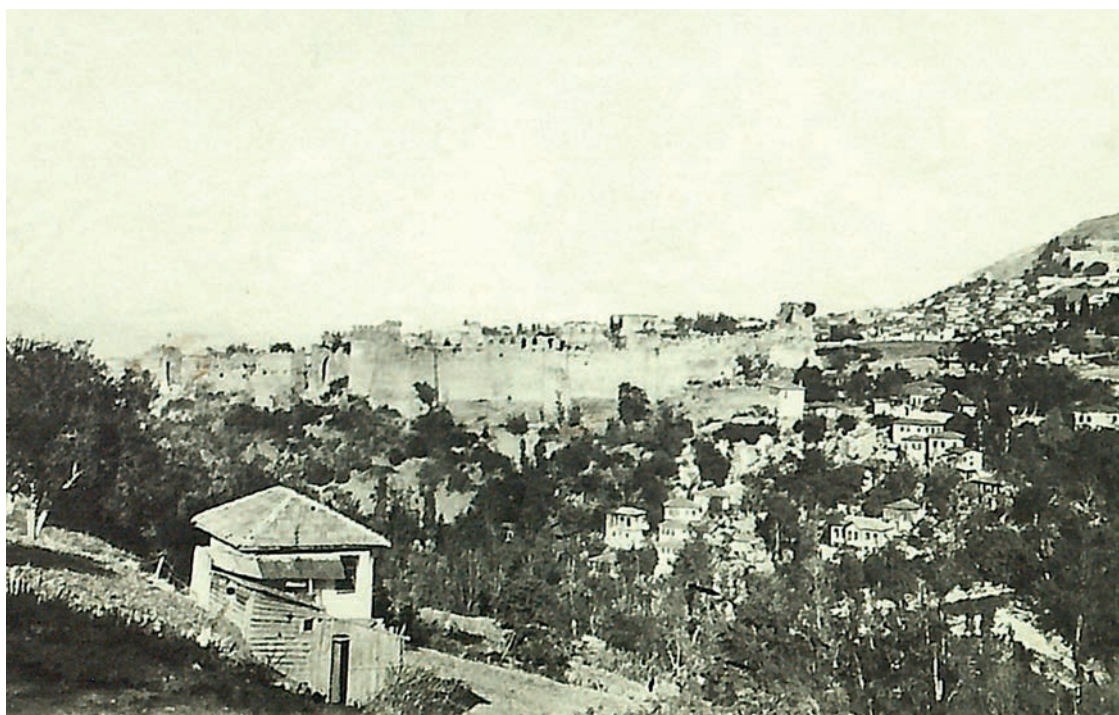
Трапезунд. Вид с моря.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 119)

Трапезунд. Вид со стороны пристани.
Фото начала 1910-х гг. (РГАКФД. Ал. 1007 сн. 38)

Вид на селение Платана.
Фото Ф. М. Морозова, 1916–1917 гг. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 118)

Трапезунд. Вид на крепость.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 102)

Храм Св. Софии в Трапезунде.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 38)

Рельефные изображения на храме Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 37)

Трапезунд. Внутренний вид храма Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 16)

Колокольня храма Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 15)

Трапезунд. Храм Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 124)

Трапезунд. Вид на древнюю крепость.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 102)

Трапезунд. Вид с северо-востока на стену верхней части крепости.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 58)

Вид на храм с алтарной стороны в селении Платана.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 115)

Малый храм в селении Платана.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 122)

Трапезунд. Храм Преображения Господня.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 120)

Трапезунд. Древняя церковь.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 125)

Трапезунд. Дворцовая церковь Св. Евгения.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 9. Л. 76)

Трапезунд. Общий вид церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ИИМК РАН. О-90-10)

Трапезунд. Церковь Св. Анны, вид с юго-западной стороны.
Фото Ф. М. Морозова, 1916–1917 гг. (ИИМК РАН. О-90-11)

Трапезунд. Южный фасад церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1916–1917 гг. (ИИМК РАН. О-90-12)

Внутренний вид церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-14)

Фреска на южной стене церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-16)

Соук-су. Одна из дач, занятая Серафимовским лазаретом.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 8)

Соук-су. Серафимовский лазарет. Санитарам зачитывают манифест
об отречении императора Николая II от престола и приказ нового правительства.
Фото Ф. М. Морозова, март 1917 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 9)

Соук-су. Серафимовский лазарет. Команду санитаров и персонал приводят к присяге Временному правительству.
Фото Ф. М. Морозова, март 1917 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 5)

Вольноопределяющийся фельдшер Федор Михайлович Морозов.
Фотография ателье Буллы, 1916 г. (ЦГАКФД СПб. Г-11090)

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

1. Архив Государственного Русского музея. Ф. 831. Оп. 10. Д. 313.
2. Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Ед. хр.: О-90-10; О-90-11; О-90-12; О-90-14; О-90-16.
3. Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Ф. 18. Д. 351.
4. Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Ф. 3. Д. 406.
5. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828.
6. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829.
7. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593.
9. Российский государственный архив кинофотодокументов. Ед. хр.: Ал. 1007 сн. 38; 2-48819; 4-43; 4-44.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 429.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ц.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч.

БИБЛИОГРАФИЯ

18. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70.
22. Российский государственный исторический архив. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258.
23. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 116. Оп. 3. Д. 60.
24. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6.
25. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9.
26. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75.
27. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Ед. хр.: Г-778; Г-6090; Г-6500; Г-11090; Г-15076; Г-15847; Д-3122; Е-2218.

Литература

28. *Булгаковский Д. Г.* Живем ли мы по-христиански. Апология христианства по поводу 1600-летнего торжества христианской веры. – СПб.: Тип. М. Пивоварский и А. Типограф, 1913. – С. 19–20.
29. *Булгаковский Д. Г.* Море слез. Картины из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». Изд. 4-е. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – С. 3.
30. Герои из православных пастырей, запечатлевших смертью высокий долг на войне // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 9. – С. 304–308.
31. Герой монах // Странник. – 1915. – № 11 (ноябрь). – С. 1404–1407.
32. *Зверев И.* Об участии церковных школ Минской епархии в современной войне // Минские епархиальные ведомости. – 1916. – № 2. – С. 59–65; № 3–4. – С. 92–98.

33. Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Российской Империи // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 17. – С. 359–360.
34. *Кострюков А. А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. – 2005. – № 2 (13). – С. 143–198.
35. *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж: Изд. «Возрождение», 1933. – 503 с.
36. *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея. Дневник. – Берлин: Сибирское книгоиздательство, [1925]. – 383 с.
37. Обзор деятельности учреждений, состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Российского Общества Красного Креста на Кавказском фронте за май, июнь и июль месяц 1915 года. – Тифлис: Электротпечатня Тифлисской № 2 тюрьмы, 1915. – 101, 54, 24 с.
38. О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 1. – С. 23–24; № 2. – С. 65–67; № 3. – С. 96–101; № 5. – С. 155–157; № 10. – С. 289–290; № 28. – С. 698–700; № 30. – С. 753–754; № 39. – С. 961–963; № 47. – С. 1136–1137.
39. Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – 45 с.
40. Продовольственное совещание // Кавказ. – 1916. – № 33.– С. 4.
41. *Рункевич С. Г.* Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: Синод. тип., 1916. – (2), 358 с.
42. *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал... // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37. – С. 86.
43. *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – 304 с.; Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – 300 с.
44. *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 207–238.

45. [Успенский Ф. И.]. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского // Известия императорской Академии наук. - 1916. - Т. XI. - № 16. - С. 1464-1480, 1490-1492, 1657-1663.
46. Учреждения духовного ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям. Серафимовский лазарет Духовных учебных заведений // Прибавление к Церковным Ведомостям. - 1915. - № 4. - С. 108-110.
47. Учреждения Духовного Ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям: Серафимовский лазарет Духовных учебных заведений под Августейшим покровительством великой княжны Татианы Николаевны // Прибавление к Церковным Ведомостям. - 1915. - № 7. - С. 221-223; № 21. - С. 655-656.
48. Хроника епархиальной жизни // Странник. - 1915. - № 8-9 (август-сентябрь). - С. 1029-1031.
49. Хроника епархиальной жизни // Странник. - 1915. - № 11 (ноябрь). - С. 1346.
50. Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 томах. - Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954.
51. Щеглов Гордей, священник. Боевой путь передового перевязочного отряда имени преподобного Серафима Саровского (1915-1917). - Минск: ВРАТА, 2013. - 112 с.: ил.
52. Щеглов Гордей, священник. Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914-1918). - Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2014. - 316 с.: ил.
53. Щеглов Г. Э. Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова. - Минск: ВРАТА, 2012. - 366 с., [73] л. цв. ил.: ил.
54. שלשים ושלושה ספורים [Черниховский Саул]. [Тридцать три рассказа]. - תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. - 224 с.

Духовно-просветительное издание

Щеглов Гордей Эдуардович

**ПУТЬ ДО КОНЦА:
история Серафимовского лазарета
на Кавказском фронте
(1915–1920)**

Редактор	<i>священник Гордей Щеглов</i>
Компьютерная верстка и дизайн	<i>Е. В. Шабад</i>
Корректор	<i>Е. А. Шлыкович</i>

Подписано в печать 09.04.2014. Формат xxxxxx/xx
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. xx,x. Уч.-изд. л. xx,x+x,x вкл. Тираж 100 экз. Заказ № xxxx.

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви.
ЛВ № 02330/0494311 от 04.03.2009.
220020, Беларусь, Минск, пр. Победителей, 82; т. [8-017] 250-14-18.